

ISSN 2782-3377

ЖУРНАЛ
NOMADIC CIVILIZATION:
HISTORICAL RESEARCH

N.C.
H.R.

1(1) / 2021

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова по праву гордится своими известными учеными, которые внесли весомый вклад в развитие современного востоковедения теоретическими разработками, практическими исследованиями и научными достижениями, значительно раздвинув горизонты познания.

Перед вами первый номер международного электронного научного журнала «Nomadic civilization: historical research» (Кочевая цивилизация: исторические исследования). Глубоко символично, что выход в свет первого номера журнала совпал по времени с Годом науки и технологий. Это дает дополнительный импульс для новых идей и достижений в изучении историко-культурной проблематики, связанной с кочевыми народами Евразии, и консолидации совместных усилий отечественных и зарубежных исследователей.

Создавая этот журнал, мы исходили из того, что будем публиковать на его страницах научные труды теоретического и исследовательского характера по актуальным вопросам истории и культуры кочевых народов Евразии.

Миссия журнала «Nomadic civilization: historical research» – поддержка развития отечественного и зарубежного кочевниковедения; публикация оригинальных и переводных статей; презентация новых научных идей и обсуждение дискуссионных вопросов по заявленной проблематике.

Хочется верить, что данный журнал станет привлекательной площадкой для профессионального общения широкого круга специалистов-кочевниковедов и предоставит возможность исследователям опубликовать результаты собственной научной и прикладной деятельности.

Убежден в том, что наши ученые, преподаватели, аспиранты и студенты не только будут активными участниками мероприятий Года науки и технологий, но и станут постоянными авторами публикаций на страницах нашего международного научного журнала.

Ждем Ваши материалы для публикации в последующих номерах журнала «Nomadic civilization: historical research» («Кочевая цивилизация: исторические исследования»)!

Ректор КалмГУ, профессор

Б.К. Салаев

e-ISSN: 2782-3377

16+

ЖУРНАЛ
NOMADIC CIVILIZATION:
HISTORICAL RESEARCH

Научный электронный журнал

www.nomadic-kalmsu.ru

Том 1 № 1

2021

e-ISSN: 2782-3377

16+

NOMADIC CIVILIZATION: HISTORICAL RESEARCH

Academic E-Journal

www.nomadic-kalmsu.ru

Volume 1, Number 1

2021

NOMADIC CIVILIZATION: HISTORICAL RESEARCH
КОЧЕВАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

2021 № 1

Основан в 2021 году

Журнал «Nomadic civilization: historical research» – международный научный журнал в электронном формате, публикующий в открытом доступе на своих страницах труды теоретического и прикладного характера по актуальным вопросам истории и культуры кочевых народов Евразии.

Исследования специалистов в области кочевниковедения в целом обобщают историко-научный материал и воссоздают целостную картину кочевого евразийского мира. Издание сетевого журнала обеспечивает выполнение важной научной функции – коммуникативно-информационной, что не только позволяет накапливать достижения отечественной и зарубежной науки в области изучения кочевых евразийских народов, но и служит основой для новых открытий и идей в исследовании указанной проблематики.

Миссия журнала «Nomadic civilization: historical research» – поддержка развития отечественного и зарубежного кочевниковедения; публикация оригинальных и переводных статей; презентация научных идей и обсуждение дискуссионных вопросов, а также создание площадки для профессионального общения широкого круга специалистов-кочевниковедов.

Научный сетевой журнал предоставит возможность исследователям опубликовать результаты собственной научной и прикладной деятельности.

Основная цель журнала – предоставить возможность научному сообществу публиковать новейшие оригинальные результаты своих исследований в области кочевниковедения, привлечь внимание ученых, включая специалистов из смежных областей, а также преподавателей вузов, читающих лекции по соответствующей тематике, к перспективным и актуальным направлениям современной науки.

Важнейшими задачами журнала являются:

- синтез фундаментальной науки и прикладных исследований в указанной области;
- продвижение результатов междисциплинарных исследований в данной сфере;
- усиление интеграции российских ученых в международное научное сообщество.

Разделы журнала:

Отечественная история; всеобщая история; археология; этнография, этнология и антропология; историография, источниковедение и методы исторического исследования; история международных отношений и внешней политики; теория и история культуры; теология.

Мы выходим 4 раза в год.

Рабочими языками сетевого издания являются русский, английский, монгольский, немецкий, калмыцкий.

- Государственная регистрация в Роскомнадзоре: Свидетельство о регистрации СМИ (электронная версия): Эл. № ФС77-80170 от 31 декабря 2020 г.
- ISSN: 2782-3377
- Опубликованные в журнале материалы предназначены для лиц старше 16 лет.

NOMADIC CIVILIZATION: HISTORICAL RESEARCH
КОЧЕВАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

2021 № 1

The journal was founded in 2021

The journal “Nomadic civilization: historical research” is an international electronic scientific journal devoted to theoretical and applied significance of topical historical and cultural issues of nomadic Eurasian peoples.

The research of specialists in the field of nomad studies as a whole generalizes the historical and scientific material and recreates a holistic picture of the nomadic Eurasian world. The publication of the electronic journal contributes to the realization of an important scientific function (communicative and informational), which allows to accumulate not only the achievements of domestic and foreign science in the field of Nomad studies, but also serves as the basis for new discoveries and ideas in the study of this scientific problem.

The mission of the journal “Nomadic civilization: historical research” is to support the development of national and foreign studies on nomadism; to publish original and translated articles; to present scientific ideas and discuss controversial issues, as well as to create a platform for professional communication of a wide range of nomadic specialists.

The scientific journal will provide an opportunity for researchers to publish the results of their own scientific and applied activities.

The main purpose of the journal is to provide an opportunity for the scientific community to publish the latest original results of their research in the field of nomadic civilizations and cultures, to draw attention of scientists, including specialists from related fields, as well as university teachers who give lectures on relevant topics to promising and relevant areas of modern science.

The most important tasks of the journal are:

- synthesis of basic science and applied research in the field of Nomad studies;
- promotion of the results of interdisciplinary research in this field;
- strengthening the integration of Russian scientists into the international scientific community.

Sections of the journal:

National history; general history; archeology; ethnography, ethnology and anthropology; historiography, source studies and methods of historical research; history of international relations and foreign policy; theory and cultural history; theology

Published four times a year

The working languages of the network edition are Russian, English, Mongolian, German, Kalmyk.

- State registration of Roskomnadzor. Certificate of Media Registration (electronic version): Registration record № ФС77-80170 from December 31, 2020.
- ISSN: 2782-3377
- The materials published in the journal are intended for persons over 16 years.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Бадмаева Екатерина Николаевна, доктор исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова» (Элиста, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Омакаева Эллага Уляевна, кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова» (Элиста, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Шорковиц Дитмар, доктор исторических наук, профессор, Институт социальной антропологии им. Макса Планка (Берлин, Германия)

Попова Ирина Федоровна, доктор исторических наук, профессор, Институт восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург, Россия)

Сампилдондов Чулуун, академик, доктор исторических наук, Международная Ассоциация монголоведения (Улан-Батор, Монголия)

На. Сухбаатар, доктор исторических наук, профессор, Монгольский государственный университет образования (Улан-Батор, Монголия)

Артыкбаев Жамбыл Омарович, доктор исторических наук, профессор, Евразийский национальный университет им Л. Н. Гумилева (Нур-Султан, Казахстан)

Кидирниязов Даниял Сайдахмедович, доктор исторических наук, профессор, Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН Институт истории, археологии и этнографии (Махачкала, Россия)

Колесникова Марина Евгеньевна, доктор исторических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет» (Ставрополь, Россия)

Кундакбаева Жанат Бековна, доктор исторических наук, профессор, Казахский национальный университет им. Аль-Фараби (Алматы, Казахстан).

Кольцов Петр Михайлович, доктор исторических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова» (Элиста, Россия)

Команджаев Александр Нармаевич, доктор исторических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова» (Элиста, Россия)

Убушаев Владимир Бадахаевич, доктор исторических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова» (Элиста, Россия)

Лиджиева Ирина Владимировна, доктор исторических наук, ФБГУН «Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН» (Ростов-на-Дону, Россия)

Очир-Горяева Мария Александровна, доктор исторических наук, ФБГУН «Калмыцкий научный центр РАН» (Элиста, Россия)

Торопицын Илья Васильевич, кандидат исторических наук, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет» (Астрахань, Россия)

NOMADIC CIVILIZATION: HISTORICAL RESEARCH

КОЧЕВАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

EDITOR-IN-CHIEF

Badmaeva Ekaterina Nikolaevna, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov (Elista, Russia)

DEPUTY CHIEF EDITOR

Omakaeva Ellara Ulyaevna, Candidate of Philology, Associate Professor, Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov (Elista, Russia)

EDITORIAL BOARD

Schorkowits Dittmar, Doctor of Historical Sciences, Professor, Senior Researcher, Max Planck Institute for Social Anthropology (Germany)

Popova Irina Fedorovna, Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia)

Sampildondov Chuluun, Academician, Doctor of Historical Sciences, International Association of Mongolian Studies (Ulan-Bator, Mongolia)

Sukhebaatar Nadmidyn, Doctor of Historical Sciences, Professor, Mongolian State University of Education (Ulan-Bator, Mongolia)

Artykbaev Zhambyl Omarovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, L.N. Gumilyov Eurasian National University (Nur-Sultan, Kazakhstan)

Kidirniyazov Daniyal Saidakhmedovich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (Makhachkala, Russia)

Kolesnikova Marina Evgenievna, Doctor of Historical Sciences, Professor, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia)

Kundakbaeva Zhanat Bekovna, Doctor of Historical Sciences, Professor, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Kazakhstan)

Koltsov Petr Mikhailovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Kalmyk State University named after V.I. B. B. Gorodovikov (Elista, Russia)

Komandzhaev Alexander Narmaevich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Kalmyk State University named after V.I. B. B. Gorodovikov (Elista, Russia)

Ubushaev Vladimir Badakhaevich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Kalmyk State University named after V.I. B. B. Gorodovikov (Elista, Russia)

Lidzhieva Irina Vladimirovna, Doctor of Historical Sciences, Federal Research Center The Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (Rostov-on-Don, Russia)

Ochir-Goryaeva Maria Aleksandrovna, Doctor of Historical Sciences, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia)

Toropitsyn Ilya Vasilievich, Candidate of Historical Sciences, Astrakhan State University (Astrakhan, Russia)

NOMADIC CIVILIZATION: HISTORICAL RESEARCH
КОЧЕВАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

СОДЕРЖАНИЕ

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

- Артыкбаев Ж.О.**
Рассказ о Домбаулыле из племени Кият (опыт интерпретации мифа) 9
- Чулуун С., Омакаева Э.У.**
Памятники ойратской буддийской архитектуры в Казахстане:
проблемы изучения историко-культурного наследия калмыков
в трудах проф. Ж.О. Артыкбаева 24

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

- Экмайер Э., Очир-Горяева М.А.**
The impact of soil as a natural resource on emerging settlements
in the steppes of Eurasia 35
- Клейменова О.А.**
Русь и кочевники в X – первой трети XII вв.:
от военной конфронтации к союзническим отношениям 42
- Максимов К.Н.**
Организация управления калмыцким народом
в конце XVIII – первой четверти XIX вв. 54
- Лиджиева И.В., Содномова И.Н.**
Стационарные постройки на территории кочевых инородцев:
строительство ставок приставов (попечителей) 66

**ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ
И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

- Бадмаева Е.Н.**
История кочевых обществ (на примере Калмыкии):
историографический анализ 79

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

- Хэрлэн Л.**
Аялгуут аман соёлын эх сурвалж дахь цуур, хөөмэйн дуурьслын тухайд 94

ПЕРЕВОДЫ

- Шорковиц Д.**
Мобильность и ограниченная (низкая) мобильность
в Монгольской империи 103

NOMADIC CIVILIZATION: HISTORICAL RESEARCH
КОЧЕВАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

CONTENTS

GENERAL HISTORY

Artykbaev Zh.O.

The story of Dombauyl from the Kiyat tribe (experience in interpreting the myth) 9

Chuluun S., Oмаkaeva E.

Monuments of Oirat Buddhist architecture in Kazakhstan:
problems of studying the historical and cultural heritage
of the Kalmyks in the works of prof. Zh.O. Artykbaev 24

NATIONAL HISTORY

Ekmeyer E., Ochir-Goryaeva M.A.

The impact of soil as a natural resource on emerging settlements
in the steppes of Eurasia 35

Kleimenova O.A.

Rus and nomads in X – the first third of the XII centuries:
from military confrontation to allied relations 42

Maksimov K.N.

Organization of the management of the Kalmyk people
at the end of the XVIII – the first quarter of the XIX centuries 54

Lidzhieva I.V., Sodnomova I.N.

Stationary buildings on the territory of nomadic foreigners:
construction of bailiffs (trustees) 66

**HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES AND METHODS
OF HISTORICAL RESEARCH**

Badmaeva E.N.

The history of nomadic societies (on the example of Kalmykia):
historiographic analysis 79

THEORY AND CULTURAL HISTORY

Herlen L.

About tsuur and khumei in the sources of oral culture 94

TRANSLATIONS

Shorkovits D.

Mobility and Immobility in the Mongol Empire 103

УДК 94(574)

РАССКАЗ О ДОМБАУЫЛЕ ИЗ ПЛЕМЕНИ КИЯТ (ОПЫТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ МИФА)

Жамбыл Омарович Артыкбаев

доктор исторических наук, профессор

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Нур-Султан, Республика
Казахстан

E-mail: socantropology@mail.ru

А н н о т а ц и я

Устные источники являются важнейшим источником изучения истории казахского народа и предшествовавших ему и других народов Великого степного пояса. К устным источникам можно отнести эпические поэмы, исторические легенды и предания, рапсодии, пословицы и поговорки, другие жанры устного народного фольклора. В них представлены обширные сведения об истории казахского и других степных народов, содержатся оценки того или иного события, их участников. В статье сделана попытка проанализировать и интерпретировать мифо-исторические тексты устной традиции казахов и других народов Центральной Азии, где центральной фигурой служит Домбауыл-мерген.

К л ю ч е в ы е с л о в а

устное творчество, мифические сюжеты, тюрко-монгольские народы, Домбауыл-мерген, Кият, Чингис-хан.

UDC 94(574)

A STORY ABOUT DOMBAUYL FROM THE KIYAT TRIBE (EXPERIENCE OF THE INTERPRETATION OF MYTH)

Jambyl O. Artykbayev

Dr. Sc. (History), Professor

L.N. Gumilev Eurasian National University, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan

E-mail: socantropology@mail.ru

Annotation

Oral sources are the most important source of study of the history of the Kazakh people and those that preceded them and other peoples of the Great Steppe Belt. Oral sources include epic poems, historical legends and legends, rhapsody, proverbs and sayings, other genres of oral folklore. They provide extensive information about the history of Kazakh and other steppe peoples, contain assessments of a certain event, their participants. The article attempts to analyze and interpret the myth-historical texts of the oral tradition of Kazakhs and other peoples of Central Asia, where the central figure is Dombauyl-mergen.

Keywords

Oral creativity, mythical subjects, Turkic-Mongolian peoples, Dombauyl-mergen, Kiyat, Genghis Khan.

ВВЕДЕНИЕ

Устные источники занимают важное место в широком контексте источников по истории казахского народа. В них содержатся колоссальные сведения по истории, быту и культуре казахов и предшествовавших ему народов Великого степного пояса (Артыкбаев, 2017). Эти знания как особая форма литературного творчества и одновременно как суммарная историческая память в большей части передавались из поколения в поколение в устной форме. Общие контуры устного творчества включают в себя как целые циклы исторических преданий и легенд, так и широко популярные эпические поэмы, толгау (рапсодии), пословицы и поговорки, другие жанры народного фольклора, а иногда и какие-либо точные оценки тех или иных исторических событий или деяний их участников. К сожалению, указанный комплекс национальных источников и по сей день не стал объектом изучения со стороны специалистов по истории народов Центральной Азии. Стало традицией, что филологи изучают художественные достоинства устной литературы тюрко-монгольских народов, в то время как само содержание этой литературы как первоклассного исторического источника, остается вне поля зрения исследователей. В настоящей статье мы, в какой-то степени восполняя данный пробел, попытаемся проанализировать и интерпретировать мифо-исторические тексты устной традиции казахов и других народов Центральной Азии, где центральной фигурой служит Домбауыл-мерген, который стал объектом и предметом проведенного нами исследования. Необходимость анализа и интерпретация памятников устного народного творчества с этим легендарным героем определили актуальность настоящей статьи, ее цели и задачи, а сам текст явился незаменимым материалом при реконструкции исторического прошлого казахского и других степных народов.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Для данной статьи материалом исследования стали мифо-исторические тексты устной традиции казахов и других народов Центральной Азии, где центральной фигурой служит Домбауыл-мерген. Мы опирались в своей статье на работы выдающегося востоковеда и этнографа Ч.Ч. Валиханова, первым среди ориенталистов начавшего теоретические исследования устной традиции казахов, считавшего, что «Главным источником для истории народов кочевых и вообще племен, не имеющих письменности, были и будут полубаснословные их легенды и отрывки из летописей цивилизованных народов, с которыми они сталкивались. Особенно это справедливо в отношении наших кочевников Средней Азии» (Валиханов, 1985: 7–82). Обширный имеющийся историко-фольклорный материал казахов, собранный и систематизированный в конце XIX-начале XX века плеядой талантливых историков, послужил хорошей основой наших изысканий. Нами использовались также издания различных материалов, исследующие казахскую шежиру (генеалогия), вышедшие в разное время в Казахстане. При работе над статьей автор опирался на методику историко-типологических, сравнительно-типологических исследований и структурно-типологических исследований, разработанных в трудах выдающихся ученых – В.Я. Проппа, В.М. Жирмунского, Е.М. Мелетинского, Б.Н. Путилова и др.

ОБСУЖДЕНИЕ

К сожалению, в историографии нет каких-либо специальных трудов, посвященных Домбауыл-мергену, также отмечаемого и в исторических источниках славного рода киятов. Впервые имя Домбауыла в российской исследовательской практике упоминается Г.Н. Потаниным в его известной книге «Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе». Сравнивая основоположника Франкского государства Карла Великого с Чингисханом, он обращается к мифу о Домбауыле: «два брата Донду-гуль и Тохту-гуль изловили ящик. Женщина досталась Тохту-гулу, он сделал ее женой. Она родила сначала Шингиса, потом от Тохту-гула еще трех сыновей...» (2005: 131). В сборнике Г.Н. Потанина по казахскому фольклору есть мифы типа «Дүйін-Баян-Шыңғыс хан, нәсілің нұрдан жаралған» (Дуюн-Баян-Чингис хан, потомство рожденное от луча солнца), входящие в цикл рассказов о Чингисхане, записанные им от брата Чокана Валиханова Махмуда и от Каркаралинского султана Ханходжи, но исследователь не ставил вопрос о происхождении Домбауыла (Дуюн-Баян), так же отсутствуют какие-либо соображения насчет той эпохи, в которой происходили эти исторические события. Хотя, на наш взгляд, исторические привязки к этим мифологическим текстам имеются. С одной стороны, поскольку рассказы о Домбауыл-мергене всегда сопряжены с мифологическими сюжетами, изучать историческую подоплеку их довольно сложная задача. Даже академик А.Х. Маргулан, который ввел в научный оборот мифологические рассказы о Домбауыле, не оставил нам каких-либо предположений об исторических основах мифа, о времени жизни героя. Только в статье «Қорқыт туралы қазақтың қария сөздері» (Казахские исторические сказания о Коркут) он высказал мнение, что Домбауыл был современником Деде Коркута, то есть был склонен связывать его со средневековьем. Его отношение к хронологии мифов о Домбауыле, возможно, исходит от хронологии культового сооружения Домбауыл в Центральном Казахстане, которое он датировал VII–VIII вв. (1985: 140).

Таким образом, исходя из вышеизложенного, мы можем констатировать факт неизученности этой темы в историографии. Как видно из вышесказанного, тема изредка поднималась, но говорить о полноценной постановке вопроса еще рано. Эта сложная ситуация безусловно сказывается на истории изучения династии Кият, родоначальником которой является легендарный Домбауыл. По этой причине мы вначале изложим свое видение истории Кият, а затем продолжим эту тему уже в привязке с Домбауылом.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Начиная наше исследование, мы сделаем краткий обзор источников о Домбауыл мергене. Основная часть данных по Домбауылу находится в устных повествованиях, в особенности, в мифических сюжетах, исходя из чего мы можем предположить, что он является героем древнейшей, то есть дописьменной эпохи. Одним из косвенных доказательств раннего происхождения служит поливариантность его имени в образцах устной традиции (Домрул, Добун-Баян, Дүйін-Баян, Добу мерген, Токтауыл и т.д.).

С повествования о Домбауыле начинается «Сокровенное сказание монголов», и мы считаем, что оно является первой письменной фиксацией тюрко-монгольского устного текста: «Однажды Дува-Сокор с младшим братом Добун-Мерканом взошли на Бурхан-калдун. Когда Дува-Сокор смотрел с вершины Буркан-калдун, он увидел, что к Тункелик-ручью приближается какое-то племя, и говорит: «Вон среди приближающегося племени на передке крытой телеги сидит одна прекрасная дева. Если она не выдана замуж, то мы ее для тебя, мой младший брат Добун-Меркан, посватаем!» – затем он послал братишку Добун-Меркана посмотреть ее. Когда Добун-Меркан достиг племени, действительно, это была прекрасная дева из славного рода, звалась Алан-Коа и еще не была просватана» (Сокровенное сказание, 1990: 8; Монғолдын кўпия шежіресі, 1979: 5).

В дальнейшем красавица Алан-гоа (Алан-қуа – в казахском варианте) выходит замуж за Добун-мергена и рождает от него двух сыновей – Бугунтая и Белгунтая. По истечении некоторого времени Добун-мерген умер. После чего Алан-гоа родила еще троих сыновей – Буха-Хатаги, Букату-салджи и Боданшар-мунхага. Безусловно, в таких случаях возникают вопросы типа «откуда они?», на что Алан-гоа неизменно отвечала «Судя по приметам, они сыновья Неба. Зачем их приравниваете к черноглазым людям? Когда они станут ханами над всеми, тогда чернь поймет!».

Впоследствии потомки Добун-мергена и Алан-гоа в монгольской устной традиции, а также у соседних народов стали называться «*кыят*». В доказательство этому мы можем привести следующий текст из этой же книги. Когда исполнилось Темуджину девять лет, его отец Есугей-бахадур, чтобы засватать за него невесту, вместе с ним отправился к олхонутам. По дороге они встретили Дай-сечена (на казахском – шешен, то есть красноречивый, умный) из племени конырат. Поздоровавшись, пообщались, и Дай-сечен заговорил о вещем сне, который снился ему прошлой ночью. Во сне на руку вождя коныратов опустился белый кречет, сжимая солнце и луну.

«Что за сон?» – вопрошал Дай-сечен, – «оказывается вы духом Кыятовского рода предвещали свое прибытие».

Рашид-ад-дин, когда писал историю Чингисхана, также немалое место отводит сказанию о Домбауыле и Алан-гоа. Родоначальника кыятов Домбауыла он в своей книге, со слов своих информаторов, называет Добун-Баяном.

В тексте казахского варианта мифа о Домбауыле, записанного в свое время основоположником российской тюркологии В.В.Радловым и выдающимся казахским историком М.Ж. Копеевым, говорится о происхождении рода Кыят: «Был некогда хан по имени Алтынбел, у которого был единственный сын по имени Кайшылы хан. Кроме него не было у хана других детей. Случилось однажды так, что ханша забеременела, и когда пришло время, родила она девочку. Была девочка столь красивой, что, увидев свое дитя, ханша упала в обморок, ибо глаза ее были подобны Солнцу, а рот был подобен Луне. Сообщили хану о рождении дочери, а хан повелел, чтобы пригласили шаманов и прорицателей, которые сказали, что когда исполнится ей 15 лет, она родит мальчика, то ли от луча солнца, то ли от дуновения ветра. Хан велел, чтобы ее спрятали и не показывали ни одной душе. Жена хана позвала к себе некую старуху, заплатила ей 100 дильда за один год и высказала ей повеление хана.

Старуха кормила ребенка, закрыв ее в темном железном доме. Выросла девочка и спросила у старухи:- Куда ты ходишь? Старуха ответила: – Хожу я, детка, на белый свет. На том свете живут твои мать и отец, и многие другие.

– Покажи мне тот белый свет, я об этом никому не скажу, – сказала девочка. А старуха ей в ответ:- Ладно, дитя мое, покажу я тебе свет белый, если ты об этом никому не расскажешь. Вывела она ее наружу. Увидела девушка белый свет, впала в негу и потеряла сознание. И в тот день, когда девушка вышла на белый свет, пал на нее взор божий, и по воле бога она забеременела. Вскоре старуха это заметила и опечалилась, опасаясь за свою жизнь. Решила она рассказать об этом ханше, ибо посчитала она невиновной себя в том, что произошло. Пришла она к ханше и говорит: – Дочь ваша забеременела, хотя ни одна душа ее не видела, никому я ее не показывала, поскольку была я честна и предана. А ханша спрашивает: – Что ты кроме этого еще делала? – Не стану я скрывать произошедшего, вся моя вина в том, что однажды вывела я вашу дочь на свет белый, и было это всего один раз. С того, что она единственный раз вышла наружу, стала она беременной от луча света, – ответила старуха. – Ну, если ничего дурного ты не сделала, – говорит ханша, – скажу я сама об этом хану. Подошла к хану и сообщила о произошедшем случае. А хан распорядился, чтобы убили эту девушку. Ханша отговаривала хана, сказав, что если убьет он свою дочь, прослышет он в народе дурным именем. Тогда сказал хан, чтобы увели ее с глаз долой. Ханша не пожелала смерти своей дочери и сделала следующим образом: взяла она золотой сундук, положила в него дочку с вещами и пропитанием, закрыла сундук на замок, а ключи привязала к сундуку и сбросила его в реку. А реку звали – Длиннотекущий Иртыш. По этой реке кочевал народ Калмак. На берегу реки охотились двое – Домбауыл-мерген (в монгольских сказаниях Добу мерген – Ж.А.) и Шаба-соқыр туркмен (Дуа-соқыр или Добу-соқыр, т.е. циклоп – Ж.А.), заметили они вдруг тот золотой сундук, плывущий по реке. Шаба-соқыр туркмен, который видел на сорок верст, слышал от двадцати, говорит: – Слушай, друг мой, плывет что-то яркое по реке. На что Домбауыл-мерген сказал: – Даст бог, получим мы его на руки. Чтобы нам потом не ссориться, давай заранее определимся, что пожелаешь взять-то, что снаружи или то, что внутри? Шаба-соқыр говорит:- Возьму я то, что снаружи! Домбауыл-мерген говорит: – А я возьму содержимое! Будь, что будет, зависит это от моего везения. Затем обвязали они стрелу шелковой веревкой, выстрелил Домбауыл-мерген и попал прямо в сундук, что плыл по реке. Перед тем, как выстрелить, Домбауыл-мерген спросил, как стрелять: прямо или косо? А он Шаба-соқыр говорит: – Қия ат, (то есть стреляй косо), если вдруг внутри сундука живое существо от прямого попадания стрелы может умереть!»....От этого слова «Қия ат», потомки его, которые размножились, стали отдельным родом и называются Кият...» (Ел қазынасы, 1994: 45–53; Көпейұлы, 2013: 16–24).

Нет сомнения, что Добун-мерген из монгольской устной традиции соответствует популярному герою казахских сказаний Домбауыл-батыру. Товарищ Добун-мергена Дува (Дуа)-соқыр, в других вариантах этой легенды Дуа-қожа, Шаба-соқыр, имел один глаз на лбу, но видел за сорок верст. Данный герой типологически схож со знаменитым по самым древним мифическим сказаниям народов Евразии Төбе-көз, то есть Циклопом. Это свидетельствует о том, что известные среди евразийских народов общие мифические сюжеты и исторические материалы

были освежены в эпоху Чингисхана и использованы для возведения сакрального образа великого кагана. В «Сокровенном сказании монголов» показаны все генеалогические колена, начиная от Борте-Чино до Домбауыла, тогда как в казахских мифах история киятов начинается с Домбауыла. Рождение Чингисхана и отношение к этому событию Домбауыл (Добун)-мергена и Дува (Дуа, Шаба)-соқыра почти одинаково описаны, как в «Сокровенном сказании монголов», так и в казахских исторических преданиях.

По мнению казахского академика А.Х. Маргулана, Домрул из цикла рассказов о древних огузских племенах – один из вариантов легендарных образов вышеописанного Домбауыла. В «Книге Деде Коркут» Домбауыл назван в качестве «сына Дока-ходжа Дели Домрул». Он – герой, вызывающий на поединок самого Азраила, ангела смерти: «Однажды у моста, построенного Домрулом, остановился на ночевку небольшой аул. И в эту ночь один из хороших юношей этого аула по велению Бога умер от болезни, которая давно его преследовала. Одни со словами «сын мой», другие со словами «брат мой» начали причитать. И так случилось, что шум и плач из этого аула дошли до Домрула. Прискакавший на этот шум, он спросил у жителей аула: – Ей, люди, почему плачете? Что за крики и шум у моего моста? – Один из наших хороших джигитов умер, поэтому и плачем, – ответили с толпы. Тогда Дели Домрул спросил еще: – Кто же убил этого джигита? – Бек джигит. Был приказ от Бога (Алла тағала), Азраил с красными крыльями прибыл и забрал его душу. Тогда Дели Домрул заявил: Ей, Азраил, который забирает души людей, кто он вообще, и что за человек? Покажите его мне, выйду с ним на единоборство, на противоборство, на войну, верну душу этого хорошего джигита, остановлю его и спасу души других хороших джигитов» (Қорқыт ата, 1999: 164–165).

В тексте говорится, что Создатель обиделся на такой вызов и отправил Азраила, чтобы забрать душу такого смельчака Домрула, кто он такой, чтобы перечить Повелителю? Когда Домрул увидел Азраила, то бросился на него, схватив свою черную саблю, чтобы вернуть душу молодого парня. Азраил превратился в голубя и вылетел через окно, вслед за ним, взяв своего сокола, и со словами «дам заклевать твои мозги моему соколу», Домрул погнался за ним. Конечно же, в конце концов, прибывший по велению Бога Азраил побеждает Домрула, садится ему на грудь и собирается уже отобрать его душу, но в этот момент Создатель (в тексте – Тангри) вступился за него. «Этот озорник осознал, что я един и признал моего повелительства. Пусть Дели Домрул вместо своей души отдаст другую душу, его же душа пусть будет свободной», – сказал Повелитель. После чего в эпосе идет череда интересных этюдов, о том, как Домрул, прося спасения, пришел к своему отцу, затем к своей матери, как они отказали ему и не хотели пожертвовать ради него своими душами, и, наконец, жена его была готова уступить свою душу.

А.Х.Маргулан, интерпретируя текст «Книги Деде Коркута», пишет: «Великолепный образ Домрула из поэмы Коркута казахи в таком же прекрасном виде сохранили в рассказах о Домбауыле» (1985: 141). Мы принимаем отождествление академиком этих двух героев – огузского Домрула и казахского Домбауыла. Более того, нам представляется, что яркий образ Домбауыл-мергена в казахской устной традиции берет свое начало еще с протоогузской, или же ариано-туранских времен.

Вспомним, что в нескольких параллельных тюрко-монгольских вариантах легенды о Домбуыле упоминается имя Кият. Как и рассказы о Домбуыле, так и о Кият сохранились в основном в устной традиции тюрко-монгольских народов. Эти материалы впервые попали на страницы историографии благодаря Рашид-ад-дину, а затем эта тема была продолжена известным историком Абулгазы. У последнего Кият восходит к мифическому периоду истории, то есть к временам татарского хана Суюунуша, и монгольского правителя Ел-хана. По словам Абулгазы, «Ел-хан и Суюуныш-хан правили в одно время, и между ними было много вражды и войн» (Әбілғазы, 1993: 26). В одном из них Суюуныш-хан, собрав правителей соседних владений, напал на народ Ел-хана: «старших вырезал, младших пленил». От этой бойни выжили только два молодых джигита, сын Ел-хана по имени Киян и сын младшего брата хана Нукус. Они со своими женами остались в живых и нашли убежище в горах Ергене конг. Следовательно, их потомки и стали называться киятами, как пишет Абулгазы-хан: «Народ, произошедший от этого Кияна, впоследствии стал называться «кият». Значение слова киян – горная лавина, быстро и мощно текущая вниз. Сын Ел-хана действительно был быстрым и сильным человеком. Поэтому его стали называть Киян. Кият в множественном числе от киян» (Әбілғазы, 1993: 28).

В современном казахском языке «киян» означает дальние земли, бескрайняя степь, места, куда не ступала нога человека. Возможно, в древности кияном назывались и горные сели, как отмечает Абулгазы, но у нас нет доказательств для подобного утверждения. И Рашид-ад-дин, и Абулгазы-бахадур-хан в своих исторических повествованиях выводят от этого Кията его потомство, и в особенности Чингисхана, и в дальнейшем уже описывают политику, походы, потомство великого кагана.

Остановимся более подробно на параллели Кият//Хион. В древнеарийской поэме «Аяткар Зареран» местом обитания народа тур (туран) указан Хион (каз. киян, англ. xionites, авест. x'iiаона; пехл. хуōн/һуōн; согд. хwn). На наш взгляд, регион, о котором идет речь, с исторической точки зрения соответствует Великой степи, о чем свидетельствуют сохранившиеся в казахском языке понятия «киян», «киян дала». Во многих сочинениях Востока хионов связывали с белыми гуннами и называли «эфталитами». Например, иранский историк Мехрдад Бахар считал, что под эфталитами следует принимать хионов Авесты (Әбілғазы, 1993: 89). Х.Г. Короглы, посвятивший свои исследования глубокому анализу текста «Шахнамэ», полагал, что хотя туранцы и иранцы были изначально родственными народами, но говорили они на разных языках (1983). Как бы то ни было, в восточных источниках хионская проблема начинается со времен господства в евразийской степи арья (ариан) мен тур (туран) и находит свое продолжение в истории гуннов /хунну, хион, эфталиты/.

Можно ли говорить, что Кият – прототюркская династия? И.С.Брагинский относительно происхождения народа Тур/Туран пишет: «В иранской мифологии (Тур – Ж.А.) родоначальник туранцев, сын Иимы (здесь речь идет о царе Жамшиде, широко известного в Восточных легендах – Ж.А.)» и делает следующее уточнение: «в «Шахнаме» он сын Феридуна, когда Феридун делит свое царство между сыновьями, то Туру достаются Чин и Туран...» (Мифологический словарь, 1991). В данном случае текст «Авесты» и материалы устной традиции, использованные Фердоуси, указывают на общее происхождение народов ариан и туран.

Хионская тема встречается также в широко известных легендах о великом воителе, правителе страны туров Афрасиябе, внуке Тура, и о его наследнике Арджаспе. В поэме «Шахнаме» Арджасп – младший брат Афрасияба, их отец – Пашанг (Бушанг), его же отцом является Тур. В «Шахнаме» и в некоторых ранних текстах «Авесты» встречается имя Гаржасп, но в сильно мифологизированном варианте /например, вперемежку с рассказом о Зохах аждаха и т.д./. Мы полагаем, что уточнение И.С.Брагинским в энциклопедическом справочнике про имя Арджаспа имеет для нашей темы прямое значение: «Арджасп (фарси), Арджаспа (авест.) в иранской мифологии вождь туранских кочевых племен, по более поздним сказаниям («Шахнаме» – Ж.А.) – хионитов (эфталитов), выступающий воинственным противником веры Заратуштры (зороастризма)» (Мифологический словарь, 1991: 196). Если перевести имя «Авестийского» Арджаспа на современный, примерно получается «обладатель дорогих лошадей». Он во главе войск хионов воюет с царями и богатырями Ирана. Эти войны между Арианом и Тураном «Шахнаме» объясняет прежде всего разногласиями в сфере религии. Арджасп требует от иранского царя Виштаспы отказаться от зороастризма: «Слышал я, что повелитель Ту непрочную религию От Ормазда принял...» (Бертельс, 1960).

Однако, как выясняется позже, основные причины разногласия лежат в плоскости экономических и социальных отношений между ними, арианцы отказываются платить дань туранцам. Именно за это агитирует Зороастр: Наши цари с древних времен Не платили тюркам никакой дани, Ты тоже следуй этому сегодня (Мифологический словарь, 1991: 143).

Вместе с тем Фердоуси, будучи представителем арианского народа, в некоторых местах «Шахнамэ» дает очень лестную оценку Арджаспу: Арджасп, полководец отважных, Мудрый всадник во всем мире. В том царском письме написал Доброе благословение письмом ябгу.

Вероятно, здесь под видом «письмо ябгу» надо принимать руническую письменность саков, которых мы отождествляем с протоогузами. Иранские источники применяют название хион /хиюн/ по отношению к своим северным соседям на протяжении нескольких периодов истории; можно дальше развить это на материалах – гуннов, хун-ну, хона, кият и т.д. Проблема интерпретации текстов устной традиции имеет свои нерешенные вопросы, однако для понимания тех исторических процессов, которые совершались тысячелетия назад, обращение к устной традиции, где сохранились небольшие, но точные отголоски тех событий и личностей, имеет очень важное значение. Весьма интересной представляется версия о том, что Чингисхан происходит от Домбауыла. Происхождение великого кагана связано с одной из ветвей киятов, которая в источниках известна как «борджигин-киятовская». Знали ли сами кияты времен Чингисхана какие-либо реальные ориентиры места обитания их первопретка Домбауыла? Казахский историк З. Қинаятұлы в своей монографии «Қазақ мемлекеті және Жошы хан» /Казахское государство и Джучи хан/ пишет о том, что объявить Борте о смерти ее старшего сына Джучи не осмеливался никто, даже сам великий каган. В результате посовещавшись, они нашли такой выход. Чингисхан попросил Елюй Чу Цая написать специальный указ о смерти Джучи-хана. В этом тексте были следующие слова «...(до меня дошла весть) что мой сын Жошы хан отправился на тот свет в одном из возвышенностей Кипчакской степи. Это место находится у берегов моря Марал (Арал?), где когда-то обитали

наши дальние предки Борте чино и Гао марал. Жошы в соответствии с своим именем по велению Тенгри оказался гостем для наших борджигинов, и вот он сейчас отправился обратно к своему Тенгри...» (Қинаятулы, 2004: 157).

Этот рассказ также содержится в популярной книге японского писателя Иноуэ Ясаши «Көкжал» (Шыңғыс хан туралы) /Волк-вожак (о Чингис хане)/. Он считал, что в ярлыке (постановление) речь идет о землях, расположенных у Каспийского моря (Ясаши, 1992: 216.). На наш взгляд, рассказ о прибытии основателей правящей династии монголов Борте Чино и Гао Марал с Запада не вызывает каких-либо острых дискуссий в монгольской историографии. Все эти рассказы в той или иной мере основываются на «Сокровенном сказании монголов», где говорится: «Предком Чингис-хана был Борте-Чино, рожденный по велению Высшего Неба (Тенгри-Ж.А.). Супругой его Коай-Марал (Гао-Марал-Ж.А.). Они прибыли из за моря. Когда они кочевали у истока реки Онан, вблизи от Буркан-калдуна, у них родился сын по имени Бата-Чикан. Сыном Бата-Чикана был Тамача. Сыном Тамачи был Коричар-Меркан (Мерген, то есть меткий стрелок – Ж.А.). Сыном Коричар-Меркана был Ауджан-Бороул. Сыном Ауджан-Бороула был Сали-Качау. Сыном Сали-Качау был Еке-Нидун. Сыном Еке-Нидун был Син-Сочи. Сыном Син-Сочи был Карчу. Сыном Карчу был Борджикидай-Меркан, имевший жену Монголджин-Коа. Сыном Борджикидай-Меркана был Тороколджин-Байан, имевший жену Борокчин-Коа, и слугу Боролдай-Суялби, двух белых коней Даир и Боро. Сыновьями Тороколджина были Дува-Сокор и Добун-Меркан».

В этом месте сюжеты «Сокровенного сказания монголов» уже развиваются в том русле, в котором они сохранились в устной традиции казахов, что заметно по вышеприведенным мифам о Домбауыле.

При интерпретации мифов о Домбауыле, где имеется минимум реальных ориентиров и фактов, нельзя игнорировать встречающиеся в тексте топонимические названия. Одним из таких важных топонимов является «ұзын аққан Ертіс», то есть Длиннотекущий Иртыш. Эта великая река Центральной Азии является одним из важных географических ориентиров в восточной историографии. Примеров предостаточно, например, Рашид-ад-дин, описывая разлады в отношениях между Чингисханом и Джучи, пишет о том, что в обиде на отца и на братьев Джучи отправился со своим обозом к берегам Иртыша. В самом деле Джучи остановился в местности Улытау, в самом центре Великой степи. От Улытау до Иртыша порядочное расстояние, но в средневековой исторической и географической литературе, как известно, координаты исходят от основных рек и водоразделов.

В легенде далее говорится о том, что «в долине этой кочевой жизнью жил народ, которого называли калмак». В устной традиции казахов обычно этим словом «калмак» условно называются народы, не принявшие ислам, само же название «калмак» также объясняется тем, что они при принятии религии отстали. Нас в этой легендарной истории больше всего интересуют основные герои древнего времени, встречающиеся в различных вариантах этого мифа «мерген по имени Домбауыл, и его помощник (караульный) туркмен по имени Шабасоқыр». В данном случае «туркмен» – на наш взгляд, прямое указание на то, что Шаба-соқыр по происхождению принадлежит к протоогузам, то есть в легенде указывается родство к турам, а затем сакам.

Имеющиеся в тексте фрагменты о сакральном происхождении Чингисхана сопряжены с отдельными генеалогическими сведениями. Говорится о том, что обнаруженная в золотом сундуке девушка родила сына, появившегося от луча солнца, по этой причине «Шаба соқыр туркмен и Домбауыл мерген» его назвали Чингис. Вышедшая замуж за Домбауыла принцесса родила трех сыновей, с интервалом в шесть месяцев «когда она стала собственной женой мергена, то она рожала через шесть месяцев ребенка, через шесть месяцев еще ребенка и т.д. Их назвали Боденетай, Бургелтай и Жоргемтай. Но когда мальчики выросли, то получилось, что эти трое играли отдельно, а Чингис сам по себе. Мать же их, принцесса, посмотрев на это, якобы говорила: Кто следует за лосем, играет в чистой земле, а кто следует за свиньей, валяется в грязи /«Бұланға ерген таза жерге аунап ойнайды, Доңызға ерген балшыққа аунап ойнайды!/>».

Что касается истории прихода к власти Чингиса, то эти события в казахских легендах довольно сильно отличаются от многих других исторических сочинений этого периода, а также от сюжета «Сокровенного сказания монголов». Вероятно, что в древний пласт легендарной истории киятов в период Чингисхана и его потомков были внесены некоторые изменения. В «Сокровенном сказании монголов» не объясняется причина появления названия династии Чингисхана киятами, тогда как в казахской легенде имеется подробное объяснение – «от слова «кия ат» получило прозвище «Қият», и его потомки выросли в числе, стали многочисленным элем...». Как мы уже отмечали выше, кияты, представленные в древнеказахском мифе в качестве потомков Домбауыл-батыра, не что иное, как хионы, хоны из древних письменных текстов. Историю этой династии мы связываем с авестийскими хионами (хон, хиюн), которые обитали в степях Евразии в эпоху бронзы.

В качестве доказательной базы нам хотелось бы еще раз вернуться к значению слова «киян», которое указывает на степные просторы («киян дала», «ит арқасы киянда»). Во-вторых, мы хотели обратить внимание также на выражение из устной традиции казахов, как «Домбауылдың елден кетуі» (то есть «уход Домбауыла из страны»). Например, в тексте «Шыңғыс-намедегі Шыңғыс-хан туралы әңгіме» (Рассказ о Чингис хане в «Чингис-наме»), записанный Г.Н. Потаниным от младшего брата Ш.Валиханова Махмуда, есть следующий текст, где говорится об изгнании «По той же реке внизу жил царевич Домбаул-мерген, изгнанный из своего царства; при нем был товарищ Шяба-сокур (вар. Шва-сокур), который мог видеть на сороковерстном расстоянии» (2005: 304).

Эти же сведения с небольшими корректировками, а также опираясь на записи Г.Н. Потанина, повторяет и академик А.Х.Маргулан «В низовьях той реки обитал Домбауыл мерген, изгнанный со своей родины, рядом с ним был герой – ер? Дуа-соқыр (По утверждению Махмуда его звали Шаба-соқыр)» (1985: 141). В обоих случаях материалы устной традиции казахов связывают возникновение рода кият с обращением Дува сохура (Шаба) к Домбауыл-мергену словами «кия ат».

В вышеизложенной легенде «Алтын бел хан», в отношении Чингисхана, представителя рода кият, встречается такое понятие «Садағын сағымға ілу», то есть «Повесить свой лук на мираж». Это понятие нередко встречается в эпических поэмах и преданиях казахов как признак сакральности правящей элиты. Генеалогия Борджигин, начиная от Борте Чино до Джучи-хана, насчитывает двадцать три поколения. Если же сделать расчет, исходя из 25 лет каждому поколению, то мы

получаем примерно пятьсот лет от легендарного Борте Чино до реального Джучи-хана. Этот простой подсчет поколений показывает нам время образования Тюркского каганата, то есть VI-VII века. Исходя из чего мы можем предположить, что именно в это время, когда происходило образование государства и формирование его структуры, генеалогия киятов-борджигинов претерпела идеологическую редакцию.

Таким образом, киян//кяит (*англ.* xionites, *авест.* х'іаона; *пехл.* хуōн/һуōн; *согд.* Хwn) является народом, обитавшим на территории казахской степи с эпохи бронзы. В историографии нет устоявшейся традиции, иногда их относят к гуннам, иногда к тюркам, но следует знать, что кияты под названием х'іаона (хьяон) встречаются и в священных текстах «Авеста». Известный канадский лингвист Э.Дж.Пуллблэнк относил хионов к группе сюнну (По Н.Я.Бичурину – хунну, в Европе – гунны – Ж.А.) (1986: 29–71).

Последняя гипотеза созвучна с теорией российского тюрколога К.А.Иностранцева о близости хионов к эфталитам. Л.Н. Гумилев, который также писал на эту тему, рассматривал хионов в контексте истории гуннов (2007: 323). Эти предположения еще раз показывают нам актуальность хионитской темы, которая, на наш взгляд, появилась, безусловно, в эпоху бронзы, но на исторической арене их активность приходится на гуннский период. С другой стороны, попытки Э.Дж.Пуллблэнка, К.А.Иностранцева, Л.Н.Гумилева и других связать хионов с гуннами, возможно, продиктованы тем, что авестийские тексты были зафиксированы только в Сасанидское время.

Доказательством древности хионитов, восходящих ко II тысячелетию до н.э., когда они жили вместе с арианами и турами, кроме Авесты, могли бы нам помочь тексты казахских исторических преданий. Одним из таких доказательств может служить присутствие Домбауыла в цикле легенд об Алаша-хане. Мы связываем происхождение понятия «алаша» с раннеконеводческим периодом истории Великой степи: «Единственный сын Алаша-хана Жошы в семилетнем возрасте отправился на охоту. Сопровождал его Домбауыл-батыр из рода Кыпшак (В другом варианте – Торгауыт и т.д.-Ж.А.). В безлюдной степи они увидели тысячный табун куланов. Мальчик стал просить батыра застрелить кулана. Домбауыл же отговаривался тем, что среди большой группы куланов могут встретиться священные животные, а это может навлечь большие неприятности. Но маленький сын хана настаивал. Поддавшись на его уговоры, Домбауыл отправился в табун. Выстрел напугал куланов, и они пошли на мальчика, увлекая его коней. Кони и мальчик исчезли в тучах пыли. От них ничего не осталось. Хан и его люди, не дождавшись Жошы с охоты, сильно обеспокоились. И только великий Кетбуга играл на домбре печальный кюй, который передавал случившееся: «Алаша-хан, после выстрела пошли лавиной куланы, и оказался на их пути Жошы, под копытами куланов остался, свершилась воля Всевышнего». Алаша-хан сидел рядом с Кетбугой: Э, Кетбуга, слышу скорбную мелодию твоей домбры. Она говорит, что умер мой сын. Я потерял сына, случилось непоправимое.

В гневе хан распорядился, чтобы к маткам не допускали жеребят, верблюжат, телят: «Пусть они также скорбят, как и я». Это было время, когда самки куланов приносят жеребят. Казахи называют кулан шуы. Впоследствии хан собрал

свой народ и отдал приказ выкопать ров и уничтожить всех куланов. На месте того рва появилась река, которая сегодня называется «Кулан-отпес». Домбауыл-батыр преследовал куланов до реки Чу. В этой бойне выжили только пять куланов, переправившихся вброд через реку. Брод с того времени называется «Бес Кулан» (Артыкбаев, 2017: 265–295).

Топонимы, связанные с именем Домбауыла, также указывают на более ранние периоды истории, нежели эпоха Чингисхана. Как известно, в Улытау сосредоточены наиболее сакральные памятники Великой степи, а восточнее Улытау, в низовьях Тургая и Иргиза, существовало озеро Аксакал Барбы (Су аяғы Құрдым, Шалқар теңіз, Ақсакал тауип), название которого указывает на схожесть с легендарным Ворукаша. Одним из интересных штрихов вышеприведенного текста является туркменское происхождение Дува (Дуа, Шаба) соқыра, который в одном случае называется братом, а в другом караульным Домбауыла. Они являются общими героями в мифологических сюжетах тюрков и монголов, в то же время туркменский сюжет указывает на происхождение Дувы от протоогузского начала, то есть эта линия восходит к турам «Авесты». Здесь присутствует один интересный и примечательный момент, дело в том, что в «Сокровенном сказании монголов» дана полная генеалогия Домбуыла, а в тюркских легендарных текстах таковая отсутствует. Возможно, это следствие того, что кияты переселились на юг и на восток еще до распада общетюркского единства и выделения из него монголов.

Следующий момент касается архитектурного памятника на территории Центрального Казахстана, известного как «Домбауыл дыңы». Понятно, что это каменное циклопическое сооружение не строилось во II тыс. до н.э. Вероятно, оно построено в эпоху гуннов. Косвенным доказательством также служит курган с усами, который расположен рядом с сооружением Домбауыл дыңы. В связи с анализом мифологических текстов и результатами интерпретации мы могли бы выдвинуть гипотезу о том, что сооружение было построено на месте культового центра – святилища древности. В той или иной степени Домбауыл дыңы соответствует параметрам культового сооружения тенгрианства, где поклонялись культу предков.

Таким образом, в великих переселениях II тыс до н.э. одна часть киянов вместе с арианами направляется на юг Азии, а другая оседает на территории Восточного Туркестана. В первом случае их политические привилегии, отраженные в титулатуре, а также генеалогическое единство сохранились в виде названия мощной династии «кей/кеянидов» у иранских племен (Кей-Қысрау, Кей-Қуат т.б.). Сюжет «Домбауылдың елден қуылғаны»/Изгнание Домбауыл из своего эля/, встречающийся в казахских исторических преданиях, вероятно, связан с переселением киянов в восточные районы Центральной Азии. Именно их общины стали во главе консолидации восточных гуннов, а в последующем участвовали в формировании гуннской империи. Домбауыл-мерген является одним из действующих героев эпохи раннего этапа Великого переселения. В последующем та ветвь киятов-борджигинов, которая осталась в составе монголов, вывела на свет такого великолепного героя, как Чингисхан. С этого времени ход истории более проясняется благодаря большому количеству письменных источников, которые позволяют освещать средневековую историю.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Материалы, входящие в комплекс устной традиции казахского народа, очень богаты. Если использовать их вкупе с фольклорным наследием других тюрко-монгольских народов, с памятниками письменной культуры Востока, то мы могли бы ответить на многие загадочные вопросы древней истории. По этой причине с целью воссоздания исторического портрета легендарной личности мы взялись за интерпретацию мифологических сюжетов о Домбауыл-мергене. Это ярчайший образ в прекрасном историко-фольклорном наследии казахского народа, так и других народов Центральной Азии.

Исходя из того, что Домбауыл и ему подобные герои древнего мира сохранились в устной традиции, и в особенности в мифах, мы можем предположить, что эта личность представляет героя дописьменного периода истории. Одним из показателей этого является поливариантность имени Домбауыла в тюрко-монгольской устной традиции – Домрул, Добун-Баян, Дүйін-Баян, Добу мерген, Токтауыл. В этой связи нас заинтересовали также материалы исторического прошлого киятов (каз. киян, англ. *xionites*, авест. *x'iiāona*; пехл. *хуōн/хуōп*; согд. *Хwn*). «Қият» – множественное число от «киян», о чем говорится в шежире Абулгази-бахадур-хана. В казахском шежире Домбауыл-мерген представлен как родоначальник киятов. Қияны в тексте «Авесты» обозначаются как «хиюн», в древних письменных источниках Востока (Византия, Армения и т.д.) их связывают с белыми гуннами и называют «эфталитами».

Литература

Артыкбаев, Ж.О. (2017). *Кочевники Евразии в калейдоскопе веков и тысячелетий*. Астана-Москва: Центрально-Азиатское книжное издательство.

Бертельс, Е.Э. (1960). *Избранные труды. Том 1. История персидско-таджикской литературы*. М.: Издательство восточной литературы.

Мифологический словарь (1991). Гл. ред. Е.М. Мелетинский. М.: «Советская Энциклопедия».

Валиханов, Ч.Ч. (1985). Записки о киргизах. *Собрание сочинений в 5 томах. Т. 2*. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 7–82.

Гумилев, Л.Н. (2007). *Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации*. М.: АСТ.

Короглы, Х.Г. (1983). *Взаимосвязи народов Средней Азии, Ирана и Азербайджана*. М.: Наука.

Потанин, Г. Н. (2005). *Избранные сочинения: в 3 т.* Павлодар: ЭКО.

Пуллиблэнк, Э. Дж. (1986). Язык сюнну. *Зарубежная тюркология*, 1, 29–70.

Сокровенное сказание монголов: Анонимная монгольская хроника 1240 г. (1990). Элиста, Калм. кн. изд-во.

Әбілғазы (1993). *Түрік шежіресі*. Алматы.

Ел қазынасы – ескі сөз: В.В. Радлов жинаған қазақ фольклорының үлгілері (1994). Алматы: Ғылым.

Көпейұлы, М.-Ж. (2013). *Шығармалары*. 1-20 тт. Павлодар.

Қинаятұлы, З. (2004). *Қазақ мемлекеті және Жошы хан*. Астана.

- «Қорқыт ата» (1999). Энциклопедиялық жинақ. Алматы.
Маргулан, Ә.Х. (1985). *Ежелгі жыр, аңыздар*. Алматы.
Моңғолдың құпия шежіресі (1979). Баян Өлгий.
Сәтбаев, Қ. (1999). *Қазақстан-менің отаным*. Алматы.
Ясаши, И. (1992). *Көкжал (Шыңғыс хан туралы)*. Алматы.

References

- Artykbaev, Zh.O. (2017). *Nomads of Eurasia in a kaleidoscope of centuries and millennia*. Astana-Moscow: Central Asian Book Publishing House. (in Russian).
- Bertels, E.E. (1960). *Selected Works. Volume I. History of Persian-Tajik literature*. Moscow: Eastern Literature Publishing House. (in Russian).
- Mythological Dictionary* (1991). Ch. ed. E.A. Meletinsky. M.: "Soviet Encyclopedia". (in Russian).
- Valikhanov, Ch. Ch. (1985). *Notes about the Kirghiz. Collected works in 5 volumes. Vol. 2*. Alma-Ata: Main edition of the Kazakh Soviet encyclopedia, 7–82. (in Russian).
- Gumilev, L.N. (2007). *Rhythms of Eurasia: Epochs and Civilizations*. M.: AST. (in Russian).
- Korogly, H.G. (1983). *The relationship of the peoples of Central Asia, Iran and Azerbaijan*. M.: Science. (in Russian).
- Potantin, G.N. (2005). *Selected works: in 3 volumes*. Pavlodar: ECO. (in Russian).
- Pulliblanck, E.J. (1986). Xiongnu language. *Foreign Turkology*, 1, 29–70. (in Russian).
- The Secret Legend of the Mongols: Anonymous Mongolian Chronicle 1240* (1990). Elista: Kalmyk Book Publishing House. (in Russian).
- Abilhazy (1993). *Turkish chronicles*. Almaty. (in Kazakh).
- The country's treasure is an old word: Samples of Kazakh folklore collected by V.V. Radlov* (1994). Almaty: Science. (in Kazakh).
- Kopeyev, M.-Zh. (2013). *Works*. 1-20 vols. Pavlodar. (in Kazakh).
- Kinayatuly, Z. (2004). *The Kazakh state and Jochi khan*. Astana. (in Kazakh).
- Korkyt Ata (1999). *Encyclopedic collection*. Almaty. (in Kazakh).
- Margulan, A.H. (1985). *Ancient songs, legends*. Almaty. (in Kazakh).
- The Secret Chronicle of the Mongols* (1979). Bayan Өлгий. (in Kazakh).
- Satpayev, K. (1999). *Kazakhstan is my homeland*. Almaty. (in Kazakh).
- Yasashi, I. (1992). *Kokzhal (about Genghis Khan)*. Almaty. (in Kazakh).

УДК 94(574)+(470.47)

ПАМЯТНИКИ ОЙРАТСКОЙ БУДДИЙСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ В КАЗАХСТАНЕ: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КАЛМЫКОВ В ТРУДАХ ПРОФ. Ж. О. АРТЫКБАЕВА

Сампилдондов Чулуун

доктор исторических наук, академик

Институт истории и археологии АН Монголии,

Международная ассоциация монголоведов, Улан-Батор, Монголия

E-mail: samchuluun@gmail.com

Эллара Уляевна Омакаева

кандидат филологических наук, доцент

Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова, Элиста, Российская Федерация

E-mail: elomakaeva@mail.ru

А н н о т а ц и я

В статье анализируются взгляды известного казахского историка Ж.О. Артыкбаева на проблемы сохранения и изучения историко-культурного наследия калмыков. В трудах ученого особое внимание уделено археологическим памятникам, буддийским монастырям, памятным местам, культурным и природным ландшафтам, связанных с этнической историей калмыков и ойратов, военными событиями, жизнью выдающихся исторических личностей. Ставится задача по системной разработке целостной концепции сохранения, актуализации и научного изучения историко-культурного наследия как новой междисциплинарной области знаний на межстрановом, общероссийском, региональном и местном уровнях с учетом накопленного отечественного и зарубежного опыта, оптимальной модели информатизации наследия, использования инструментов экологического мониторинга к современному состоянию объектов историко-культурного наследия и уникальных территорий. Национальное историко-культурное наследие калмыцкого народа, историческая память, преемственность – это код самоидентификации этноса. Суть национальной самоидентификации видится в единстве наследования и актуализации, накопленных прошлыми поколениями культурных знаний и ценностей. Сегодня, как никогда, важны понимание и осознание необходимости сохранения знаний о своем культурно-историческом прошлом. Историко-культурное наследие кочевых цивилизаций Центральной Азии, включающее в себя обширный комплекс старописьменных памятников, культовых сооружений, археологических артефактов и других разнообразных предметов материальной культуры, обладает огромным информационным потенциалом и позволяет глубже познакомиться с духовной культурой кочевников.

Ключевые слова

историко-культурное наследие, буддийские монастыри, Артыкбаев, ойраты, калмыки, Казахстан, системный подход.

UDC 94(574)+(470.47)

MONUMENTS OF OIRAT BUDDHIST ARCHITECTURE IN KAZAKHSTAN: PROBLEMS OF STUDYING THE HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE OF THE KALMYKS IN THE WORKS OF PROF. J.O. ARTYKBAEV

Sampildondov Chuluun

Dr. Sc. (History), Academician, Secretary-General
Institute of History and Archaeology, Mongolian Academy of Sciences,
International Association for Mongol Studies, Ulaanbaatar, Mongolia
E-mail: samchuluun@gmail.com

Omakaeva Ellara Ulyaevna

PhD in Filology, Associate professor
Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Elista, Russian Federation
E-mail: elomakaeva@mail.ru

Annotation

The article analyzes the views of the famous Kazakh historian Zh.O. Artykbaev on the problems of preserving and studying the historical and cultural heritage of the Kalmyks. In the works of the scientist, special attention is paid to archaeological monuments, Buddhist monasteries, memorial sites, cultural and natural landscapes associated with the ethnic history of the Kalmyks and Oirats, military events, and the life of prominent historical figures. The task is to develop systematically an integral concept for the preservation, actualization and scientific study of historical and cultural heritage as a new interdisciplinary field of knowledge at the intercountry, all-Russian, regional and local levels, taking into account the accumulated domestic and foreign experience, the optimal model of informatization of heritage, the use of environmental monitoring tools to modern the state of objects of historical and cultural heritage and unique territories. The national historical and cultural heritage of the Kalmyk people is the code of its self-identification. The essence of national self-identification is seen in the unity of inheritance and actualization of cultural knowledge and values accumulated by past generations. Today, more than ever, it is important to understand and realize the need to preserve knowledge about their cultural and historical past. The historical and cultural heritage of the nomadic civilizations of Central Asia, which includes a vast complex of old-written monuments, places of worship, archaeological artifacts and other various items of material culture, has a huge information potential and allows you to get to know the spiritual culture of nomads more deeply.

Key words

---

the historical and cultural heritage, Buddhist monasteries, Artykbaev, the Oirats, the Kalmyks, Kazakhstan, systematic approach.

**Память о своем прошлом составляет
одно из богатств народа –
его культуру.**

Ю.М. Лотман

ВВЕДЕНИЕ

Вопросы изучения и сохранения историко-культурного наследия кочевого прошлого народов Евразии получили наглядное отражение в российской историографии постсоветского периода. Это и издания информационного характера (каталоги, справочники, энциклопедии и др.), а также публикации монографических исследований ученых-историков. Любая наука не может ограничиваться только выявлением и накоплением фактического материала, необходимо и его по-настоящему научное осмысление и переосмысление.

Сегодня нужны объективные и научно-взвешенные системные исторические изыскания: «Систематика, присущая науке, – конечно, настоящей, подлинной науке, – есть не наше изобретение; она кроется в самих вещах, и мы просто ее открываем» (Гуссерль, 1994: 188). Наследие – это те ценности материальной и духовной культуры, которые были созданы нашими предками и выдержали испытание временем. К объектам историко-культурного наследия калмыков в полной мере относятся и памятники архитектуры ойратского прошлого.

Одним из наиболее известных таких памятников является Аблай-кит, часто упоминаемый в литературе и ставший объектом научных изысканий путешественников, географов, исследователей прошлого с нач. XVIII в. (Müller, 1747; Gmelin, 1751–1752; Pallas, 1776; Спасский, 1818 и др.).

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Развалины монастыря Аблай-кит, а также находки, обнаруженные на его территории, не могли не привлечь внимание и наших современников (Бакаева, 2009; Артыкбаев, 2002; Ерофеева, 2009; Кукеев, 2014; Цыремпилов, 2019 и др.). Из последних работ по Аблаинкиту отметим интересную статью проф. Н. В. Цыремпилова (Tsyrempilov, 2020), а также книгу «Буддийский монастырь Аблай-хит», изданную в Алматы в 2019 г. (Байпаков и др., 2019), которая сразу получила отклик специалистов (Зорин, 2020).

Проблемам сохранения архитектурного наследия калмыков и их предков, ойратов, выявления памятников старины, в том числе буддийских монастырей прошлого, их описания, научного изучения, охраны, восстановления, актуализации посвящен ряд работ отечественных и зарубежных исследователей (Черников, 1960; Артыкбаев, 2002; Ерофеева, 2009; 2017; Кукеев, 2014 и др.). Вполне понятно, что ойратские буддийские монастыри на территории Казахстана привлекли внимание прежде всего казахстанских ученых.

Одним из серьезных исследователей ойратского прошлого, связанного с ойратско-казахскими отношениями, является Жамбыл Артыкбаев, известный казахский ученый, доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и этнологии факультета социальных наук ЕНУ имени Л. Н. Гумилева.

Рукопись его книги «Ойратские буддийские монастыри на территории Казахстана» была представлена на презентации книг (опубликованных и готовящихся к изданию) в ходе работы I Международной научной конференции «Буддийская цивилизация и духовное наследие народов Евразии: устные и письменные традиции в историко-культурном контексте», которая состоялась в Элисте 15-16 ноября 2019 г. Калмыкия в лице соорганизаторов конференции (ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова» и Центральный Хурул Калмыкии «Золотая обитель Будды Шакьямуни») выступила гостеприимной площадкой для проведения крупного междисциплинарного форума, приуроченного к 420-летию со дня рождения великого ойратского просветителя, создателя «ясного письма», буддийского монаха Зая-пандиты Намкай Джамцо» (1599–1662). Личность Зая Пандиты Намкай Джамцо, создателя ойратской (старокалмыцкой) письменности, выдающегося государственного, общественного, религиозного деятеля и просветителя, сыгравшего ключевую роль в реализации идеи консолидации народов, и ныне является символом духовного единства монголоязычных народов. В центре внимания участников оказались проблемы сохранения, изучения и популяризации историко-культурного документального наследия монголоязычных народов в евразийском контексте.

В презентации принял участие сам автор книги, ее редакторы и рецензенты, а также преподаватели, ученые, общественные и религиозные деятели Калмыкии, российские и зарубежные участники конференции, давшие высокую оценку монографии проф. Артыкбаева.

О Б С У Ж Д Е Н И Е

В своей статье мы хотели бы рассмотреть основные идеи этой работы, но сначала несколько слов о самом авторе.

Обзор библиографического списка трудов ученого, включая и исследования последних двух десятилетий, свидетельствует о широком диапазоне охвата проблематики истории кочевых народов Центральной Азии (Артыкбаев, 2002; 2005a; 2005b; 2013 и др). Проф. Ж.О. Артыкбаев прежде всего очертил для себя круг узловых проблем, касающихся истории казахского и ойратского (калмыцкого) кочевых обществ, которые скрупулезно исследованы в его трудах, и предложил некоторый общий подход к их анализу.

Выделим наиболее дискуссионные вопросы, получившие нетривиальное решение в фундаментальных трудах проф. Ж. О. Артыкбаева. В монографии «Кочевники Евразии в калейдоскопе веков и тысячелетий» автор дал развернутую картину истории Великой степи с древнейших времен до начала 15 в. Основной задачей автора было показать структурообразующую роль кочевых обществ Центральной Азии (Артыкбаев, 2005a).

В новой книге автора, которая скоро увидит свет, собран и систематизирован материал, касающийся ойратских буддийских храмов на территории Казахстана.

В качестве первоисточников использованы археологические материалы, уникальные исторические и краеведческие сочинения западных и восточных исследователей XVIII – нач. XX вв., а также устные исторические предания казахов. Автором даны ценные комментарии по историческим событиям и артефактам того времени, введены в научный оборот тексты казахского шежира.

В монографии поднимаются вопросы актуализации наследия отечественных и зарубежных исследователей, авторов уникальных материалов по буддийскому наследию ойратов и калмыков. Исследователям того времени посчастливилось воочию увидеть эти памятники. В имеющихся трудах дается подробное описание внешнего облика буддийских монастырей, их интерьеров, особенностей конструкции здания, кладки стен и фундамента, а также зафиксированы народные предания.

Следует подчеркнуть, что на протяжении многих столетий территория Казахстана являлась перекрестком трех мировых цивилизаций, «местом встречи» трех мировых религий – буддизма, ислама и христианства. Их длительное сосуществование и тесное взаимодействие в едином геополитическом пространстве наложило свой отпечаток на развитие материальной и духовной культуры народов, населявших в прошлом территорию современного Казахстана. Буддийские артефакты обнаруживаются по трассе Великого Шелкового пути. У каждого памятника прошлого свое лицо.

История буддизма на территории Казахстана ведет отсчет с первых веков н. э. В проникновении буддийского учения из Индии и Тибета основополагающую роль играли религиозные деятели. И хотя со временем буддизм постепенно утрачивает свои позиции (значительная часть населения обращается в мусульманство), его определенное влияние сохраняется и в последующие столетия.

Появление ойратских монастырей на территории Семиречья, Центрального Казахстана и на Иртыше автор книги объясняет возникновением Джунгарского государства и стремлением дурбэн-ойратских племен закрепиться в недавно захваченных землях.

Период массовых миграций и крупномасштабных территориальных завоеваний ойратов в XVII в. сопровождался процессом интенсивного распространения буддизма в их кочевьях и объявления его официальной религией Джунгарского ханства, чем и объясняется этнокультурное своеобразие оставленного ими архитектурного наследия, обнаруженного на территории Казахстана.

Будучи выходцами из глубин Центральной Азии, калмыки, потомки ойратов, в начале 17 в. обрели свою новую родину в российском степном пространстве между Доном, Волгой и Северным Кавказом.

Один из ведущих отечественных археологов С. С. Черников (1909–1976) еще 60 лет назад в своей статье «Памятники архитектуры ойрат-калмыков», впервые опубликованной в Элисте в первом выпуске «Записок Калмыцкого научно-исследовательского института, языка, литературы и истории», писал: «Одной из наиболее неясных страниц истории народов СССР является история западной ветви монгольского народа, называвшегося ойратами, или калмыками, и создавшего во второй половине XVII в. обширное, но быстро исчезнувшее государство, в состав которого входила также и территория большей части нынешнего Восточного Казахстана. Если история ойратского государства оставляет еще много неясного,

то еще меньше знаем мы о материальной культуре этого народа. Особенный интерес поэтому приобретают всякие крепостные и культовые сооружения ойратов» (Черников, 1960: 115).

Буддийские монастыри на протяжении всей своей истории являлись центрами культуры и просвещения. Благодаря деятельности буддийских священнослужителей ойраты уже в XVII в. имели первые стационарные культовые постройки. Так, наиболее ранний ойратский монастырь, датирующийся приблизительно 1616 г., упоминающийся в грамоте царя Михаила Федоровича, известен как «Дархан-Цорджин кит», а также как «Семь палат». Именно этот ранний монастырь, основанный, по мнению исследователей, предками калмыков, послужил основанием для наименования города Семипалатинска.

Аблаин-кит, хотя и был наиболее известным архитектурным памятником ойратов в казахстанских степях, но, как мы убедились, далеко не единственным. К сожалению, большинство этих построек или исчезли совсем с лица земли, или представляют собой развалины. Как считали исследователи, ни по одному из этих сооружений нельзя точно проследить его историю, а у некоторых нельзя даже установить имя строителя и год постройки.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Актуальность работы Артыкбаева заключается в перспективности изучения самого феномена ойратского буддийского наследия и, шире, историко-культурного наследия ойратов, важностью его сохранения, актуализации и научного изучения. А сопоставление разных буддийских сооружений, памятников, артефактов и их описаний позволяет выявить их универсальные и идиоэтнические характеристики.

Следует констатировать, что данная проблема при всей ее актуальности не получила на данный момент должного внимания, необходимо отметить слабую разработанность историографии вопроса в отечественной литературе. Чтобы предметно говорить об объекте исследования, надо иметь достаточно ясное представление о теоретико-методологических основах поставленной проблемы.

Предметом представленного исследования выступают буддийские монастыри прошлого в региональном контексте – на территории Казахстана в XVIII в. А объектом изучения являются казахско-калмыцкие отношения. Целью анализа автора книги является выявление специфики буддийского архитектурного наследия ойратов.

Для достижения данной цели автором были поставлены следующие задачи: анализ историографии вопроса и терминологии; выявление культовых построек ойратов; определение их места и роли в истории и культуре казахского народа; характеристика основных буддийских сооружений.

Для разрешения поставленных задач проф. Артыкбаев использовал широкий круг опубликованных и неопубликованных источников. К первой группе источников следует отнести научную литературу по заявленной проблеме, различные типы письменных текстов. Следующую группу источников составляют устные истории, полевые записи.

Книга основана на концептуальных разработках автора и архивных материалах. В теоретической части автор опирается на труды ученых и специалистов в данной области исторической науки.

Методология исследования представлена описательным и системным методами, что позволило автору выявить и проанализировать фактологическую базу исследования. Использовались такие приемы, как анализ, синтез, обобщение, сравнение.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования ее материалов, основных выводов для создания учебных пособий, для разработки специальных программ и спецкурсов.

В соответствии с задачами книги строится ее структура.

В предисловии от редакторов и в предисловии от автора обоснован выбор заявленной темы, поставлена проблема и определена степень ее разработанности, выявлены теоретическая и практическая новизна проведенного исследования, описаны объект, предмет, цели и задачи, методология и научная значимость настоящей работы.

Во введении автором работы рассматриваются ее теоретико-методологические предпосылки, проводится анализ современных подходов к исследованию заявленной проблематики.

Первая глава монографии содержит два параграфа. В первом параграфе раскрывается суть исследуемого вопроса, дается общая характеристика изучаемого объекта, поясняется используемая терминология.

Во втором параграфе первой главы рассматривается история вопроса, приводится обзор отечественной и зарубежной литературы по разрабатываемой проблеме, анализируются источники.

Вторая глава «Загадочный дворец в горах Казылык» посвящена удивительной истории и судьбе Кызылкентского дворца – буддийского храма, который был построен предками калмыков в XVII в.

Кентские горы хранят много тайн и загадок. Одной из них и является Кызылкентский дворец. Следы бывшего дворца-храма можно обнаружить в Кентских горах в 3 км от с. Кент Каркаралинского района. В 1982 г. объект вошел в список памятников истории и культуры Казахстана республиканского значения.

Третья глава «Аблаинкит: крепость-монастырь» рассказывает о более известном памятнике буддийского зодчества, который привлек внимание исследователей еще в начале XVIII в. С тех пор интерес к нему не угасает. Речь идет об одном из самых ранних ойратских стационарных монастырей, название которого в литературе имеет разные варианты написания: Аблай-хит, Аблаинкит и т. п. (монастырь Аблая). Аблаинкит, построенный ойратским Аблай тайджи, функционировал как действующий монастырь с 1654 г. Здесь на протяжении почти двух десятилетий постоянно проживали 30–50 монахов.

Данный объект был принят под охрану государства еще в советское время, сразу после ВОВ (Постановление Совета Министров Каз. ССР за № 133 от 17 февраля 1949 г.). Он находится в 55 км от Усть-Каменогорска, поблизости (в 4 км) от села Алгабаса Уланского района.

Особый интерес у читателя вызовет четвертая глава «В столице джунгарских ханов: илийские монастыри». Государство ойратов в Джунгарии (1635–1758) занимало часть территории современного Северо-Западного Китая. Ставка джунгарских ханов находилась в Илийской долине.

Вместо заключения автором представлены размышления по поводу Галдановой кумирни и других памятников калмыков.

В приложении даны топонимические этюды «По маршрутам Зая-пандиты», написанные на основе материалов «Биографии Зая-пандиты».

Выдающийся ойратский религиозный деятель Зая-пандита известен своей миссионерской, переводческой и культурно-просветительской деятельностью. Им и его учениками было переведено большое количество санскритских и тибетских религиозных сочинений разного характера, что знаменовало собой новую волну распространения буддизма среди ойратов (Омакаева, 2010).

Ученые и путешественники прошлого, побывавшие в Монголии, сумели приобрести большое количество ойратских рукописей и ксилографов, которые хранятся ныне в Санкт-Петербурге. Так, в составе экспедиции Г. Н. Потанина, организованной Русским географическим обществом, был известный монголовед А. М. Позднеев, который называл литературный язык поволжских калмыков «изящным, богатым своим лексиконом и своими формами», привез из Монголии буддийские и исторические сочинения, в том числе «Биографию Зая-пандиты».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Труды проф. Артыкбаева убеждают в том, что важнейшим принципом исторической памяти является персонификация истории. Об этом говорят и фольклорные источники (Омакаева, 2016).

Мы полагаем, что данная публикация казахского ученого-историка, если даже и не решит окончательно всю проблематику, связанную с ойратскими монастырями и другими культовыми сооружениями на территории Казахстана (Эрчисын-сумэ и др.), то, во всяком случае, поможет будущим исследователям разобраться в имеющихся источниках, а также в нюансах некоторых событий XVII в., связанных с историей ойратов и калмыцко-казахскими отношениями.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке КалмГУ, проект № 1120

Литература

Артыкбаев, Ж. О. (2002). *Эрчисын-Сумэ – храм на Иртыше: загадочные страницы истории 17 века*. Семипалатинск: Тенгри, 57.

Артыкбаев, Ж. О. (2005а). *Кочевники Евразии в калейдоскопе веков и тысячелетий*. СПб.: Мажор, 320.

Артыкбаев, Ж. О. (2005б). Топонимические этюды по маршрутам Зая-пандиты. *Наследие Н. Ф. Катанова: история и культура тюркских народов Евразии: Доклады и сообщения международного научного семинара, 30 июня–1 июля 2005 г.* Казань: Алма Лит, 123–128.

Артыкбаев, Ж. О., Прманов, А. (2013). *История Казахстана*. Алматы: Atamūra.

Байпаков, К. М., Ерофеева, И. В., Казизов, Е. С., Ямпольская, Н. В. (2019). *Буддийский монастырь Аблай-хит*. Научный редактор Д. А. Воякин. Алматы: ТОО «Археологическая экспертиза».

Бакаева, Э. П. (2009). Буддизм в Калмыкии: основные этапы истории. *Буддизм в России*. № 42. 9–17.

Гуссерль, Э. (1994). *Логические исследования*. Философия как строгая наука. Новочеркасск: Агентство Сагуна, 1, 175–353.

Зорин, А. (2020). О «призрачности» рукописного наследия Семи Палат: отклик на книгу «Буддийский монастырь Аблай-хит». *Kunstkamera*, 1 (7), 199–215.

Ерофеева, И. В. (2009). Памятники тибетского буддизма середины XVII – первой половины XVIII века в Казахстане: новые исследования и находки. *Научные чтения памяти Н. Э. Масанова*: Сб. материалов науч.-практ. конф. Алматы, 27–47.

Ерофеева, И. В. (2017). Буддийские монастыри ойратов в Семиречье (середины XVII – середина XIX в.). *Mongolica-XVIII*, 35–48.

Кукеев, Д. Г. (2014). Об оседлых ойратских поселениях на территории Евразии. *Mongolica-XII*. СПб., 26–35.

Омакаева, Э.У. (2010). Письменная традиция. *Калмыки*. М.: Наука, 382–387.

Омакаева, Э. У. (2016). Тема миграции и антропогена в монголоязычном песенном фольклоре: на материале ойратских и калмыцких исторических песен о Шуна-батаре и Убаши-хане. *Великие евразийские миграции*. Материалы Междунар. науч. конф. Элиста: Калмыцкий гос. ун-т им. Б.Б. Городовикова, 397–404.

Спаский, Г. И. (1818). О древних развалинах Сибири / Развалины Аблай-кида. *Сибирский вестник*. 3. СПб.: Типография Иоаннесова, 59–73.

Цыремпилов, Н. В. (2019). Хозяин Аблай-кита. Кто и зачем построил крепость-монастырь на Иртыше? *Вестник Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева*. Feb; 4 (125), 45–63.

Черников, С. С. (1960). Памятники архитектуры ойрат-калмыков. *Записки Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории*. Элиста, 1, 115–134.

Müller, G. F. (1747). De scriptis tanguticis in Sibiria repertis.... *Commentari Academiae Scientiarum Imperialis petropolitanae*. TX, 1738(1747), 420–468.

Pallas, P. S. (1776). *Sammlungen historischer Nachrichten über die mongolischen Völkerschaften*, 2 vols. St. Petersburg: Gedruckt bey der Kayserlichen Akademie der Wissenschaften, 1801, 158.

Tsyrempilov, N. (2020). Khoshut Ablai Taiji and his Fortified Monastery on the Upper Irtysh. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*, 73(2), 269–289.

References

Artykbaev, Zh. O. (2002). *Erchisyn-Sume – a temple on the Irtysh: mysterious pages of the history of the 17th century*. Semipalatinsk: Tengri, 57 (in Russian).

Artykbaev, Zh. O. (2005a). *Nomads of Eurasia in the kaleidoscope of centuries and millennia*. SPb.: Major (in Russian).

Artykbaev, Zh. O. (2005b). Toponymic studies along the Zaya-pandita routes. *The legacy of N.F. Katanov: history and culture of the Turkic peoples of Eurasia*: Reports and messages of the international scientific seminar, June 30–July 1, 2005. Kazan: Alma Lit, 123–128 (in Russian).

Artykbaev, Zh. O., Prmanov, A. (2013). *History of Kazakhstan*. Atamūra (in Russian).

Bakaeva, E.P. (2009). Buddhism in Kalmykia: the main stages of history. *Buddhism in Russia*, 42, 9–17 (in Russian).

Баупаков, К. М., Ерофеева, И. В., Казизов, Е. С., Ямпольская, Н. В. (2019). *Buddhist monastery Ablay-hit* / Scientific editor D. A. Voyakin. Almaty: LLP “Archaeological Expertise” (in Russian).

Chernikov, S. S. (1960). Architectural monuments of the Oirat-Kalmyks. *Notes of the Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History*. Elista, 1, 15–134 (in Russian).

Erofeeva, I. V. (2009). IV Monuments of Tibetan Buddhism in the middle of the 17th – first half of the 18th century in Kazakhstan: new research and findings. *Scientific readings in memory of N.E. Masanov*: Sat. materials scientific and practical conf. Almaty, 27–47 (in Russian).

Erofeeva, I. V. (2017). Buddhist monasteries of the Oirats in Semirechye (mid-17th – mid-19th centuries). *Mongolica-XVIII*, 35–48 (in Russian).

Husserl, E. (1994). Logical research. *Philosophy as a rigorous science*. Novocherkassk: Saguna Agency, 175–353 (in Russian).

Kukeyev, D.G. (2014). On the settled Oirat settlements on the territory of Eurasia. *Mongolica-XII*. SPb, 26–35 (in Russian).

Müller, G. F. (1747). De scriptis tanguticis in Sibiria repertis.... *Commentari Academiae Scientiarum Imperialis petropolitanae*. TX, 1738(1747), 420–468.

Omakaeva, E.U. (2010). Written tradition. *Kalmyks*. M.: Science, 382–387 (in Russian).

Omakaeva, E.U. (2016). The topic of migration and anthropotok in Mongolian song folklore: on the material of Oirat and Kalmyk historical songs about Shuna-bator and Ubashi-khan. *Great Eurasian migrations*. Materials of the Intern. scientific. conf. Elista: Kalmyk state. un-t them. B.B. Gorodovikov, 397–404 (in Russian).

Pallas, P. S. (1776). *Sammlungen historischer Nachrichten über die mongolischen Völkerschaften*, 2 vols. St. Petersburg: Gedruckt bey der Kayserlichen Akademie der Wissenschaften, 1801, 158.

Spassky, G. I. (1818). About the ancient ruins of Siberia / The ruins of Ablai-kid. *Siberian Bulletin*, 3. SPb.: Printing house of Ioannesov, 59–73 (in Russian).

Tsyrempilov, N.V. (2019). The owner of Ablai-kit. Who and why built a fortress-monastery on the Irtysh? *Bulletin of the Eurasian National University L.N. Gumilyov*. Feb; 4 (125). 45–63 (in Russian).

Tsyrempilov, N.V. (2020). Khoshut Ablai Taiji and his Fortified Monastery on the Upper Irtysh. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*, 73(2), 269–289.

Zorin, A. (2020). On the “ghost” of the manuscript heritage of the Seven Chambers: a response to the book “Ablai-Hit Buddhist Monastery”. *Kunstkamera*, 1 (7), 199–215 (in Russian).

УДК 902.2 (470.47)

ВЛИЯНИЕ ПОЧВЫ КАК ПРИРОДНОГО РЕСУРСА НА ФОРМИРУЮЩИЕСЯ ПОСЕЛЕНИЯ В СТЕПЯХ ЕВРАЗИИ

Эйлин Экмайер

профессор

Университет Людвига-Максимилиана, географический факультет, Берлин, Германия

E-mail: e.eckmeier@lmu.de

Мария Александровна Очир-Горяева

доктор исторических наук, главный научный сотрудник Калмыцкий научный центр РАН, Элиста, Российская Федерация

E-mail: mariaochir@gmail.com

А н н о т а ц и я

В статье исследуется взаимосвязь между развитием поселений и их потенциально доступными природными ресурсами. Особое внимание уделяется качеству почвы как основе сельскохозяйственных методов. Ключевое внимание уделяется изучению калмыцкой степи между Черным и Каспийским морями в раннем средневековье, когда в регионе появились первые городские поселения. В качестве сравнительного материала мы использовали результаты изучения современного состояния почв и недавних процессов деградации почв, а также состояния древних почв, которые хранились, например, в могилах (курганах), тумбах или в археологических условиях.

К л ю ч е в ы е с л о в а

территория поселения, природные ресурсы, почвы, калмыцкая степь, сельскохозяйственное использование, пастбища, опустынивание.

UDC 902.2 (470.47)

THE IMPACT OF SOIL AS A NATURAL RESOURCE ON EMERGING SETTLEMENTS IN THE STEPPES OF EURASIA

Eileen Eckmeier

professor

Ludwig-Maximilians University, Department of Geography, Berlin, Germany

E-mail: e.eckmeier@lmu.de

Maria Ochir-Goryaeva

Dr. Sc. (History), professor, Chief Research Associate

Kalmyk Scientific Center of the RAS, Elista, Russian Federation

E-mail: mariaochir@gmail.com

Annotation

The article explores the relationship between the development of settlements and their potentially accessible natural resources. Particular emphasis is placed on soil quality as the basis of agricultural practices. Key attention is paid to the study of the Kalmyk steppe between the Black Sea and the Caspian Sea in the early Middle Ages, when the first urban settlements appeared in the region. As a comparative material, we used the results of a study of the current state of soils and recent soil degradation processes and the condition of ancient soils, which were stored, for example, in graves (mounds), bollards, or in archaeological conditions.

Key words

---

settlement territory, natural resources, soil, Kalmyk steppe, agricultural use, pastures, desertification

INTRODUCTION

How to choose a location for a settlement? The reasons can be manifold, and one answer could be: Where agricultural practice can successfully feed their inhabitants. We want to investigate the interrelations between the development of urban settlements and their potentially available natural resources, with a special focus on soil quality as a basis of farming practices. Human-environment interactions will be studied, focusing on chronological periods during which urban settlements (or urban-like settlements) appeared for the first time: The Kalmykian steppe between the Black Sea and the Caspian Sea, where first settlements with urban structures appeared in Early Medieval.

MATERIALS AND METHODS

Settlements are always related to the landscapes in which they were founded. The natural environment has an impact on their location, maintenance, decline and also fate after abandonment. The availability of natural resources steers the development of urbanity, since urban societies depend on the provisions generated in their hinterlands. Natural processes like fluvial activity or sedimentation of specific mineral materials therefore influence the foundation of settlements because they govern the availability of natural resources, including the characteristics of soils that are demanded by the inhabitants of villages or cities. Despite the importance of soil resources, we hardly know anything about soil fertility in the past, and how this changed over time. This is especially true for regions that have been at the frontiers of political entities, or of specific ecosystems, and which have not been focus areas of previous research. Open questions are: How did the prevalent soils affect the foundation of urban structures in this area? And how did human influence affect the quality of the used soils? Did (pre)historic societies design their environment to their needs? Today, many soils are overused and affected by degradation processes, was this also an issue in the past, and was the degradation of soils comparable to recent processes? Did agricultural use (cropping and livestock) led to a degradation of soil quality and therefore to lower productivity?

First interdisciplinary research showed that we are struggling to answer those questions. It is necessary to understand the general environmental history of a settlement area in greater detail. We therefore want to compare the recent status of soils and recent processes of soil degradation with ancient soils that have been preserved, e.g. under gravemounds (kurgans), colluvium or in archaeological contexts and apply interdisciplinary methods, including geochemical analysis, dating, remote sensing and GIS technologies, to attend to the main research questions:

- What were or are the characteristics of soils when settlements evolved (here: Bronze/Iron Age, Medieval), were soil conditions in the past suitable for agricultural use? What was the nutrient status and organic matter content?
- Can we identify climate and vegetation changes that would influence soil formation?
- Can we identify soil degradation processes in the past that were connected to land-use and overexploitation of resources? What would be the effect of soil degradation on the production of food and other essential resources? Are they related to changes in society and economy?

- How did erosion and/or fluvial activity influence the formation and properties of soils? Were the areas influenced by other natural processes that disturbed or stimulated agricultural activities?

- Can we identify activities connected to local and regional resources also in the settlements? Can we identify differences in sediment characteristics related to economic activities or building materials?

To find answers to those questions, it is necessary to find areas where settlements emerged at a specific period of time, and where also the environmental history can be investigated, which excludes areas with long chronologies of inhabitation. Regions at the frontiers of political or ecological units are suitable investigation areas because they were often settled after the mainlands, or for specific purposes. Excellent examples is the Kalmykian steppe between the Black Sea and the Caspian Sea, where first settlements were established not before Early Medieval.

DISCUSSION

Recent soils are usually affected by former activities and remains of the past, their characteristics can reflect their former use but not necessarily their former quality. Often the question emerges, how “natural” soils really are. This is especially true for regions which have been settled early, as in the Near East, where settlements and their inhabitants interact with their environments under changing climatic conditions since millennia. What we know about soils in areas that have been settled since prehistoric times can be seen in this example from the Near East, where it is said that “almost no virgin soils occur in Iraq, because human influence over a period of some thousands of years has directly or indirectly changed soil conditions” (Buringh, 1960: 23). The landscape as we see it today, and its capability to deliver natural resources for the survival of a city, is therefore not a source of information for the status quo in ancient times, and it is not the exclusive result of climate-related processes.

The steppes of Eurasia were often not considered when looking at urban developments or changes in soil quality, but it is known that they have been used as pastures by nomadic tribes since Early Iron Age. Steppe ecosystems are very sensitive to changes in climate and land-use, and soil degradation is and was a common challenge (Demkin et al., 2010 Ochir-Goryaeva et al., 2020). An outstanding example are the steppes of Kalmykia, which are known today «for their severe state of degradation and desertification, mainly by overgrazing but also by inadequate arable use, which affected large parts of the formerly fertile soils. In the late 1980s, 47.8 % of the area of the Republic of Kalmykia was damaged by strong or even extremely severe degradation» (Bananova, 1989; Bananova and Lazareva, 2014).

The climate of Kalmykia is continental and semi-arid, with an average annual precipitation of 200-350 mm. Typical soils are “Chestnut soils”, or Kastanozems, but a distinctive feature of this subregion is the sandy steppe zone, which is related to sediments from the Caspian Sea (Zonn, 1995). Grazing lands are located mainly in the steppe areas, but also in semi-deserts, sand and salt deserts of the Caspian Lowlands (Smelansky and Tishkov, 2012). The earliest urban sites date to the Early Medieval Epoch and, in particular, to the time of the Chasarian Kaganat (7th–9th century). Only a few settlements

have been documented, located along the Don river and the artificial Tsimlyansk lake, e.g. the fortress Sarkel-Belaya Vezha (Artamonov, 1958; Afanas'ev, 2018: 166–189; Larenok, Semenov, 1999: 63–70). Our study area is situated in the south-western part of Kalmykia, the Manych Steppe, south of the Kuma-Manych depression, where annual precipitation is higher. No archaeological sites dating to the Bronze or Early Iron Age have been discovered here so far; which is in stark contrast to the archaeological data of the other parts of the territory of Kalmykia (Ochir-Goryaeva et al., 2011). The early Medieval settlements of Bashanta-I and II, located in the basin area between Manych and Egorlyk, are therefore the earliest settlement sites in the Manych Steppe. Seven kurgans located near Bashanta-II seem to belong to the same period. We want to address the question why the Medieval settlements were the first to appear in the area. We hypothesise that earlier environmental conditions were unfavorable for any agricultural use.

The rather late arrival of settlements in the Manych steppe might be associated with previous environmental conditions, in particular high soil moisture and swamp areas that were prevalent at that time. During the early Medieval period, the soil might have become drier, either because the climate was more favourable, or because of melioration efforts (documented drainage systems). Additional evidence comes from archaeozoological material in the cultural layer of Bashanta-II. The bone material represented kitchen remnants: twice as much meat of cattle and horse was used for food than of sheep (Eckmeier et al., 2018). This may serve as an indirect piece of evidence of more humid conditions climate which favored higher grass species and hence raising horses and cattle rather than sheep. Paleoclimatic data from the Black Sea suggests that vegetation types and climate were fluctuating often during the Holocene (Bolikhovskaya et al., 2018).

The Kalmykian steppe was and is impacted by severe soil degradation (wind erosion, loss of fertile top soil) and a late urban development in the Manych steppe. Natural steppe disappeared, mainly due to overgrazing, so that a comparison with “natural soils” is not possible.

Effects of climate. The region between the Black Sea and the Caspian Sea, or between the rivers Don and Volga, is characterised by an increase in aridity from west to east, which is strongly affecting the characteristics of the Kalmykian steppe.

RESULTS

Modern analogies will be studied in detail to establish knowledge on the effects of (over)grazing and agricultural production on soil characteristics. The case studies will be selected in known sites in Kalmykia, where overgrazing had severe consequences, but no data on soil characteristics is available.

Fieldwork. After identification of suitable locations for sampling according to the research questions, environmental conditions and site specifics, samples will be taken either in (i) excavation areas (settlement structures, pit fillings), (ii) under (pre)historic structures like gravemounds or ditches, or under colluvial sediments, or (iii) from recent topsoils. To establish knowledge of the landscape on a larger scale we will also sample soil and sediment cores using a Cobra drilling equipment.

Landscape analysis. The research areas will be analysed using remote sensing data (vegetation cover and modern land-use) and GIS analysis (DEMs and spatial analysis).

Available environmental data will be collected using literature data on climate and vegetation history, climate data databases, and local studies (e.g. unpublished data from geological surveys).

Laboratory analyses. The analyses of sediment and soil material will be performed either in the laboratories of the Department of Geography (LMU), or in the laboratories of the Geographical Faculty, Lomonosov State University, Moscow. Following parameters will be determined: particle-size distribution, calcium carbonate (CaCO₃), pH, carbon (C) and nitrogen (N), total, inorganic and organic phosphorous (P) and colour (VIS) spectra, near-infrared (NIR) and mid-infrared (MIRS) spectra, and multi-element-analysis (XRF). The aim is to gain information on soil quality and status, and how this changed (e.g. Eckmeier et al. 2011; Lauer et al., 2014), and to apply a microarchaeological approach for the settlement areas (Weiner 2010). The nutrient status of samples will additionally be determined by multi-element analysis using an ICP-MS (TU München, Lehrstuhl für Bodenkunde). As it is also important to date the time of sedimentation of the colluvial or fluvial sediments, it is necessary to apply optically stimulated luminescence (OSL) and radiocarbon (¹⁴C) dating. Biomarker analysis will be performed to determine if manure was applied to the soils (only in buried soils).

References

- Afanas'ev, G.E. (2018). Where Is the Archeological Evidence of the Existence of a Khazar State? *Anthropology & Archeology of Eurasia*, 57, 166–189.
- Artamonov, M.I. (1958). Sarkel-Belaya Vezha. Materials and research on archeology. *Proceedings of the Volga-Don archaeological expedition*, 1, 62, 7–84.
- Bananova, V.A. (1989). *A Map of Anthropogenic Desertification of Kalmykia ASSR* (Scale 1: 500000).
- Bananova, V.A., Lazareva, V.G. (2014): Trends of Changes in the Botanical Diversity under the Influence of Desertification in the Republic of Kalmykia. *Arid Ecosystems*, 4, 119–126.
- Bolikhovskaya, N.S., Porotov, A.V., Richards, K., Kaitamba, M.D., Faustov, S.S., Buringh, P. (1960). *Soils and soil conditions in Iraq*. Baghdad.
- Demkin, V.A., Borisov, A.V., Demkina, T.S., Khomutova, T.E., Kashirskaya, N.N. (2010). Evolution of soils and dynamics of the climate of steppes in the southeast of the Russian plain during the late eneolithic and bronze ages (fourth to second millennia BC). *Eurasian Soil Science*, 43, 1515–1526.
- Eckmeier, E., Ochir-Goryaeva, M., Sitdikov, A. (2018). Characteristics of the Manych Steppe of Kalmykia and its influence on prehistoric and medieval settlement patterns. *Steppes of Northern Eurasia: Proceedings of the 8th International Symposium*, Orenburg, 1152–1156.
- Eckmeier, E., Pätzold, S., Lehdorff, E., Gerlach, R. (2011): Geochemische Untersuchungen von Böden zur Rekonstruktion der prähistorischen Landnutzungsgeschichte. In: Bork, H.-R., Meller, H., Gerlach, R. (eds.): *Umweltarchäologie – Naturkatastrophen und Umweltwandel im archäologische Befund*. 3. Mitteldeutscher Archäologentag vom 07. bis 09. Oktober 2010 in Halle (Saale). Tagungen des Landesmuseums für Vorgeschichte Halle (Saale), 6, 37–45.
- Larenok, P.A., Semenov, A.I. (1999): “Sarkel, Sarkel, eshe Sarkel...” *Donskaia arkheologiya*, 3–4.
- Lauer, F., Prost, K., Gerlach, R., Pätzold, S., Wolf, M., Urnersbach, S., Lehdorff, E., Eckmeier, E., Amelung, W. (2014): Organic Fertilization and Sufficient Nutrient Status in Prehistoric Agriculture? – Indications from Multi-Proxy Analyses of Archaeological Topsoil Relicts. *PLoS ONE* 9: e106244.

Ochir-Goryaeva, M., von Carnap-Bornheim, K., Kekeev, E., Manzhikova, L. (2011). Settlement of Bashanta with stone buildings from the middle ages. *Vestnik KIGI RAN*, 1, 63–70.

Ochir-Goryaeva, M.A., Eckmeier, E. & Weizenegger, V. (2020). Dynamics of desertification processes in Kalmykia from the mid-1980s to the present. *Oriental Studies*, 13 (6), 1613-1622.

Smelansky, I.E., Tishkov, A.A. (2012): The steppe biome in Russia: ecosystem services, conservation status, and actual challenges. In: Werger, M.J.A., van Staaldin, M.A. (eds.) *Eurasian Steppes. Ecological problems and livelihoods in a changing world*, Dordrecht, 45–101.

Weiner, S. (2010): *Microarchaeology: beyond the visible archaeological record*. Cambridge.

Zonn, I.S. (1995): Desertification in Russia: problems and solutions (an example in the Republic of Kalmykia-Khalmg Tangch). In: Mouat, D.A., Hutchinson, C.F. (eds.): *Desertification in Developed Countries*. Dordrecht, 347–363.

УДК 94(470+571)

РУСЬ И КОЧЕВНИКИ В X – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XII вв.: ОТ ВОЕННОЙ КОНФРОНТАЦИИ К СОЮЗНИЧЕСКИМ ОТНОШЕНИЯМ

Ольга Александровна Клейменова

кандидат исторических наук, доцент

Рязанский государственный медицинский университет им. академика И.П. Павлова,
Рязань, Российская Федерация

E-mail: kleymenova.rgmu@mail.ru

А н н о т а ц и я

Статья посвящена анализу отношений населения Древней Руси и кочевников (печенегов, торков, половцев) в X–первой трети XII вв. Проведенное исследование показало, что в указанный период взаимоотношения между кочевым и оседлым населением Древней Руси не сводились лишь к военной конфронтации, но и к мирным формам сотрудничества и взаимодействия, некоторым образом отразившиеся как на историческом развитии кочевых народов, так и на формировании древнерусской государственности. Своеобразие контактов между кочевыми и земледельческими народами во многом определило соперничество за политическое первенство на Руси. Разного рода союзы и альянсы заключались исходя главным образом из-за политической и экономической целесообразности. Военно-политическое партнерство стало сопровождаться брачными союзами, ориентированными на связывание договаривающихся сторон едиными семейными узами. Подобное явление стало впоследствии нередким явлением. Контактными субъектами выступали практически все социальные слои (высшая аристократия, военные, купцы, религиозные миссионеры). Более активное взаимодействие наблюдалось в тех регионах, где смешано проживали кочевники и земледельцы.

К л ю ч е в ы е с л о в а

кочевники, оседлое население, взаимоотношения, Древнерусское государство, Причерноморские степи, печенеги, половцы, торки, черные клобуки, дипломатия, конфронтация.

UDC 94(470+571)

ANCIENT RUS AND NOMADS IN THE 10th – FIRST THIRD OF THE 12th CENTURIES: FROM MILITARY CONFRONTATION TO ALLIED RELATIONS

Olga A. Kleymenova

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

Ryazan State Medical University named after academician I.P. Pavlov, Ryazan,
Russian Federation

E-mail: kleymenova.rgmu@mail.ru

Annotation

The article is devoted to the analysis of relations between the population of Ancient Rus and nomads (Pechenegs, Torks, Polovzy) in the Xth – first third of the XIIth centuries. The relevance of this topic is due to the fact that for a long time in in historiography the attitude towards the history of nomadic societies, which were classified as non-historical, prevailed. Hence, the multilateral nature of contacts between sedentary and steppe peoples often was reduced to a description of the predominantly military aspect of these relations. In pre-revolutionary works, it was traditional to contrast the nomads, as barbaric, uncivilized peoples, with the agricultural population, who, according to some researchers, had a higher level of development and culture. At the present stage, historians, archaeologists, ethnologists, etc. are engaged in the study of nomads, an interdisciplinary approach is postulated. The article emphasizes that contacts between the nomadic and sedentary population of Ancient Rus were not limited to military confrontation, but were completed by peaceful forms of cooperation and interaction, which affected both the historical development of nomadic peoples and the formation of Old Russian State. The rivalry for political supremacy in Ancient Rus largely determined the originality of contacts between nomadic and agricultural peoples. Military alliances were supported by peace treaties, accompanied by the conclusion of marriage alliances, which later becomes a frequent event. The contact persons were practically all social strata (the highest aristocracy, the military, merchants, religious missionaries). More active interaction was observed in those regions where nomads and farmers lived mixed.

Keywords

---

nomads, sedentary population, relationships, Old Russian State, Black Sea Steppes, Pechenegs, Cumans, Torcky, Chornyiclobuks, diplomacy, confrontation.

ВВЕДЕНИЕ

Географическое положение Древней Руси определило интенсивность и перманентный характер контактов оседлого населения с кочевыми этносами на протяжении анализируемого нами периода времени.. На просторах Причерноморских степей появлялись и активно воздействовали на социально-экономическое, политическое и культурное развитие восточнославянского общества хазары, печенеги, торки (гузы) и половцы. Соседство, различные формы взаимоотношений, мирный и военный характер контактов оседлых и степных народов отразились на внутривосточном развитии Древнерусского государства в период его становления и последующего развития. Необходимость изучения внешних факторов в формировании Древнерусского государства определяли научно-исследовательский поиск ученых, что лишний раз подчеркивает актуальность рассматриваемой нами темы. В отечественной историографии долгое время господствовало предвзятое отношение к истории кочевых обществ, которых относили к разряду неисторических. В дореволюционных трудах и в советское время традиционным было противопоставление кочевников как варварских, нецивилизованных народов оседло-земледельческому, достигшим на тот момент, по мнению ряда исследователей, более высокого уровня социально-экономического и культурного развития. Исследователями нередко как основной фактор, повлиявший на развитие политических институтов Руси, выделялась борьба с кочевниками. Отсюда и многосторонний характер контактов оседлых и степных народов зачастую сводился к описанию и анализу преимущественно военного аспекта этих взаимоотношений. Менее всего уделялось внимание изучению разнообразных контактов «мирного» характера двух цивилизаций и практически ничего не говорилось о позитивном влиянии кочевников на земледельцев, их культуру и образ жизни, формирование древнерусской государственности. Между тем, исследование данной научной проблемы требует междисциплинарного подхода и не удивительно, что на современном этапе изучением взаимодействия земледельческих и кочевых обществ, воздействия последних на формирование древнерусской государственности стали вплотную заниматься историки, археологи, этнологи и др. «Кочевнический» след, безусловно, имеет место в древней истории Руси.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Материалами для написания статьи послужили новые, а также заново обработанные архивные материалы. Использовались опубликованные работы отечественных ученых по проблематике исследования. В качестве методологических основ автор использовал комплекс важнейших принципов: принципы научности, историзма, системности и комплексности.

ОБСУЖДЕНИЕ

Проблема взаимоотношений тюркоязычных кочевников и населения Древней Руси, как выше мы отмечали, издавна находилась в центре внимания историков, археологов и этнографов. Еще в XVIII в. в отечественной науке закрепились

тенденция сведения их взаимодействия преимущественно к военной конфронтации и рассмотрению через призму борьбы «леса и степи». В. Татищев, проанализировав летописный материал, пришел к выводу, что набеги печенегов и половцев на земли Руси в значительной степени обуславливались постоянными междоусобицами русских князей и ослаблением вследствие этого их военной мощи (Татищев, 1962: 272-274). В его трудах встречаются и ценные свидетельства, не сохранившиеся в других источниках: в частности, одна из печенежских орд в 979 г. решила осесть в русском пограничье и, возможно, приняла подданство Руси.

Взгляд на кочевников как на заклятых нецивилизованных и диких врагов Руси доминировал в науке и в обществе также достаточно долгое время. С. Соловьев неслучайно акцентировал внимание на «борьбе леса и степи». Историк выделял Юго-Западную Русь, прежде всего Киевскую область, которая, по его мнению, была авансценой древней истории. Но именно близость к степи сделала ее неспособной стать государственным ядром для России и именно природа подготовила для этого Московскую область (Мавродина, 1983: 66–67). Однако уже в конце XIX в. в специальных исследованиях Н. Аристов и П. Голубовского, посвященных кочевникам Юго-Восточной Европы X–первой половины XIII вв., отмечалось, что многосторонний характер взаимоотношений степного и оседлого населения Руси не ограничивался только военными контактами (Голубовский, 1884: 70–72; 174–179). Впоследствии в науке, в частности, исторической, наблюдается явное повышение интереса к кочевнической проблематике и расширение тематики исследований.

В дореволюционной историографии появились работы, где уделялось особое внимание отдельным вопросам истории взаимоотношений степных этносов и Руси. Историческая наука советских времен внесла много ценного в дальнейшие исследования различных аспектов социально-экономической и политической истории кочевников в их взаимоотношениях с Древней Русью. В частности были преодолены устоявшиеся подходы к оценке кочевников как нецивилизованных и некультурных, подвергнута критике теория С. Соловьева, трактовавшего историю рассматриваемого нами периода только как «борьбу леса и степи» и в целом не видевшего позитивных моментов в соседстве и взаимодействии двух цивилизаций.

Разработка новых подходов в изучении проблемы не приветствовалась, так как в науке советского периода любое творчество на концептуальном уровне фактически было запрещено. Отход от формационного подхода, утрата марксистским учением статуса определяющей системы общественных и научных взглядов обусловили появление новых направлений в исследовании кочевых обществ.

Освещение особенностей контактов на пограничье Руси и Степи в ряде работ исследователей второй половины XX–начала XXI вв. имеет разную направленность. В частности, выделяются по своей концептуальности и широте взглядов на исследуемую проблему работы С. Плетневой, Г. Федорова-Давыдова, Ю. Худякова, О. Приходнюка, П. Толочко, А. Атавина, М. Андреевой, С. Гуркина, В. Флеровой, Е. Галкиной и др. (Клейменова, 2016: 182–183). В большинстве исследований акцентируется внимание на том, что отношения и взаимовлияния двух цивилизаций были многогранными и не сводились лишь к военным столкновениям. Отмечались и общие моменты, сближавшие два мира и определявшие новые формы

взаимовыгодного сотрудничества. По мере развития исторической науки выделилось несколько самостоятельных тем, требующих научного переосмысления уже на другом уровне, в других терминах и в новой научной парадигме.

Сегодня большинство исследований носит междисциплинарный характер, что значительно расширило круг вопросов и сформировало практику подключения разных видов источников. Зарубежные и отечественные кочевниковеды давно обращали внимание на взаимозависимость кочевых и земледельческих обществ. Близким к цивилизационному подходу является мир-системный, основоположником которого считают Ф. Броделя, представителя французской школы «Анналов». Данный научный подход позволяет проанализировать этнополитическое развитие человечества. Он получил распространение и в России. Историк, антрополог и археолог Н. Крадин анализирует взаимоотношения Руси и кочевого мира именно с этой позиции. Использование данных археологии, этнологии, антропологии, фольклора, лингвистики, топонимики и других смежных дисциплин дало возможность исследователям проследить более детально особенности формирования кочевых обществ на разных этапах их социально-политического и экономического развития, в частности, в X–первой трети XII вв.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Южнорусские земли издавна привлекали кочевые орды. Быт кочевников был милитаризованным. Кочевые народы отличались применением собственной тактики боевых действий. Интенсивность их набегов зависела от времени года и природных условий. Конница обеспечивала преимущество на открытых пространствах, но в лесной полосе пасовала перед пешей армией. К примеру, если печенегам не удавалось захватить древнерусский город сразу, они брали его в осаду, а защитников – измором (Моця, 1997: 10). Чаще всего набег кочевников происходили осенью. Имея большой боевой опыт и постоянно совершенствуясь в военном искусстве, они достаточно быстро приходят к пониманию необходимости выработки новой стратегии с целью захвата земледельцев и их продукции. И главным ее фактором становится неожиданность нападения. Так, торки, являвшиеся частью средневековых тюрков-огузов, кочевавших в причерноморских степях в X–XIII вв., долгое время применяли стратегию, похожую на печенежскую (нападение в осеннее время года). Торки, поменяв стратегию, стали нападать на земледельцев в любое время года (Бережинский, 2000: 21).

Земледельческие государства первоначально вступали в жестокие военные сражения с кочевыми племенами, но со временем они также меняли свою тактику в отношении нападавших номадов. С появлением нового кочевого народа оседлые государства стали стремиться установить с ним союзнические отношения, максимально использовать его военную силу. Наиболее эффективной такая тактика становилась при установлении вассальных отношений с земледельческим государством. На преимущества союзнических отношений с кочевниками и возможность использования их военного потенциала очень быстро обращают внимание правители оседлых государств. О нахождении печенегов на службе византийского императора пишет Константин Багрянородный (Латышев, Малицкий, 1934), считающий, что пока Византия находится в союзнических отношениях с печенегами, она

полностью защищена от северных держав, прежде всего, от Руси. Номады при этом имеют возможность контролировать не только передвижение вражеских войск, но и торговлю. В. Васильевский приводит такие факты: „Русские совсем не могут предпринять никакого похода вне своих границ, если они не находятся в мире с Печенегами; без позволения Печенегов они не могут приходить в Константинополь ни для торговли, ни с войною” (Васильевский, 1872: 118).

Византийская дипломатия играла не последнюю роль в обострении русско-печенежских отношений, постоянно пыталась вбить клин между ними. Еще больше способствовало ухудшению отношений между русскими и печенегами принятие Русью христианства. Печенеги на протяжении долгого времени являлись злейшим врагом древнерусского государства. Они постоянно опустошали Полянскую землю, значительный урон ими был нанесен южной Черниговщине, а также Переяславщине. В результате захвата земель на Переяславщине и поселения на ней кочевников на данной территории наблюдается изменение этнодемографического баланса: соотношение численности славянского и кочевого населения меняется в пользу кочевников. Поселения вассальных печенегов и торков были на Южной Киевщине, под Черниговом, Переяславом на Трубеже. Основным районом расселения служивых торков стал бассейн рек Рось и Росава (Машанова, 2002: 22).

Древнерусские князья пытались бороться против одних тюркских племен с помощью других. Привлечение на службу отдельных орд кочевников, которые назывались «свои поганые», в частности, в борьбе с половцами, становится со временем распространенным явлением в военных взаимоотношениях русских князей и степняков. Появляется и практика размещения тюркских военных гарнизонов в пограничных со степью районах. В южнорусских степях половцы со временем были вытеснены торками, которых в 1060 г. разгромили объединенные войска древнерусских князей. После этого торки уже не фигурируют как самостоятельная политическая сила. В 70–80-х гг. XI в. они, как и печенеги, обращались с просьбой предоставить место для поселения к киевскому князю, но, получив отказ, их ослабшие остатки влились в состав половецких орд.

Приблизительно в середине XII в. поросские вассалы киевских князей (торки, берендеи и печенеги) объединились в союз каракалпаков (черных клобуков), в который вошли небольшие орды коуи, капичи, турпей и бастии. Впоследствии к ним присоединились отдельные отряды половцев (Плетнева, 1990: 75). К этому времени уже существовали традиции образования заграждений из отрядов кочевников на Руси (Черниговщина), которые все чаще стали строить русские князья. Приграничные земли также укреплялись поселениями «своих поганых». Их имели Киевское, Черниговское, Владимиро-Суздальское и Переяславское княжества, использовавшие кочевников для защиты своих земель. К примеру, черные клобуки неоднократно отражали набеги кипчаков на Киевскую и Переяславскую земли, иногда даже самостоятельно (Каргалов, 2008: 90). С ними у древнерусских князей установились абсолютно иные взаимоотношения, чем с печенегами или половцами. Черные клобуки находились под защитой русских княжеств. Есть сведения о наличии у них специальных городищ. Укрепления эти имели небольшие размеры и были построены русскими для защиты черных клобуков от степных половцев (Расовский, 2002: 133). Формировались и настоящие городские центры, например, столица Торческ.

Население Поросья было полуоседлым и достаточно пестрым по этническому составу. Об отношениях черноклобуцкого населения Поросья и древнерусских князей нельзя сказать, что они были идиллическими, но их можно назвать, насколько это возможно, добрососедскими. Дело в том, что кочевое население Поросья оказалось в пределах Руси не в результате военных сражений, а путем договоренностей с русскими князьями, что дало повод говорить о мирном вхождении тюркских племен в государственно-территориальную и этническую структуру Руси (Толочко, 1999: 136). Обладая незаурядными боевыми навыками, черные клобуки сыграли исключительную роль в военно-политической жизни южной Руси. Когда было необходимо неожиданно поразить врага, клобуки становились незаменимыми, «никто лучше их не мог разведывать о положении врага, никто ловчее не умел пробраться в неприятельский стан» (Валянский, Калюжный, 2001: 139). Можно также отметить и значимую роль, например, торков в противостоянии половецкой агрессии (Урбан, 2001: 131).

Номады нередко добивались более самостоятельного политического положения и даже влияли на процесс выбора киевского князя. Черные клобуки при этом практически никогда не нарушали верность своему сюзеру. Со временем их верхушка переходит в ряды переяславского и черниговского боярства, а низы кочевого люда ассимилируются этнически и социально с русским сельским земледельческим населением (Мавродин, 2002: 247). Мирная жизнь и совместное проживание на одной территории, безусловно, сказываются на психологии и боевом потенциале кочевников. В этой связи даже получила распространение точка зрения, согласно которой варвары в результате перехода на службу извечных своих противников становились слабее в военном отношении, так как отсутствие самой возможности насильственной добычи постоянного дохода подрывала их агрессивность и боеспособность (Тойнби, 2003: 32).

Одним из самых боеспособных варваров в древней истории являлись половцы, которые появляются в середине XI в. и закрепляются на южных границах Древнерусского государства. Первые столкновения русичей с ними показали, что новый противник опасен и непредсказуем. Традиционными приемами ведения боя варваров были отступление (притворное), засада, обход противника с флангов и окружение (Пилипчук, 2013: 187–188). После трагических событий на р. Альте 1068 г., где важную роль сыграл фактор неожиданности (половецкое нападение началось ночью), триумvirат Ярославичей дал трещину. Именно половцы своим вторжением обострили назревавшие противоречия в русских княжествах. В конце XI – начале XII вв. складываются два объединения половцев – Донское во главе с Шаруканем и Приднепровское, возглавляемое Боняком. Однако организация широкомасштабного натиска на русские земли вплоть до конца XI в., по мнению исследователей, была не только не по силам половцам, но и в принципе не отвечала их жизненным интересам (Инков, 2014: 35). Обоюдные боевые атаки друг на друга стали постоянным явлением в указанный период времени. Древнерусские летописи зафиксировали на протяжении второй половины XI – XII вв. 34 половецких набега на южнославянские княжества, а в XII в. – 22 похода древнерусских князей на половцев (Мургулия, Шушарин, 1998: 62). Начиная с 30-х гг. и вплоть до 80-х гг. XII в. кипчаки постоянно участвовали в междоусобицах русских князей.

Извечное соперничество за политическое первенство на Руси между князьями продолжалось, для достижения своих целей они налаживают новые формы союзнических отношений между кочевой и оседлой элитой. Нередкими становятся брачные союзы подданных русских княжеств с половчанками. Сам князь Владимир Мономах посредством браков своих сыновей, к примеру, породнился с половецкими ханами Аепой и Тугорканом. На определенном этапе истории необходимость борьбы с кочевниками способствовала усилению великокняжеской власти. В дальнейшем отмечается противоположная тенденция: в борьбе за политическую власть князья пытаются найти союзников в степи и уже не выступают единым фронтом против пришельцев. Владетели кочевых племен сами ищут выгодные союзы с разрозненными русскими князьями. Так, половецкие ханы заключили союзы с черниговскими, галицкими и суздальскими князьями против киевских, поскольку последние опирались на торков (Гумилев, 2002: 115). Во второй половине XII в. половцы разграбили Черниговское, окраины Переяславского княжества, в 1169 г. взяли Киев.

Становление Древнерусского государства на Днепре определило новую ситуацию. Борьба с кочевниками влияла на авторитет князя, так как наивысшей добродетелью всегда считалась защита родной земли от врагов, прежде всего, от хищных половецких ханов (Котляр, 1998: 7). Летописцы домонгольского периода в большинстве случаев рассматривали войны с иноплеменниками как борьбу богоугодную, праведную. В то же время летописцы того времени неприязненно относились к истощающим и длительным походам (в особенности на другую территорию), подрывающим, по их мнению, внутреннюю безопасность Руси, приводящим к ослаблению власти князей и создающим опасные реалии для развязывания гражданской войны. Так, Владимир Мономах вошел в историю как решительный правитель, реализовавший ряд победоносных походов в степь. При этом одним из главных мотивов этой борьбы, как отмечают историки, могла стать забота о смердах, находившихся под постоянной угрозой набега степняков (Ищенко, 2016: 24).

В VIII–IX вв. границы славянской оседлости под давлением кочевых народов продвинулись на север и установились по линии р. Стугна (Томилович, 1998: 37). Набеги кочевников активизировали строительство городов у славян, военных укреплений, так как древнерусские князья были вынуждены думать о защите, прежде всего, южных границ государства «начаставити города по Десне, и по востри, и по Трубежеви, и по Суле, и по Стугне. Владимир для защиты южной границы Руси от печенегов строил новые города-крепости. Настоящим «щитом земли Русской» стал город Белгород на р. Ирпень (Печенежские войны, 1998: 18). Посульская оборонительная линия в период наибольшего расцвета включала до 18 городов-крепостей. В 30-х гг. XI в. закладывается Поросская оборонительная линия, ее общая протяженность составила примерно 300 км.

В этот период в русских княжествах наблюдается интенсивность миграционных процессов. Усиливается переселение «лучших мужей» из северных районов восточнославянской ойкумены на юг для обороны от кочевников (Моця, 2006: 7). В пограничных областях возводятся сторожевые крепости, имевшие военные гарнизоны, игравшие роль форпоста на границах государства. Строительство подобных сооружений отмечается со второй половины X в., но особенно высокими темпами их возведение идет в XII в. Характерно, что возведение большинства укрепленных

поселений Киевской Руси было подчинено рельефу местности. Самым распространенным в то время во всех районах Руси был мысовый тип укреплений. В южных районах Руси в XII в. доминировали крепости с несколькими линиями обороны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, взаимоотношения оседлых и кочевых народов Древней Руси в X–XII вв. не исчерпываются только военной конфронтацией, но дополняются и мирными формами, обусловленными необходимостью налаживания добрососедских отношений. При этом кочевники, впрочем, так же как и земледельцы, не отличались постоянством политических ориентаций, нередко выступали союзниками разных соперничающих или воюющих сторон, главным образом, в обмен на возможность получения добычи или даров. Историки, выделяя периоды войны и мира, тем не менее, отмечают, что четкой и однозначной границы между ними не было. Народы постоянно находились в перманентном состоянии войны и мира. Развивавшиеся в мирное время торговые связи обеспечивали кочевников и земледельцев товарами, в которых они традиционно нуждались. Контроль над важными торговыми путями способствовал развитию военного искусства кочевников и определял, в свою очередь, необходимость совместных усилий князей как гарантов безопасной торговли.

Многочисленные источники отражают торговые, политические, военные и матримониальные контакты двух разных, самобытных и уникальных, миров. Контакты между кочевым и оседлым населением Древней Руси в исследуемый период наблюдались в разных сферах и имели характер взаимовлияний, что отразилось как на историческом развитии кочевых народов, так и на становлении и развитии Древнерусского государства.

Номады, контактируя с развитыми государствами, прежде всего с Русью и Византией, стремились максимально сохранить кочевые традиции, компенсируя отсутствие собственной продукции земледелия военными трофеями, активизировали свое участие в торговле, в частности, посреднической.

Кочевые народы прошли разные по срокам периоды ассимиляции. Для торков характерна более быстрая ассимиляция славянским окружением. Они осуществили переход к полукочевому типу кочевничества, минуя полукочевую. Феномен черных клобуков, которые со временем становятся для русичей «своими погаными», во многом был определен не столько внутренними обстоятельствами, сколько необходимостью выживания перед лицом новой угрозы в лице половцев. Этот народ, имевший достаточно длинную и разнообразную историю взаимоотношений с земледельческими государствами (Русью, Византией и Грузией), смог еще долгое время сохранять на историческом пространстве свою уникальность. Контактными субъектами были практически все социальные слои (высшая аристократия, военные, купцы, религиозные миссионеры). Более активное взаимодействие наблюдалось в тех регионах, где проживали смешанно кочевники и земледельцы (Поросье, Северщина и Переяславщина). Под влиянием земледельческого населения кочевники начали переходить к полукочевому образу жизни, заимствуя элементы земледелия, ремесла, языка.

Литература

- Бережинский, В.Г. (2000). *Войны Киевской Руси с торками*. Киев: НИЦ ГП ВСУ.
- Валянский, С.И., Калужный Д.В. (2001). *Другая история Руси. От Европы до Монголии*. М.: Вече.
- Васильевский, В.Г. (1872). Византия и печенеги (1048–1094). *Журнал Министерства Народного Просвещения*, Часть 164. СПб: Тип. Имп. Акад. наук.
- Голубовский, П.В. (1884). *Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южно-русских степей IX–XIII вв.* Киев: Университетская типография И.И. Завадского.
- Гумилев, Л.Н. (2002). *Черная легенда: Друзья и недруги Великой степи*. М.: Айрис-пресс.
- Инков, А.А. (2014). Половецкие набеги на Русь во второй половине XI века. *Научные труды Московского гуманитарного университета*. № 2. М.: Изд-во Московского гуманитарного университета.
- Ищенко, А.С. (2016). Владимир Мономах глазами современников и потомков: формирование и эволюция мифологического образа. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского*. № 5. Нижний Новгород: издательство Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского.
- Каргалов, В. (2008). *Русь и кочевники*. М.: Вече.
- Клейменова, О.А. (2016). *Проблемы изучения и оценки взаимоотношений Древней Руси и кочевников*. Сборник научных трудов кафедр гуманитарных дисциплин. Вып.17. Рязань: РИО РязГМУ.
- Котляр, М.Ф. (1998). Як і чому настала удільна роздробленість на Русі (XII–XIII ст.). *Історичні зошити*. Киев: Інститут історії України НАН України.
- Латышев, В.В., Малицкий, И.В. Сочинение Константина Багрянородного «Об управлении государством» (1934). *Известия византийских писателей о Северном Причерноморье (выпуск первый)*. *Известия Государственной Академии истории материальной культуры*, 91.
- Мавродин, В.В. (2002). *Очерки истории Левобережной Украины (с древнейших времен до второй половины XIV века)*. СПб.: Наука.
- Мавродина, Р.М. (1983). *Киевская Русь и кочевники (печенеги, торки, половцы): историографический очерк*. М.–Л.: Наука.
- Машанова, Л.В. (2002) *Россия и Восток: контакты, взаимодействия (IX–XVII вв.)*. М.: ГУУ.
- Моця, А.П. (1997) *Кочевники Причерноморья на рубеже тысячелетий (венгры, печенеги, торки)*. Николаев: Возможности Киммерии.
- Мургулия, М.П., Шушарин, В.П. (1998). *Половцы, Грузия, Русь и Венгрия в XII–XIII веках*. М: Типография РАН
- Печенежские войны X–XI вв.* (1998). Сборник. М.: Вече.
- Пилипчук, Я.В. (2013). Военное искусство кипчаков. *Тюркские кочевники Евразии (кимаки, кипчаки, половцы)*. Вып.2. Казань: Ихлас, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ.
- Плетнева, С.А. (1990). *Половцы*. М.: Наука.
- Расовский, Д. (2002) *Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии (Из истории русской культуры*. Т. II. Кн.1. Киевская и Московская Русь). М.: Языки славянской культуры.
- Татищев, В.Н. (1962) *История Российская*. Т.1. М.–Л.: АН СССР.
- Тойнби, А. Д. (2003). *Цивилизация перед судом истории*. Сборник. М.: Айрис-пресс.
- Толочко, П.П. (1999). *Кочевые народы степей и Киевская Русь*. Киев: Абрис.
- Томілович, Л. (1999). Пороська земля перед та післямонгольської навали. *Історія в школі*. № 8–9.
- Урбан, В.В. (2001). *Кочевники Восточной Европы*. Донецк: Изд-во ДонНУ.

References

- Berezhinsky, V.G. (2000). *Wars of Kievan Rus with torques*. Kiev: Research Center of the State Enterprise of the Armed Forces of Ukraine. (in Russian).
- Valyansky, S.I.&D.V. Kalyuzhny (2001). *Another history of Russia. From Europe to Mongolia*. M.: Veche. (in Russian).
- Vasilievsky, V.G. (1872). Byzantium and Pechenegs (1048–1094). *Journal of the Ministry of Public Education*, Part 164.SPb: Type. Imp. Acad. Science. (in Russian).
- Golubovsky, P.V. (1884). *Pechenegs, Torks and Polovtsians before the invasion of the Tatars. History of the South Russian steppes in the 9th-13th centuries*. Kiev: University printing house of I.I. Zavadsky. (in Russian).
- Gumilev, L.N. (2002). *Black Legend: Friends and Foes of the Great Steppe*. M.: Iris-press. (in Russian).
- Inkov, A.A. (2014). Polovtsian raids on Russia in the second half of the 11th century. *Scientific works of the Moscow University for the Humanities*. No. 2. M.: Publishing house of the Moscow University for the Humanities. (in Russian).
- Ishchenko, A.S. (2016). Vladimir Monomakh through the eyes of contemporaries and descendants: the formation and evolution of a mythological image. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky*. No. 5. Nizhny Novgorod: Publishing House of the Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky. (in Russian).
- Kargalov, V. (2008). *Russia and nomads*. M.: Veche. (in Russian).
- Kleymenova, O.A. (2016) *Problems of studying and assessing the relationship between Ancient Rus and nomads*. Collection of scientific works of the departments of humanitarian disciplines. Issue 17. Ryazan: RIO RyazGMU. (in Russian).
- Kotlyar, M.F. (1998). For some reason, fragmentation has come in Russia (XII–XIII centuries). *Historical zoshiti*. Kiev: Institute of History of Ukraine of the National Academy of Sciences of Ukraine. (in Ukrainian).
- Latyshev, V.V., Malitsky, I.V. The composition of Konstantin Porphyrogenitus “On the government” (1934). News of Byzantine writers about the Northern Black Sea region (first edition). *Bulletin of the State Academy of the History of Material Culture*, 91. (in Russian).
- Mashanova, L.V. (2002) *Russia and the East: contacts, interactions (IX–XVII centuries)*. M.: GUU. (in Russian).
- Mavrodin, V.V. (2002). *Essays on the history of the Left Bank Ukraine (from ancient times to the second half of the XIV century)*. SPb.: Science. (in Russian).
- Mavrodin, R.M. (1983). *Kievan Rus and nomads (Pechenegs, Torks, Polovtsians): a historiographical sketch*. M.–L.: Science. (in Russian).
- Motsya, A.P. (1997). *Nomads of the Black Sea region at the turn of the millennium (Hungarians, Pechenegs, Torks)*. Nikolaev: Possibilities of Cimmeria. (in Russian).
- Murgulia, M.P., Shusharin, V.P. (1998). *Polovtsy, Georgia, Russia and Hungary in the XII–XIII centuries*. M: Typography RAS. (in Russian).
- Pechenezh wars of the 10th-11th centuries* (1998). Collection. M.: Veche. (in Russian).
- Pilipchuk, Ya.V. (2013). Military art of the Kipchaks. *Turkic nomads of Eurasia (Kimaks, Kipchaks, Polovtsians)*. Issue 2. Kazan: Ikhlas, Sh. Mardzhani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. (in Russian).
- Pletnev, S.A. (1990). *Polovtsi*. M.: Science. (in Russian).

Rasovsky, D. (2002) *Pechenegs, Torks and Berendei in Russia and Ugria (From the history of Russian culture. Vol. II. Book 1. Kiev and Moscow Russia)*. M.: Languages of Slavic culture. (in Russian).

Tatishchev, V.N. (1962). *Russian History*. Vol. 1. M.-L. : Academy of Sciences of the USSR. (in Russian).

Toynbee, A.D. (2003). *Civilization before the judgment of history*. Collection. M.: Iris-press. (in Russian).

Tolochko, P.P. (1999). *Nomadic peoples of the steppes and Kievan Rus*. Kiev: Outline. (in Russian).

Tomilovich, L. (1999). Piggy land before that pislya Mongolian bulk. *History in schools*. No. 8-9. (in Ukrainian).

Urban, V.V. (2001). *Nomads of Eastern Europe*. Donetsk: Publishing house of DonNU. (in Russian).

УДК 94(470.47)

ОРГАНИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ КАЛМЫЦКИМ НАРОДОМ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВВ.

Константин Николаевич Максимов

доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Калмыцкий научный центр РАН, Элиста, Российская Федерация

E-mail: tsagadam@mail.ru

А н н о т а ц и я

В условиях перехода Российского самодержавия к абсолютизму Калмыцкое ханство в первой четверти XVIII в. вводится в единоуправляемую систему России, постепенно вносятся изменения в его правовой статус. В результате проведенных реформ в первой половине XVIII в. Калмыцкое ханство утратило политический статус автономии и приобрело черты административной автономии, правовой статус его правителя изменился во взаимоотношениях с императором до прямого холопства.

После откочевки значительной части калмыков в провинцию Сынцзян КНР оставшиеся улусы были введены в состав Астраханской губернии на правах уезда и подчинены ее администрации. В результате административно-политических реформ в начале XIX в. Калмыкия была возведена в статус внутренней области с элементами субъекта государства в составе Астраханской губернии во главе с наместником, затем главным приставом, назначаемых императором. Эти реформы соответствовали, как общегосударственным, так и в определенной степени интересам калмыцкого народа.

К л ю ч е в ы е с л о в а

Российская империя, Калмыкия, указы, реформы, административное управление, Астраханская губерния, статус, уезд, внутренняя область, главный пристав.

UDC 94(470.47)

ORGANIZATION OF MANAGEMENT OF THE KALMYK PEOPLE AT THE END XVIII-FIRST QUARTER OF XIX CENTURY

Konstantin N. Maximov

Dr. Sc. (History), Professor, Chief Research Associate

Kalmyk Scientific Center of the RAS, Elista, Russian Federation

E-mail: tsagadam@mail.ru

Annotation

In the context of the transition of the Russian autocracy to absolutism, Kalmyk Khanate was introduced into the unified system of Russia in the first quarter of the 18th century, and changes in its legal status are gradually being made. As a result of the reforms carried out in the first half of the 18th century, Kalmyk Khanate lost its political status of autonomy and acquired the features of administrative autonomy, the legal status of its ruler changed in relations with the emperor to direct servants. After the migration of a large part of the Kalmyks to the province of Xinjiang of China, the remaining ulus were introduced into the Astrakhan province on the rights of the county and subordinated to its administration. As a result of administrative and political reforms in the early 19th century Kalmykia was elevated to the status of an internal region with elements of the subject of the state within the Astrakhan province led by the governor, then the chief usher appointed by the emperor. These reforms corresponded to both the national interests and, to a certain extent, the interests of the Kalmyk people.

Keywords

Russian Empire, Kalmykia, decrees, reforms, administrative management, Astrakhan province, status, county, internal region, chief police-officer

ВВЕДЕНИЕ

Изучение государственных институтов России в их историческом развитии представляется достаточно актуальным, о чем свидетельствуют множество статей, вышедших в последнее время по данной проблематике. Большое внимание исследователи уделяют, в частности, органам власти ее субъектов, их функционированию в современный период. Однако прошлый дореволюционный опыт государственных и правовых институтов Калмыкии (одного из субъектов РФ), является малоизученным. И если он рассматривался, то лишь фрагментарно: при анализе политики царского правительства, административно-территориального деления и социальной структуры Калмыцкой степи, ее политических отношений с сопредельными народами. Между тем полноценное исследование опыта национально-государственного строительства Калмыкии в дооктябрьский период может иметь, на наш взгляд, практическое значение для выявления основных тенденций развития и перспектив федеративных отношений в современной России, взаимодействия федеральных и региональных органов государственной власти.

Предметом исследования в данной статье является система органов государственной власти и управления Калмыкии в составе России в XVIII-XIX вв. Главная цель – проанализировать процесс образования и развития административных, местных управленческих структур, судебной власти Калмыкии. Их создание и становление, безусловно, во многом зависело от политической воли и административных шагов российского правительства, способности калмыцких предводителей воспринять и реализовать в своих улусах новые управленческие новации, предложенные царской властью. Поэтому в статье особое внимание уделяется изучению структуры, механизмов административного управления Калмыкией со стороны российской администрации. Следовательно, основной задачей статьи является воссоздание системы управления калмыцким народом в XVIII-XIX вв., основываясь на прочном фундаменте конкретных фактов из истории степного региона. Как нам представляется, специальное изучение институтов управления Калмыкией позволяет проследить, каким образом происходил процесс реформации и интеграции местных властных институтов в общероссийскую систему управления, рассмотреть в целом государственную политику Российской империи по отношению к калмыкам в дооктябрьский период.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Основной источниковой базой статьи явились материалы нормативного, правового характера, опубликованные в документальных сборниках, и новые архивные источники. Документы правового и общего характера отражают политику царской администрации, направленную на поэтапное реформирование системы управления калмыцким народом, введение калмыков в единоуправляемую систему власти и общее экономическое пространство Российской империи, привлечение этноса к военному сотрудничеству. Эти документы позволяют выявить правовой статус Калмыкии в составе Российской империи, который в конце XIX в. значительно

снизились, и местные органы управления стали полностью подчиняться центральной власти. Кроме того, в выявленных нами архивных документах имеются ценные сведения об истории калмыков в России, о причинах миграции в 1771 г. части калмыцкого народа в Джунгарию, экономическом, культурном и хозяйственном развитии степного региона.

При исследовании темы были использованы историко-системные методы, а также методы познания, опирающиеся на принципы историзма, объективности и всестороннего подхода. Методы источниковедческого и компаративного анализа широко применялись при использовании исторических источников официального и личного происхождения.

ОБСУЖДЕНИЕ

Калмыки (ойраты), как известно, появились на территории России в конце XVI в. Исторические документы свидетельствуют о наличии собственных интересов, как со стороны российских властей, так и со стороны владельцев калмыцких улусов, в вопросах установления и налаживания торгово-экономических отношений, межгосударственного и военного сотрудничества. Царская администрация напрямую и через своих представителей на местах хотела привлечь калмыков к военному партнерству с целью обезопасить свои южные границы, добиться принятия ими российского подданства, постепенно включая «пришельцев с Востока» под общеимперскую юрисдикцию, в общую систему российского государства. Калмыцкие предводители были согласны на установление политических отношений с российским правительством на принципах сюзеренитета-вассалитета, были готовы признать верховное право российского царя по отношению к ним с целью получения права на беспрепятственное пользование кочевыми угодьями, находившимися под российским протекторатом, свободную торговлю на местных рынках, обеспечение гарантированной защиты со стороны России от посягательств на этнос недружественных народов и племен. И той и другой стороне удалось в определенной степени добиться поставленных задач и желанных целей. Не углубляясь в историю вопроса, скажем, что Калмыкия, войдя в состав Российского государства, была «конституирована» как этнополитическое образование в форме феодального ханства в статусе фактически политической автономии. Калмыки сохранили на территории своих кочевий местное национальное устройство, собственную систему власти и управления, организованные применительно к кочевому образу жизни и соответствовавшие уровню экономического и культурного развития народа. Государственные органы России до определенного времени старались не вмешиваться во внутренние дела калмыков. Эту характерную особенность взаимоотношений царской власти с калмыцким народом отметил еще российский исследователь Ф. Бюлер: «правительство почти не входило в их внутреннее управление, которое предоставлялось то хану, то наместнику ханства, словом – их народному начальнику, и с ним уже вело переговоры-сношения скорее дипломатические, чем властелинские» (Бюлер, 1846: 14). Такое положение вещей сохранялось практически до середины 20-х гг. XVIII в., когда после смерти хана Аюки пришедший ему на смену новоиспеченный хан стал считаться наместником

российского царя, что свидетельствовало о целенаправленном и решительном стремлении российских властей включить калмыков в общероссийскую систему управления. Данный процесс особенно усилился после ухода значительной части калмыков в Джунгарию в 1771 г. и ликвидации Калмыцкого ханства, что ознаменовалось для оставшейся части населения кочевого народа потерей элементов политической автономии. Об изменившемся статусе и характере пребывания калмыков в составе Российского государства после ликвидации Калмыцкого ханства писали многие дореволюционные исследователи. Так, М. Новолетов характеризовал его как «полное подчинение пришельцев (калмыков) государственному строю» (1884). Об этом же писал уже цитированный нами выше Ф. Бюлер: «Весь период от прихода калмыков в Россию до этого события (ухода калмыков в 1771 г. – К.М.) резко отличается от времен последующих характером отношений этого народа к русскому правительству» (Бюлер, 1846). Если говорить в целом об изучении рассматриваемой нами проблемы, дореволюционные отечественные исследователи практически не касались вопросов интеграции Калмыкии в общественно-экономическую систему и в общую единоуправляемую властную структуру Российской империи. Их несомненная заслуга заключается в том, что они внесли существенный вклад в процесс накопления и сохранения исторического материала о социально-экономическом, культурном развитии Калмыкии в послеяюковский период.

В советский и современный периоды наблюдается усиление внимания исследователей к изучению вопросов включения калмыков в общую систему государственного управления Российской империи в XVIII-XIX вв. Так, Л.С. Бурчинова подробно исследовала и охарактеризовала сложившуюся попечительскую систему управления калмыками (1985). Отдельных вопросов, проблем, сюжетов деятельности системы управления калмыцким народом, истории взаимоотношений местных властных структур с центральными и губернскими органами власти в рассматриваемый период касались в своих работах калмыцкие историки (У.Э. Эрдниева, А.И. Карагодин, Ю.О. Оглаев, А.Н. Команджаев, И.В. Лиджиева, Л.В. Оконова, М.С. Горяев, В.Т. Тепкеев, В.В. Батыров, О.Н. Абеева и др.). Тем не менее, исследуемая в статье проблематика, на наш взгляд, еще недостаточно изучена и требует дальнейшего углубленного исследования, что, безусловно, поможет выявить особенности и закономерности генезиса Калмыкии в составе России.

РЕЗУЛЬТАТЫ

С изменением в начале XVIII в. правового статуса Калмыцкого ханства и его правителя, характер взаимоотношений которого не только с центральной властью, но и с военным командованием стал трансформироваться: на смену принципов военно-политического союза, сюзеренитета-вассалитета пришел принцип прямого холопства. В сложившейся к середине XVIII в. административно-политической обстановке и в условиях ухудшения территориального и экономического положения Калмыцкого ханства в составе единого государства основная часть национальной элиты во главе с наместником ханства Убаши приняла окончательное решение покинуть границы России. После того как в 1771 г. значительная часть калмыцкого населения двинулась «в пределы прежнего Отечества» и достигла Джунгарии

(провинции Китая), императрица России Екатерина II указом от 19 октября того же года как свершившийся факт узаконила ликвидацию Калмыцкого ханства и его учреждений, высших должностных званий. Оставшиеся калмыцкие улусы были введены в состав Астраханской губернии на правах уездов во главе со своими владельцами (нойонами), по своему статусу фактически приравненными к дворянскому сословию. Административное управление улусами стали осуществлять приставы, назначаемые губернатором. Общее управление калмыцкими делами возлагалось на специальную структурную часть канцелярии астраханского губернатора – экспедицию калмыцких дел (исполнительная власть), при которой был учрежден судебный орган (судебная власть) – Зарго (сословный суд по типу верхнего земского суда) в составе трех зайсангов. Управление калмыцким народом строилось по типу абсолютной модели и осуществлялось единым структурным подразделением с исполнительными и судебными функциями под надзором государственного органа. Зарго осуществлял в целом судопроизводство в соответствии с нормами «Великого Уложения» 1640 г., законами Дондук-Даши 1758 г. и древними калмыцкими обычаями, тогда как судопроизводство по уголовным делам между калмыками и населением соседних регионов велось судебным органом на основании уголовного права России.

Царская администрация после завершения русско-турецкой войны (1768–1774 гг.) и подавления крестьянского восстания под предводительством Е.И. Пугачева провела повсеместную реформу местного управления и суда в России. В соответствии с манифестом Екатерины II «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи», обнародованным 7 ноября 1775 г., были разукрупнены губернии. Эту территориальную единицу возглавлял назначаемый императрицей губернатор, наделенный административными и полицейскими полномочиями, а общее управление осуществлялось с помощью коллегиального органа – губернского правления. По императорскому манифесту, на основе двух и более губерний создавалось наместничество во главе с наместником (генерал-губернатором). Наместник был главой местной администрации, он осуществлял надзор за аппаратом управления и суда, а исполнительным органом являлось наместническое правление.

В мае 1785 г. в соответствии с принципами царской реформы было образовано Кавказское наместничество, в состав которого вошли Кавказская и Астраханская губернии вместе с территорией калмыков, кочевавших на левобережной стороне Волги, получившей неофициальное название «Калмыкия». Для управления делами Калмыкии в 1786 г. распоряжением исполнявшего обязанности наместника П.С. Потемкина, астраханского военного губернатора, была учреждена Калмыцкая войсковая канцелярия, в функции которой входили административно-полицейские, финансово-хозяйственные вопросы и организация военной службы в соответствии с новым законом (1784 г.) о всеобщей воинской повинности. В том же году в Калмыкии в рамках объявленной судебной реформы в Российском государстве был упразднен Зарго и его функции переданы астраханским уездным судам, являвшимся сословными (дворянскими) судами первой инстанции. Калмыцкая войсковая канцелярия в 1788 г. в связи с изъятием у нее полномочий по организации военной службы, а также откочевкой дербетовцев (4881 кибитка) на Дон была преобразована в Калмыцкую канцелярию и подчинена астраханскому губернскому правлению (Пальмов, 2007).

С упразднением в 1796 г. Кавказского наместничества Астраханская губерния, в состав которой вошла территория Кавказа, выделялась в самостоятельную административно-территориальную единицу со своим административным управлением. В астраханской губернской администрации в 1797 г. вместо Калмыцкой канцелярии было образовано Калмыцкое правление, аналогичное структурным подразделениям по управлению кавказским населением губернии.

После разделения дербетовцев на рубеже XVIII и XIX вв. на две части – Больших Дербетов (в 1793 г. 4881 кибитка под управлением Екрема Хапчукова, родственника владельца дербетовцев Ценден-Дорджи; в 1800 г. всего 609 кибиток – владелец Габун-Шарап, младший брат Екрема Хапчукова) и Малых Дербетов (в 1793 г. 687 кибиток под управлением Бабула, сына владельца дербетовцев Ценден-Дорджи; в 1800 г. 3302 кибитки – владелец Чучей Тундутов, сын Тундута, брата Ценден-Дорджи) – император Павел I высказывал намерение определить их статус в качестве самостоятельных административно-территориальных единиц в соответствии с принципами децентрализации по «Учреждению». Однако после встречи с представителями дербетовцев во главе с Чучеем Тундутовым, правителем Малодербетовского улуса, и Сойбинг-бакшой российский император, придавая большое значение организации по территориальному принципу централизованного управления малочисленным калмыцким народом во главе с административным чиновником – наместником, назначаемым императором, принял решение создать административно-территориальную единицу в статусе областного самоуправления во главе с наместником и учредить при нем коллегиальный орган управления с исполнительными и судебными функциями – Совет при наместнике (Зарго) в составе 8 человек (светских и духовных лиц) и представителя российской центральной власти с правом решающего голоса в органе управления. Был издан нормативный документ от 14 октября 1800 г. – Всемилоостивейшая грамота императора Павла I «О восстановлении на прежнем основании Совета, именуемого Зарго, для судебного разбирательства калмыков». В тот же день Павел I подписал еще Жалованную грамоту «О свободном отправлении всех духовных обрядов калмыков». Главой калмыцкого духовенства – ламой – был утвержден Сойбинг-бакша, основной обязанностью которого являлось “по духовным обстоятельствам соблюдать и держать в должном Нам, Великому государю, верном и усердном подданстве...” (ПСЗ РИ I, т. 26. № 19599: 340; № 19600: 341).

Наместник в Калмыкии, назначаемый из представителей местной знати с соблюдением норм наследственного права на владение и управление улусом, наделялся знаком символической административной власти – знаменем. В данном случае недопустимо смешивать, на наш взгляд, понятия “наследственное право на владение” и “династическое наследственное право». Дело в том, что назначенный Павлом I 14 октября 1800 г. наместником калмыцкого народа Чучей Тундутов представлял родословную нойонов Малодербетовского улуса, т. е. являлся наследственным владельцем улуса и не имел никаких династических связей с правителями Калмыцкого ханства (Митиров, 1998). Потому он, как наследственный владелец улуса, завещал своему сыну Эрдени-тайши Тундутову в наследство “Малой и Большой Дербет”, а не управление всем калмыцким народом и всеми улусами.

Павел I, определив территориальные границы Калмыкии, сформировал систему управления административно-территориальной единицей – внутренней областью в статусе особой губернии по «Учреждению для управления губерний Всероссийской империи». Он учредил в ней высшую административную должность (наместник), создал коллегиальный и судебный органы, назначил высшее духовное лицо на правах государственного чиновника. Однако введение должностного звания “наместник” не означало полное восстановление государственности калмыков. Историк М. Гиляшаева, восприняв учреждение должностного звания “наместник”, являвшегося только временным кандидатом на высшую должность – хана (в прежнем его значении периода Калмыцкого ханства), а также не разобравшись в сути областного самоуправления, введенного Павлом I в соответствии с губернской реформой, ошибочно полагает, что была восстановлена национальная государственность калмыцкого народа (Гиляшаева, 2006). Исследователь в вопросе реформы управления начала XIX в. фактически повторила ошибочное мнение, высказанное в первой части научного издания «Очерки истории Калмыцкой АССР» (Очерки, 1967). Тем более в последующие годы статус Калмыкии законодательно был приравнен к внутренней области в составе Астраханской губернии во главе с Главным приставом. Институт приставов в России, как известно, был введен в 1782 г. в соответствии с губернской реформой. Должность Главного пристава “при всем калмыцком народе” с помощниками (частными приставами по улусам) была введена Александром I именными указами от 26 октября 1801 г. «Об утверждении прав и преимуществ, калмыцкому народу, присвоенных» и «О восстановлении всех сношений по делам сего народа в прежнем их порядке, правам ему данным сообразном и от ентешних начальств, кроме от Коллегии, независимом». Она была учреждена в Коллегии иностранных дел и при астраханском военном губернаторе. Ее учреждение существенно ограничило правовой статус Калмыкии. В принятых указах императора в системе исполнительных органов Калмыкии должность наместника не предусматривалась, хотя Чучей Тундутов (умер в 1803 г.) в это время еще числился наместником. Главный пристав, наделенный высоким рангом государственного чиновника, являлся представителем центральной власти – Коллегии иностранных дел (в это время в России функционировали только три коллегии, в том числе иностранных дел. – К.М.), высшим должностным лицом в администрации управления Калмыкии.

26 октября 1803 г. Александр I в условиях активно проводимого общегосударственного курса на укрепление самодержавия с целью усиления надзора за местными властями, а также оптимизации управления издал именной указ «О подчинении Главного пристава при калмыцком народе и Суда их Зарго астраханскому военному губернатору». В указе отмечалось: “... чтобы Главный пристав, при них находящийся, и Суд их, именуемый Зарго, оставаясь по-прежнему в ведомстве Государственной Коллегии иностранных дел, были подчинены, по близости их кочевья, астраханскому военному губернатору”. Данный указ не предусматривал в системе органов управления должности наместника в Калмыкии, тем самым фактически окончательно упраздняя эту должность. Указ принципиально изменил и статус улусовладельцев. Они, пройдя утверждение императором в этом качестве, превращались в государственных чиновников уездного звена.

Постепенно стала падать и роль Зарго в административном управлении: сохранялись лишь его ограниченные функции по гражданским делам как судебного органа. Крупные гражданские дела, а также уголовные дела, в соответствии с российским законодательством, решались в уездных, верхних земских судах, в астраханской губернской судебной палате.

В начале XIX в. царская администрация в целях организованного территориального размещения кочевых народов и удобства управления ими приступила к упорядочению их землеустройства, в том числе и калмыков. В соответствии с «Положением об отводе земель калмыкам и другим народам, кочующим в губерниях Астраханской, Кавказской и Саратовской», утвержденным 19 мая 1806 г. Александром I, был принят императорский именной указ «О назначении земель калмыкам и другим кочующим народам в губерниях Астраханской и Кавказской» (ПСЗ РИ I, Т. 29. № 22135). В приложенной к нему генеральной карте четко были обозначены территория и границы кочевий калмыков. Большедербетовскому улусу выделялись земли за Манычем, по Калаусу, до самого Большого Егорлыка. В указе регламентировался порядок проведения сезонных кочевий, определялись места для прогона калмыцкого скота к водопою, к Волге. В соответствии с данным законом калмыкам была отведена территория поселка Калмыцкий Базар, впоследствии практически ставшего административным центром Калмыкии.

Поиски путей совершенствования управления, определения правового положения и места Калмыкии в российском государстве, форм и механизмов взаимоотношения Калмыкии с центральными и соседними губернскими властями затянулись еще почти на два десятилетия. Затяжка по времени произошла в основном по причинам общего характера: на рубеже XVIII и XIX вв. абсолютная монархия в России стремилась приспособить все звенья (центральные и местные) государственного аппарата к происходившим изменениям в общественно-экономическом строе страны. В комплекс принимаемых царской администрацией мер входила и проводившаяся в 1820-х гг. реформа всех звеньев управления инородцами, в том числе и калмыками.

Центральные власти, завершив в 1822 г. реформу управления в Сибири, с 1825 г. приступили к дальнейшему реформированию системы управления в Калмыкии. Согласно «Правилам для управления калмыцкого народа», утвержденным высочайшим указом Александра I от 10 марта 1825 г., Калмыкия была возведена в статус субъекта России, но приравненного к внутренней области (административно-территориальная единица введена в 1822 г. – К.М.) в составе Астраханской губернии. В административном отношении Калмыцкая область была подчинена Министерству внутренних дел России. Высшим должностным лицом Калмыцкой области являлся Главный пристав, назначаемый МВД по представлению Главноуправляющего Кавказским краем. Главный пристав Калмыкии по вертикали подчинялся МВД, по горизонтали – Главноуправляющему Кавказским краем (по вопросам обеспечения общественного порядка, военным делам, соблюдению и исполнению законов) и астраханскому губернатору (по гражданским делам).

В соответствии с Правилами 1825 г. областным исполнительно-распорядительным органом, имевшим и полномочия суда высшей инстанции по гражданским делам, являлась Комиссия калмыцких дел, возглавляемая астраханским губернатором.

В состав Комиссии входили вице-губернатор, Главный пристав, губернский прокурор Астраханской губернии, а также по одному представителю от владельцев улусов и калмыцкого дворянства, которые делегировались выборным путем.

Правила 1825 г., разделив суды на гражданский и духовный, функции окружного судебного органа по гражданским делам возложили на Суд Зарго – общесословный судебный орган (по характеру полномочий). Он формировался в количестве 8 членов (два от духовенства, шесть от владельцев и зайсангов – по числу улусов), которые избирались в улусах сроком на три года и утверждались в должности члена суда Комиссией калмыцких дел. Зарго выступал по отношению к нижестоящим судам (улусным) высшей апелляционной инстанцией. Дела по уголовным преступлениям, виды которых были определены Правилами 1825 г., подлежали рассмотрению в соответствующих губернских судах на основе российских законов.

В соответствии с Правилами 1825 г. в улусах создавались административные (улусные управления) и судебные органы. В состав Улусного управления в обязательном порядке входил частный пристав. Во владельческом улусе Управление возглавлял владелец, в казенном – правитель. Ведению улусного суда подлежали дела, сумма иска которых не превышала 200 руб., а также по проступкам, преступлениям, воровству, тяжёлые дела по мелким вопросам и т. д. (ПСЗ РИ I, Т. 40. № 30290).

В Правилах 1825 г. было упущено низовое звено управления Калмыкии – аймачное, где наиболее ярко представлен спектр общественных отношений. От участия в управлении внутренними делами степного края были отстранены простолюдины, так как они не рассматривались в качестве субъекта права. В Правилах должное отражение также не получили социальная структура и правовой статус калмыцкого общества.

Все же главная цель реформы 20-х гг. XIX в. – “введение калмыков постепенным образом в состав гражданского управления” страны – была достигнута. Калмыкия вписалась в единую систему административно-территориального устройства страны в статусе внутренней области Астраханской губернии. Правила 1825 г., учитывая национальные особенности коренного населения степного региона и единую цель российской реформы (централизация управления), определили правовое положение Калмыкии как относительно самостоятельного субъекта с системой организации управления, областных и местных учреждений, компетенция и полномочия которых были производны не только от центральных органов власти, но и от губернских (гражданских), Кавказской области (военных). Подчинив Калмыцкую область МВД и крупному территориальному военному ведомству (Главноуправляющему Кавказским краем), царская администрация фактически ввела в ней военно-административную форму правления. Отметим также, что Правила 1825 г., заложив наряду с обычно действовавшим законодательством основы новой правовой системы (административного, гражданского, уголовного, процессуального) Калмыкии, установили систему судебных органов, которые, располагая ограниченными полномочиями, некоторыми национальными традиционными особенностями при судопроизводстве, вписывались в российское единое законодательное, судебное пространство.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, Калмыкия после откочевки значительной части населения в Джунгарию впервые подверглась крупной административной реформе. В результате система управления региона была введена в общегосударственное правовое поле, единую систему территориального и административного управления, отвечающие как общегосударственным интересам, так и в определенной степени интересам калмыцкого народа. Царская администрация, завершив первый этап управленческой реформы, в последующем поставила очередную задачу. Высочайшим указом Александра I от 9 марта 1825 г. Комиссии калмыцких дел предписывалось проанализировать действующее калмыцкое законодательство и совместно с владельцами улусов, представителями духовенства выработать новые законоположения, которые соответствовали бы реальному положению Калмыкии, историческому времени, российским законам. Основная цель указа состояла в том, чтобы ввести местное (национальное) законодательство в единое правовое пространство страны. Комиссии предстояло провести подготовительную работу по введению калмыцкого населения в общие российские сословия. Для этого намечалось составить родословные книги нойонов, владельцев, зайсангов, духовенства, провести перепись кибиток по улусам. Для проведения очередного этапа реформ необходимо было выяснить социальный уровень развития калмыцкого общества, общественно-политическую обстановку в Калмыкии. Перед Комиссией ставилась важная социально и политически значимая проблема – изучить вопросы взаимоотношений владельцев, зайсангов, простолюдинов с духовенством и уровень влияния духовенства на них, а также степень зависимости простолюдинов от своих владельцев и их взаимоотношения. На следующем этапе реформирования предстояло определить правовой статус Калмыкии, осуществить дальнейшую интеграцию региона в общероссийскую политическую, социальную и правовую систему.

Литература

Бурчинова, Л.С. (1985). Калмыкия в системе государственного управления России. *Добровольное вхождение калмыцкого народа в состав России: исторические корни и значение*. Элиста: КГУ, 48-56.

Бюлер, Ф.А. (1846). Иностранцы Астраханской губернии. *Отечественные записки*. Отд. 2. Т. 47-49.

Гиляшаева, М.Н. (2006). К истории восстановления национальной государственности калмыцкого народа. *Восстановление национальной государственности репрессированных народов России и перспективы их развития на современном этапе*. Материалы Российской научно-практической конференции (12–13 января 2007 г.). Элиста: КГУ, 95–98.

Митиров, А.Г. (1998). *Ойраты – калмыки: века и поколения*. Элиста: Калмыцкое книжное издательство.

Новолетов, М. (1884). *Калмыки*. Исторический очерк. СПб.: Тип. В. Демакова.

Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. (1967). М.: Наука.

Пальмов, Н.Н. (2007). *Материалы по истории калмыцкого народа за период пребывания в пределах России*. Элиста: Калмыцкое книжное издательство.

Полное собрание законов Российской империи: [Собрание 1-е. С 1649 по 12 дек. 1825 г.] (1830). СПб.: типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии.

ПСЗ РИ I. (1800-1801). Т. 26. № 19599; № 19600.

ПСЗ РИ I. (1806-1807). Т. 29. № 22135.

ПСЗ РИ I. (1825). Т. 40. № 30290.

References

A complete set of laws of the Russian Empire (PSZ of the Russian Empire), Vol. 26, no. 19599; no. 19600. (in Russian).

Buhler, F.A. (1846). Foreigners of the Astrakhan province. *Domestic notes*. 2, 47-49. (in Russian).

Burchinova, L.S. (1985). Kalmykia in the system of public administration of Russia. *Voluntary entry of the Kalmyk people into Russia: historical roots and significance*. Elista, 48–56. (in Russian).

Essays on the history of the Kalmyk ASSR. The pre-October period (1967). M. (in Russian).

Gilyashaeva, M.N. (2006). On the history of the restoration of the national statehood of the Kalmyk people. *Restoration of the national statehood of the repressed peoples of Russia and the prospects for their development at the present stage*. Materials of the Russian scientific-practical conference (January 12–13, 2007). Elista, 95–98. (in Russian).

Mitirov, A.G. (1998). *Oirats-Kalmyks: centuries and generations*. Elista. (in Russian).

Novoletov, M. (1884). *Kalmyks. Historical background*. SPb. (in Russian).

Palmov, N.N. (2007). *Materials on the history of the Kalmyk people during their stay within Russia*. Elista. (in Russian).

PSZ RI I (1800-1801). Vol. 26. No. 19599; No. 19600. (in Russian).

PSZ RI I (1806-1807). Vol. 29. No. 22135. (in Russian).

PSZ RI I (1825). Vol. 40. No. 30290. (in Russian).

УДК 94(470.47)

СТАЦИОНАРНЫЕ ПОСТРОЙКИ НА ТЕРРИТОРИИ КОЧЕВЫХ ИНОРОДЦЕВ: СТРОИТЕЛЬСТВО СТАВОК ПРИСТАВОВ (ПОПЕЧИТЕЛЕЙ)

Ирина Владимировна Лиджиева

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
ФГБУН Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской
академии наук, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
E-mail: irina-lg@yandex.ru

Ирина Нимаевна Содномова

аспирант
Департамент истории Гейдельбергского университета им. Рупрехта и Карла,
Гейдельберг, Германия.
E-mail: irina.sodnomova@gmail.com

А н н о т а ц и я

Актуальность исследования продиктована возросшим интересом к региональной истории и роли чиновничества в процессе интеграции национальных окраин в общеимперское пространство. Целью данной статьи является изучение процесса устройства стационарных построек для чиновников Управления, представлявших имперскую власть на территории кочевых инородцев Ставропольской губернии во второй половине XIX в. На основе анализа документальных материалов из фондов Национального архива Республики Калмыкия и Государственного архива Ставропольского края, путем использования методов статистического анализа и исторической реконструкции, рассмотрены законодательное регулирование условий пребывания приставов и попечителей на вверенной им территории, а также процесс устройства стационарных построек для чиновников Управления, представлявших имперскую власть на территории кочевых инородцев Ставропольской губернии и их значение в жизнедеятельности кочевого населения второй половины XIX в. Автор особое внимание уделяет аспекту финансирования строительства стационарных построек, в результате анализа приходит к выводу о том, что на строительство этих общественных зданий из средств общественных капиталов затрачивались большие суммы, тяжким бременем ложившиеся на инородческое население. Используя свое должностное положение, чиновники инородческих управлений намеренно завышали суммы на строительные работы и содержание ставок, между тем эти средства согласно имперскому законодательству, прежде всего, должны были быть направляемы на улучшение качества жизни кочевников и приобщение их к оседлому

образу жизни. Несмотря на отдельные негативные моменты, ставки представляли собой сосредоточие социально-экономической и культурной жизни степи, где появлялись оседлые поселения не только переселенцев, но и представителей автохтонного населения.

Ключевые слова

Ставропольская губерния, Главный пристав, частный пристав, попечитель улуса, кочевые инородцы, инородческое управление, ставка пристава (попечителя), стационарные постройки, чиновники, приговор схода.

UDC 94(470.47)

STATIONARY BUILDINGS ON THE TERRITORY OF NOMADIC FOREIGNERS: CONSTRUCTION OF BAILIFFS (TRUSTEES)

Irina Vladimirovna Lidzhieva

Dr. Sc. (History), leading researcher

Federal Research Centre The Southern Scientific Centre

of the Russian Academy of Sciences (SSC RAS), Rostov-on-Don, Russian Federation

E-mail: irina-lg@yandex.ru

Irina Nimaevna Sodnomova

PhD student

Department of History, Heidelberg University Ruprecht and Karl, Heidelberg, Germany.

E-mail: irina.sodnomova@gmail.com

Annotation

The relevance of the study is dictated by the increased interest in regional history and the role of bureaucracy in the process of integrating national suburbs into the general imperial space. The purpose of this article is to study the process of construction of stationary buildings for Government officials who represented the imperial power on the territory of nomadic foreigners of the Stavropol province in the second half of the XIX century. On the basis of the analysis of documentary materials from the funds of the National Archive of the Republic of Kalmykia and the State Archive of the Stavropol Territory, by using methods of statistical analysis and historical reconstruction, the legislative regulation of the conditions of stay of bailiffs and trustees in the territory entrusted to them, as well as the process of construction of stationary buildings for Government officials who represented the imperial power in the territory of nomadic foreigners of the Stavropol province and their significance in the life of the nomadic population of the second half of the XIX century are considered. The author pays special attention to the aspect of financing the construction of stationary buildings, as a result, comes to the conclusion that large sums were spent on the construction of these public buildings, from the funds of public capital, which placed a heavy burden on the foreign population. Using their official position, the officials of the foreign departments deliberately inflated the amounts for construction work and the maintenance of the rates, while these funds, according to imperial law, were primarily intended to be directed to improving the quality of life of nomads and introducing them to a sedentary lifestyle. Despite some negative aspects, the rates represented the concentration of socio-economic and cultural life of the steppe, where settled settlements appeared, not only immigrants, but also representatives of the autochthonous population.

Keywords

Stavropol province, Chief bailiff, private bailiff, Trustee of the ulus, nomadic foreigners, foreign management, the rate of the bailiff (Trustee), stationary buildings, officials, the verdict of the gathering.

ВВЕДЕНИЕ

Население Ставропольской губернии представляло собой полиэтничное общество, где кочевали калмыки, ногайские и туркменские племена, численность которых по данным И. В. Бентковского доходила до 90 000 разных кочующих народов (Бентковский, 1897: 1). Магометанское население губернии делилось на 8 народов: ачикулак-джембулуковский, калаусо-саблинский, караногайский, трухменский, едишкульский, калаусо-джембулуковский, бештово-кумский, едисанский (Административно-территориальное, 2008: 253). Географическое положение данного региона и его природно-климатические особенности привлекали народы, ведущие кочевой образ жизни, которые с 1822 г. в российских законодательных актах стали называться «внутренними инородцами». Согласно отчету агронома Кузьмина, командированного в 1879 г. Главным Управлением Наместника Кавказского для изучения в хозяйственно-экономическом аспекте территории кочевания ставропольских инородцев, общая площадь, включавшая Большедербетовский улус, Трухменское, Ачикулакское и Караногайское приставства, составляла 2 597 274 дес., из которой 67% занималась непосредственно кочевниками, остальная территория населялась оседлыми поселенцами (Ставропольские, 1879). На этих обширных степных пространствах практически отсутствовали стационарные постройки, что было обусловлено кочевым способом хозяйствования автохтонного населения. Целью данной статьи является реконструкция на основе анализа документальных материалов из фондов Национального архива Республики Калмыкия и Государственного архива Ставропольского края процесса устройства стационарных построек для чиновников Управления, представлявших имперскую власть на территории кочевых инородцев Ставропольской губернии во второй половине XIX в.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Основным источником в ходе исследования послужили документальные материалы из фондов Государственного архива Ставропольского края и Национального архива Республики Калмыкия. Кроме того были использованы нормативные правовые акты, а также работы современных авторов.

Методологической основой исследования являются принципы историзма и объективизма. В качестве методов исследования использованы: статистический, позволивший провести анализ законодательства, регламентирующего условия пребывания приставов и попечителей, а также реконструктивный, позволяющий восстановить отдельные факты и механизм принятия решения о строительстве ставки.

ОБСУЖДЕНИЕ

Специальных исследований, посвященных проблеме появления стационарных построек в Калмыцкой степи в исследуемый период, к сожалению, нет. Между тем отдельные фрагменты, описывающие ставку пристава (попечителя) с точки зрения архитектуры, а также управленческий центр, содержатся в монографических трудах современных исследователей (Пюрвеев, 1975; Курбанов, 1995).

РЕЗУЛЬТАТЫ

Законодательное оформление правового статуса кочевников, а также регламентация органов власти, путем принятия ряда нормативных правовых актов произошли в первой половине XIX столетия. Управление ногайцами, трухменами и киргизами определялось Уставом для управления ногайцев и других магометан, кочующих в Кавказской области, высочайше утвержденного 6 февраля 1827 г. (Высочайше, 1830б: 145–155). Система управления калмыцким народом на протяжении века не раз подвергалась изменениям, в соответствии с которыми институт приставства, установленный Правилами для управления калмыцким народом 1825 г., (Высочайше, 1830а: 155–161) сменился институтом попечительства, введенный Положением об управлении калмыцким народом 1835 г. (Положение, 1836: 18–40) и скорректированный одноименным Положением 1847 г. (Положение, 1848: 349–372)]. Согласно последнему нормативному правовому акту калмыки находились в административном подчинении Астраханской губернии и Кавказской области.

Законодателем в нормативных актах, кроме Положения об управлении калмыцким народом 1847 г., не предусмотрена детализация правовой нормы, устанавливающая условия пребывания приставов (попечителей) на территории кочевых инородцев. Например, в § 50 главы IV «Обязанности частных приставов» «Устава» отмечается, что Частный пристав не имеет постоянного жительства, но обязан находиться в кочевьях своего ведомства там, где требует надобность присутствия его, или предписано от Начальства (Высочайше, 1830б: 151). Между тем в отчетах Главного пристава кочующих народов Ставропольской губернии имеет место раздел, содержащий сведения о поездках приставов в магометанские приставства, скажем, как командированных лиц. Например, в рапорте Главного пристава ставропольскому губернатору от 28 июня 1873 г. в сопровождении «Отчета по обзору местных управлений магометанскими народами» отмечается, что документ составлен по результатам двукратных поездок в каждое из трех приставств, на протяжении первой половины 1873 года (ГА СК. Ф. 101. Оп. 4. Д. 387. Л. 3–36).

Более конкретизирована рассматриваемая проблема в «Положении» 1847 г., где в разделе III «Наказ об обязанностях по управлению калмыцким народом» главы II «Об обязанностях по устройству управления» § 196 отмечено: «Главный Попечитель имеет попечение об устройстве и приличных помещениях для управления в улусах, мочагах и на Калмыцком базаре, а также казачьих команд и тюрем. Для сего по улусам владельческим Главный Попечитель требует предварительно мнения от владельцев или опекунов и соглашает их в средствах постройки, а по казенным улусам соображает способы постройки на счет общественного капитала, по составленным на постройку нормальным планам, фасадам и сметы представляет Министру Государственных Имуществ на утверждение» (Высочайше, 1848: 365).

Действительно, на обширных степных пространствах, в условиях кочевого образа жизни населения, ставки приставов и попечителя относились, за исключением оседлых поселений крестьян-переселенцев, к немногочисленным стационарным постройкам, являлись не только местом базирования органов власти, но и административными центрами, обладавшими учебной и медицинской инфраструктурой.

Чиновники на местах радели за придание ставкам не только соответствующего официальному статусу надлежащего вида, но и за открытие на их базе учреждений социальной направленности. Надо сказать, что такого рода просьбы зачастую находили понимание и поддержку со стороны вышестоящих уровней власти. Так, 1 марта 1862 г. предложение Главного пристава кочующих народов об открытии при приставствах школ, больниц, а также отпуске денег на разведение сада при ставке Большедербетовского улуса получило одобрение Наместника Кавказского (ГАСК. Ф. 101. Оп. 1. Д. 5074. Л. 2). Следующий документ, датированный 4 октября 1865 г., направлен на утверждение Главному приставу Я. А. Тимофееву от пристава Ачикулак-Джембойлуковского, Едисанского и Едишкульского народов И. Д. Эсмонта в сопровождении «приговора на учреждение при вверенной мне ставке школы для обучения в одной русской грамоте 10 ногайских мальчиков» (ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 220. Л. 3).

Ставки приставов, расположенные на территории кочевых народов, в первую очередь предназначались для осуществления чиновниками официальных функций. Например, в доме ставки улусов Калмыцкой степи располагался попечитель улуса, полицейские стражники и размещалась улусная тюрьма. Приведем подробное описание здания ставки, расположенного на ур. Цаган-Аман Калмыцкой степи, ранее занимаемое Багацохуровским улусным управлением и принадлежавшее калмыцкому духовенству, представленное в торговом листе от 17 сентября 1898 г.: «Дом старый, 2-х этажный с железною 3-х скатною окрашенною на масле крышей, с 2 кирпичными трубами, длиною 5 сажень, шириною 3 сажений, 11 четвертей и вышиною от земли до карниза 2 сажени 7 четвертей, низ каменный, верх из бревен, распиленных вдоль пополам, обшитый тентом и состоит из передней и 4 комнат с 2 голландскими кирпичными печками, комнаты и потолки оштукатурены и побелены, и кухня с русской кирпичной печкой, плитой и котлом, на верхнем этаже 12 окон, наверху стеклянная галерея с малою кладовой и лестницей, пол верхнего этажа состоит из чистого и черного пола, без подшивки потолка под штукатурку; низ состоит из 3 комнат для стражников, с 2 русскими кирпичными печами с голландскими подтопками, и комнаты для улусной тюрьмы, кроме того передняя и небольшой чулан ...» (НА РК. Ф. И-24. Оп. 1. Д. 135. Л. 206).

Данное подробное описание ставки позволило нам реконструировать вид построек попечительских домов на территории Калмыцкой степи Астраханской губернии. Дом улусного попечителя строился из местного строительного материала или из завезенных стройматериалов извне. Сходные географические и климатические условия территорий двух соседствующих регионов – Астраханской губернии, в состав которой входила Калмыцкая степь, и Ставропольской губернии – обусловили использование одних и тех же строительных материалов при строительстве зданий: дерево, глина и камень. В качестве основного строительного материала при возведении попечительских домов калмыки стали применять саманный кирпич, технологию изготовления которого открыли для них крестьяне-переселенцы, прибывшие в Калмыцкую степь из других регионов России. (НА РК. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 55. Л. 2).

Инициатива строительства ставки, в соответствии с «Положением» 1847 г., должна была исходить от органов власти, например, во владельческом улусе, каковым являлся Большедербетовский улус, заранее согласована с его владельцем.

Так, в постановляющей части приговора, составленного 31 июля 1861 г. Большедербетовским улусным сходом зафиксировано: «улусную нашу ставку перенести на урочище Башанта, где каменный хурул, для сего из теперешней ставки, возможные к перевозу три деревянных дома перевезти их на новое место, на перевоз которых и на добавку к ним материалов для перестройки, а также на устройство всех новых необходимых в Ставке зданий на основании вышесказанной статьи положения, сумму употребить из нашего калмыцкого капитала, сколько таковой на все нужды для Ставки постройки потребуется, на что мы изъявляем свое полное согласие» (ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 48. Л. 7). Ранее в улусное управление поступило предписание Главного Пристава кочующих народов П. Н. Иванова от 15 июня 1861 г., последовавшее в ответ на донесение улусного Попечителя от 4 июня того же года о ходатайстве большедербетовцев на перенос ставки на ур. Башанта.

В донесении необходимость переноса места Ставки на ур. Башанта обосновывалась главным образом отдаленностью административного центра улуса непосредственно от кочевья калмыков: «теперешняя наша улусная Ставка на прогоне к реке Егорлыку, около селения Ивановского, как на самой границе нашего улуса, слишком отдалена от кочевьев калмыцких, отчего калмыки имеющие надобность быть в Ставке, встречают затруднение в дальних переездах и нередко при экстренных случаях через поездку в Ставку, где необходимо для сего следует быть, не достигают своих намерений собственно чрез дальний проезд от кочевьев к Ставке, а посему перенос Ставки на вершину ур. Башанта, где каменный хурул, более центральное место нельзя не признать полезным и необходимым» (ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 48. Л. 5 об.). В сопроводительном рапорте к приговору общества Главного пристава кочующих народов В. П. Мевеса от 2 декабря 1861 г. за № 1960 на имя ставропольского губернатора указывается, что поступившая просьба со стороны населения побудила его отправиться к населению и владельцу улуса и «... проверить причину, по которой народ просит о переносе Ставки из заселенного места в глухую степь», в результате сей поездки «оказалось, что Ставка представляет собой развалины, в которых нет возможности жить зимою от холода, а летом от предстоящего разрушения и потому постройка новых помещения для управления, казаков, тюрьмы и почтовых лошадей необходима положительно». По поводу пожелания населения в рапорте отмечается, что «... перенос ставки больше принесет вреда, чем пользы» (ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 48. Л. 1 об.). Это при том, что опекун улуса при малолетнем Дордже Гахаеве Бадма Санджиев – племянник Очира Хапчукова, в письме улусному попечителю от 3 января 1862 г. признал «... удобным перенесение Ставки» и «отнесение расхода на счет общественного капитала калмыков поступившего в прошлом 1861 г., если же этого капитала будет недостаточно, то недостающее количество денег именно от 4 до 4,5 тыс. руб. серебром отнести на счет владельческого дохода, поступившего за вторую половину 1861 г. и имеющего поступить в настоящем году» (ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 48. Л. 10).

14 ноября 1863 г. согласно донесению Главному Приставу улусного попечителя И. М. Десятова и опекуна улуса Санжиева строительство ставки хозяйственным способом, т. е. своими силами, без найма строителей со стороны, было полностью завершено. Всего на постройку общественных зданий было затрачено из общественного калмыцкого капитала и владельческого дохода около 9 тыс. руб. серебром;

старый деревянный дом, служащий ставкой, по распоряжению Десятова, был разобран с целью «... употребления годного леса на ремонт новой ставки при надобности, так как в здешних местах весьма трудно добывать лес» (ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 48. Л. 41). В Калмыцкой степи в последней четверти XIX в. получила распространение практика продажи с торгов общественных построек, надобность в которых утрачивалась в основном по причине ветхости, а вырученные от продажи средства вносились в Казначейство в доход общественного капитала (НА РК. Ф. И-24. Оп. 1. Д. 135. Л. 204 об.).

В 1909 г. после долгих переписок и согласований ставка Большедербетовского улуса переносится в Башанту и застраивается, как пишет историк архитектуры Д. Б. Пюрвеев, «... единообразными по облику зданиями. Осью композиции являлся вытянутый с запада на восток зеленый партер, в центре которого размещались административные и общественные здания, выполненные из красного кирпича; эти здания были решены в одном архитектурном стиле» (Пюрвеев, 1975: 43).

Аналогичным образом, в Ставропольской губернии, как и в Калмыцкой степи, на основании приговора общества строятся здания приставства. В июне 1864 г. трухменским обществом на утверждение вышестоящей инстанции был представлен приговор о постройке новой приставской ставки на ур. Джелань. Ранее, в 1854 г., по данным, приведенным А. В. Курбановым, для управления туркменским народом была учреждена Летняя ставка в ур. Красные Копани, служившая резиденцией туркменского пристава, в 1860 г. – Зимняя ставка в ур. Джелань, где размещался помощник пристава (Курбанов, 1995: 57). Главный пристав Я. А. Тимофеев после получения одобрения со стороны ставропольского губернатора, направляет предписание Ачикулак-Джембойлуковскому приставу П. О. Рудановскому, в котором отмечает, что «совершенно нет приюта на зиму всему штату магометанского управления, обязанному быть зимой вместе с народом, я в этой крайности считаю нужным возложить на Вас устройство ставки, как опытного хозяина сколько мне известно, по Вашему знанию в строительном искусстве и добросовестному вообще и исполнению всякого возлагаемого на Вас поручения вполне надеюсь, что Вы соблюдете во всем строгую экономию во время производства работ» (ГАСК. Ф. 101. Оп. 1. Д. 4955. Л. 32).

После соблюдения всех необходимых согласований была составлена смета постройки, содержащая все возможные при строительстве расходы. Результаты беглого осмотра уже законченного строительства Зимней ставки Трухменского приставства, проведенного в 1865 г. представителем губернской администрации в присутствии выборных должностных лиц, показали недобросовестное исполнение условий договора, выразившееся в нарушении срока сдачи объекта и некачественной работе. В представленном отчете отмечалось: «... крыша помещений проводилась во время осмотра мною ставки; плетень для завалины у главного корпуса вовсе не начинался; обмазки и побелки во многих частях вовсе не было, все, что требовало обмазки и побелки и уже исполнено, обмазано и выбелено небрежно, слегка на скорую руку, как попало; камышовая крыша делалась также небрежно» (ГАСК. Ф. 101. Оп. 1. Д. 5282. Л. 44). По смете, составленной землемером Управления кочевыми инородцами А. И. Колоколовым, общая сумма договора строительного подряда, заключенного с отставным капитаном Петром Ивановым составляла

1289 руб. 95 коп., по мнению чиновника Управления, «... хороший хозяин сделал бы эту работу за 400 или 500 руб. серебром, несмотря на дороговизну кирпича» (ГАСК. Ф. 101. Оп. 1. Д. 5282. Л. 44 об.).

14 декабря 1867 г. общество трухмен вновь составляет приговор об ассигновании средств на проведение необходимых ремонтных работ построек Зимней ставки (ГАСК. Ф. 101. Оп. 1. Д. 5282. Л. 43 об.). Несмотря на то, что ранее для ежегодной смазки и побелки стен «в предупреждение обнажения и размывки» ежегодно уже ассигновывалось от 50 до 70 руб. (ГА СК. Ф. 101. Оп. 4. Д. 387. Л. 32 об.). В 1871 г. в отчете Главного пристава отмечается необходимость ремонта этой ставки, на что в 1872 г. было выделено дополнительно 200 руб. из общественного капитала.

Расходы на ремонт зданий ставок приставов и попечителя ежегодно обходились народным обществам в значительные суммы. Так, например, в одном из документов того времени отмечается, что косметический ремонт Летней ставки Трухменского пристава, состоящей из «... пяти отдельных больших корпусов для квартир, канцелярии и служб и особо три помещения для казаков, станции, бани и арестантской ...» выполненных из сырцового кирпича, но покрытых листовым железом, по технической смете обходился в 2 765 руб. в год (ГА СК. Ф. 101. Оп. 4. Д. 387. Л. 33). Согласно росписи доходов и расходов средств из общественного капитала трухменского народа, представленных в генеральном отчете Главного пристава кочующих народов Ставропольской губернии, только на отопление двух ставок на протяжении более пяти лет ассигновывалось 1 150 руб., тогда как на содержание школы – 1 000 руб., на организацию конных скачек на Летней ставке – 500 руб., на покупку медикаментов – 200 руб., но расход не был произведен (ГАСК. Ф. 101. Оп. 4. Д. 1330. Л. 27-38 об.). Результаты ревизии магометанских управлений за 1868 г. показали, что из средств общественного капитала 216 руб. было выделено на наем шалашников, «людей составляющих домашнюю прислугу для приставов и двух помощников», а общая картина вице-губернатором характеризовалась следующим образом: «... что частный пристав захочет сделать, то и делается» (ГАСК. Ф. 101. Оп. 1. Д. 5282. Л. 34 об.).

Несмотря на составление подробных договоров с подрядчиком, а также инспектирование на разных этапах процесса строительства со стороны Управления, имели место постоянные нарушения сроков и плохое качество строительства. Контроль над расходованием средств и закупкой строительных материалов осуществляло само трухменское общество. Так, 22 марта 1859 г. Главным приставом П.Н. Ивановым на утверждение Гражданского губернатора был представлен приговор, составленный 28 ноября 1858 г. обществом Калаусо-Джембойлуковского народа. Общественный сход, заслушав финансовый отчет казначея Бельтрюка Отевалиева и поверенных от народа о расходах на покупку материалов для строительства ставки, одобрил его, отметив, что «... все расходы в покупке материалов для приставской канцелярии и строительства помещений для Казачьей казармы икуплены по ценам совершенно умеренным и даже выгодным для общества, а потому все расходы на покупку материалов поверенными, всего на сумму 765 руб. 17 коп. серебром, признаем правильными» (ГАСК. Ф. 101. Оп. 1. Д. 3876. Л. 1 об.).

Однако по результатам ревизии управлений магометанских народов, произведенной в 1868 г. по распоряжению губернатора, отмечалось, что «... в деле ремонта Приставских зданий, в деле котором стоит ногайским обществам баснословных

расходов, если привести в известность всех денежных затрат, употребление на ремонт ставок хотя бы в одно десятилетие. Если все эти бы чудовищные ремонты производились, как следует, тогда и десятой части из того, что погибло, не было употреблено на так называемые поправки ставок» (ГАСК. Ф. 101. Оп. 1. Д. 5282. Л. 40–40 об.).

Ассигнования на строительство и ремонт приставских помещений властями на основании приговора общества запрашивались и выделялись периодически. В Ставропольской губернии, на основании приговора общества караногайцев, составленного в 1872 г., были построены кирпичные здания на ставке Караногайского пристава «в виде четырех отдельных корпусов их красного кирпича под камышовым крышами для квартир чинов Приставства и Канцелярии, со службами и особою постройкой для казаков и арестантов ...» (ГА СК. Ф. 101. Оп. 4. Д. 387. Л. 33 об.). Документов, свидетельствующих о проведении ревизий по этому объекту, завышении сметы, плохом качестве строительства, в архивах Ставропольского края нами не были обнаружены. Впрочем, данный факт не говорит о том, что подобного рода нарушения не встречались на практике при строительстве и ремонте зданий приставства, в частности, в Ставропольской губернии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в XIX в. ставки на территории кочевых народов являлись административным и культурным центром. Вокруг ставок появлялись оседлые поселения, осуществлялось лесонасаждение и водоснабжение. Первоначально на приставской (попечительской) ставке, наряду с чиновниками, находились только фельдшер, оказывавший медицинскую помощь, и школа. В последней трети XIX в. на территории ставок появляются торговые лавки, пользовавшиеся спросом у населения между ярмарками, ветеринарная служба и даже общественные библиотеки.

На строительство этих общественных зданий из средств общественных капиталов затрачивались большие суммы, тяжким бременем ложившиеся на инородческое население. Чиновники инородческих управлений, используя свое должностное положение, намеренно завышали суммы на строительные работы и содержание ставок, хотя эти средства согласно имперскому законодательству, прежде всего, должны были быть направляемы на улучшение качества жизни кочевников, приобщение их к оседлому образу жизни, всемерное служение государю и Отечеству. Деятельность инородческих управлений в отчете ставропольского губернатора Б.М. Янушевича за 1914 г. характеризуется как направленная к «благожелательному улучшению быта этих вернопреданных ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ народностей и к скорейшему приобщению их к общественной жизни» (История, 2013: 377).

БЛАГОДАРНОСТИ

Публикация подготовлена в рамках реализации Государственного задания ЮНЦ РАН, № гр. проекта АААА-А19-119011190182-8.

Литература

Административно-территориальное устройство Ставрополя с конца XVIII века по 1920 год: справочник (2008). Ставрополь: Комитет Ставропольского края по делам архивов.

Бентковский, И. В. (1879). Наши кочевники и их экономическое состояние. *Ставропольские губернские ведомости*, 32, 2–3.

Высочайше утвержденные Правила для управления калмыцким народом (1830а). *Полное собрание законов Российской империи*. Собрание первое. Т. XL. № 30290. Отделение второе. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 155–161.

Высочайше утвержденное учреждение для управления Кавказской области (1830б). *Полное собрание законов Российской империи*. Собрание второе. Т. II. № 878. Отделение второе. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 145–155.

Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК).

История Ставрополя в отчетах губернатора (1804–1914): сборник документов (2013). Ставрополь: Бюро новостей.

Курбанов, А.В. (1995). *Ставропольские туркмены: Историко-этнографические очерки*. СПб.: Языковой центр СПбГУ.

Национальный архив Республики Калмыкия (далее – НА РК).

Положение об управлении калмыцким народом, опубликованное 28 декабря 1835 г. (1836). *Полное собрание законов Российской империи*. Собрание второе. Т. X. Прибавление к Т. IX. № 7560а. Отделение второе. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. 18–40.

Положение об управлении калмыцким народом, опубликованное 1847 г. (1848). *Полное собрание законов Российской империи*. Собрание второе. Т. XXII. № 21144. Отделение первое. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 349–372.

Пюрвеев, Д. Б. (1975). *Архитектура Калмыкии*. М.: Строиздат, 1975.

Ставропольские губернские ведомости (1879). 40.

References

Administrative-territorial structure of Stavropol from the end of XVIII century to 1920: spravochnik (2008). Stavropol': Komitet Stavropol'skogo kraja po delam arkhivov (in Russian).

Bentkovskij, I. V. (1897). Our nomads and their economic condition. *Stavropol'skie gubernskie vedomosti*, 32, 2–3 (in Russian).

A highly approved Rules for the management of the Kalmyk people. *Complete Collection of Laws of the Russian Empire* (PSZ RI) (in Russian).

PSZ RI I (1830a). Vol. 40. No. 30290.

A highly approved institution for the administration of the Caucasus region. *Complete Collection of Laws of the Russian Empire* (PSZ RI) (in Russian).

PSZ RI I (1830b). Vol. 2. No. 878.

State Archive of the Stavropol krai (SASK).

The history of Stavropol in the reports of the Governor (1804-1914): collection of documents (2013). Stavropol': Byuro novostej (in Russian).

Kurbanov, A. V. (1995). *Stavropol Turkmens: Historical and ethnographic essays*. SPb.: St. Petersburg State University Language Center (in Russian).

National Archive of the Republic of Kalmykia (NA RK).

Regulations on the Administration of the Kalmyk people, published on December 28, 1835 (1836).

Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZ RI) (in Russian).

PSZ RI I (1836). *Vol. 9. No. 7560a*.

Regulations on the Administration of the Kalmyk people, published in 1847 (1848). *Complete Collection of Laws of the Russian Empire* (PSZ RI) (in Russian).

PSZ RI I (1848). *Vol. 22. No. 21144*.

Pyurveev D. B. (1975). *The Architecture of Kalmykia*. M.: Stroiizdat (in Russian).

Stavropol'skie gubernskie vedomosti (1879). *No. 40* (in Russian).

УДК 94(470.47)+930

ИСТОРИЯ КОЧЕВЫХ ОБЩЕСТВ (НА ПРИМЕРЕ КАЛМЫКИИ): ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Екатерина Николаевна Бадмаева

доктор исторических наук, директор,

Международный научный центр «Ойраты и калмыки на евразийском пространстве»
Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова, Элиста,
Российская Федерация

E-mail: en-badmaeva@yandex.ru

А н н о т а ц и я

В статье предпринята попытка дать характеристику исследовательской литературы калмыцких историков, вышедшей в 2000-е гг., изучающей проблему кочевого калмыцкого общества. Автор, исследуя большой массив научных работ по данной проблематике, акцентирует внимание на наиболее заметных работах национальных исследователей о кочевом обществе калмыков в новое и новейшее время. В исследовании раскрываются их основные позиции, оценки и интерпретации специфики и уровня общественно-исторического развития номадов, формирования и становления государственности калмыков в азиатский и российский периоды истории, сложного процесса включения кочевых калмыков в общероссийское политическое, правовое и экономическое пространство, в целом русско-калмыцких отношений на протяжении длительного исторического времени и других вопросов калмыцкой истории в кочевой период. На основе сопоставления оценок, мнений, точек зрения национальных авторов дан критический анализ научных работ по данной теме. В исследовании сделан вывод о том, что труды и статьи калмыцких историков, посвященные кочевому обществу калмыков, используя плюрализм подходов, существенно углубили и расширили рамки изучения исследуемой в статье проблемы.

К л ю ч е в ы е с л о в а

кочевой этап развития, Российская империя, Калмыцкое ханство, миграция калмыков, калмыцкая историография, экономическая и социальная история.

UDC 94(470.47)+930

HISTORY OF NOMADIC SOCIETIES (ON THE EXAMPLE OF KALMYKIA): HISTORIOGRAPHIC ANALYSIS

Ekaterina N. Badmaeva

Dr. Sc. (History), Director, International Scientific Center

“Oirats and Kalmyks in the Eurasian Space”.

Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Elista, Russian Federation

E-mail: en-badmaeva@yandex.ru

Annotation

Arch literature of Kalmyk historians, published in the 2000s, highlighting the problem of nomadic Kalmyk society. The author, exploring a large array of scientific works on this issue, focuses on the most visible works of national researchers on the nomadic Kalmyk society in modern and recent times. The study reveals their main positions, assessments and interpretations of the specifics and level of socio-historical development of nomads, the formation and establishment of Kalmyk statehood in the Asian and Russian periods of history, the complex process of including nomadic Kalmyks in the all-Russian political, legal and economic space, in general Russian-Kalmyk relations over a long historical time and other issues of Kalmyk history in the nomadic period. Based on a comparison of assessments and opinions of national authors, a critical analysis of scientific papers on this topic is given. The study concluded that the works and articles of Kalmyk historians on the nomadic Kalmyk society, using pluralism of approaches, significantly deepened and expanded the scope of the study of the problems studied in the article.

Keywords

---

nomadic stage of development, the Russian Empire, the Kalmyk Khanate, the migration of Kalmyks, Kalmyk historiography, economic and social history.

ВВЕДЕНИЕ

Исследование истории, социально-экономических и политических проблем, духовного наследия кочевых государств и обществ, вопросы установления их места и роли в мировой цивилизации постоянно находились в центре внимания исторической науки. Ученые пытались на основе обширного фактического материала рассмотреть и осмыслить историю российских народов, генезис их государственности не только в контексте современного состояния, но и более глубокой исторической перспективы. Исследования подобного рода чрезвычайно важны для понимания происходящих сегодня социально-экономических и политических процессов в российском обществе, сочетающих в себе не только элементы недавних событий, но и вполне конкретизированные черты далекого прошлого народов России, в том числе прошедших кочевой этап своего развития. Повышенное внимание общества к проблемам кочевниковедения нашло свое отражение в проведении ряда международных научных конгрессов и конференций, состоявшихся непосредственно в Республике Калмыкия. Столица республики Элиста стала местом проведения крупнейших международных научных мероприятий, посвященных кочевой цивилизации: «Калмыки и их соседи в составе Российского государства» (2001 г.); «Россия и Центральная Азия: историко-культурное наследие и перспективы развития» (2006 г.); «Ойраты и калмыки в истории России, Монголии и Китая» (2008 г.); «Участие калмыков в укреплении российской государственности» (2012 г.); «Кочевые народы Юга России: исторический опыт и современность» (2016 г.); «Сетевое востоковедение: устные и письменные традиции в контексте межкультурного взаимодействия» (2017, 2018, 2019 гг.).

Неослабевающий интерес отечественных ученых к историческому прошлому калмыцкого народа выразился в появлении уже в новое российское время десятка научных исследований, посвященных изучению «исторического бытия», характера и уровня общественно-исторического развития кочевых калмыков на стадии завязывания их первых контактов с Российской империей, в особенности в период, связанный собственно с российским этапом развития. Созданный за многовековые значительный научный массив, безусловно, требует глубокого осмысления. Актуальность настоящей статьи определяется необходимостью критического анализа исследовательских работ по истории и проблеме развития калмыцких кочевых обществ в новое и новейшее время, которые и стали объектом данной статьи. Предмет исследования – основные научные подходы, концепции и точки зрения в калмыцкой историографии современного периода в изучении социально-экономической истории калмыцкого народа в период с XVII по XX вв., данные ими характеристики развития кочевого калмыцкого общества, характер и сложности русско-калмыцких взаимоотношений, взаимодействия калмыков с другими народами и пр. Целью исследования явились анализ и обобщение в рамках статьи имеющейся исследовательской литературы по рассматриваемой проблематике. Исходя из обозначенной цели, автором поставлена следующая комплексная задача: дать критическую оценку национальной историографии двух десятилетий XXI в. исследования истории и проблем

кочевого калмыцкого общества в дореволюционный период. Именно потребность в специальных исследованиях историографии кочевого периода истории калмыцкого народа определила актуальность и новизну настоящей статьи.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Источниками для исследования явились статьи, монографии и другие формы научных сочинений калмыцких историков, вышедших в последнее время, в которых, так или иначе, нашли отражение в концептуальном плане различные взгляды и оценки проблем исторического развития калмыцкого общества в кочевой период. При написании настоящей статьи автор основывался на принципах историзма, рассматривая концепции и взгляды исследователей на историю кочевого калмыцкого народа в их развитии и обусловленности, а также опирался на методы научного познания, применимые для историографических исследований, используя преимущественно проблемно-хронологический, сравнительно-исторический и сопоставительный методы. Проблемно-хронологический метод помог в исследовании темы, которая рассматривалась в разрезе отдельных проблем на конкретном этапе изучения. Сравнительно-исторический и сопоставительный методы были использованы в связи с необходимостью сопоставления различных взглядов и точек зрения современных отечественных ученых на историю калмыцкого народа в кочевнический период, с целью представления объективной картины его исторического развития.

ОБСУЖДЕНИЕ

В отечественной исторической науке в свете произошедших глубоких изменений в методологии исторической науки появились новые исследования по экономической и социальной истории ранее кочевых народов России. Научный интерес к периоду кочевничества вполне объясним, поскольку к концу XIX в. численность подданных Российской империи, ведущих кочевой образ жизни, варьировалась от 2,0 до 2,5 млн. человек из общего числа населения империи в 128 млн. человек (по переписи 1897 г.). Общая численность калмыков по упомянутой выше переписи составляла около 200 тысяч человек, хотя в начальный период перекочевки на волжские территории их численность определялась некоторыми учеными в 280-300 тыс. человек (Эрдниев, 1985: 34). Уменьшение численности этноса в XIX в. произошло из-за откочевки некоторой части волжских калмыков в Джунгарию в 1771 г.; косвенным результатом демографического спада калмыцкого населения стали значительные потери среди воинов-калмыков, участвовавших в кровопролитных войнах России с иностранными государствами. Отечественные ученые направили свои усилия на изучение отдельных аспектов этнополитической истории, экономики, культуры, общественного строя и быта кочевого калмыцкого народа, вопросов интеграции калмыцкого этноса в политическое и социокультурное пространство Российской империи, роли южного фронта в его истории. Социально-экономический строй и политическая история Калмыцкого ханства, предпосылки, этапы и последствия вхождения калмыцкого народа в состав России подробно исследованы в монографии М.М. Батмаева – мастигого ученого, представляющего старшее поколение калмыцких историков (2002). Его же перу принадлежит научный труд, исследующий взаимоотношения калмыцкой семьи и государства в XVII-XIX вв. (Батмаев, 2008). История Калмыцкого ханства

детально рассматривается в трудах известных ученых – А.В. Цюрюмова, В.И. Колесника, Е.В. Дорджиевой. А.В. Цюрюмов досконально остановился на проблеме политических взаимоотношений Калмыцкого ханства и российского правительства в XVII-XVIII вв. (Цюрюмов, 2007). Монография В.И. Колесника охватывает огромный период калмыцкой истории, начиная от перехода калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках (Колесник, 2003). Откочевке калмыков в 1771 г. и ее последствиям посвящена работа Е.В. Дорджиевой (Дорджиева, 2002). В обширных по тематике и хронологическим границам исследовательских работах известного калмыцкого ученого К.Н. Максимова рассматриваются вопросы взаимоотношений калмыцкого народа с Россией до их официального вхождения в состав Российского государства, проблемы становления системы управления в Калмыкии, особенности национальной политики российских властей (Максимов, 2002 и др.). Комплексный историко-экономический анализ хозяйственного развития Калмыкии в конце XIX – начале XX вв. представил А.Н. Команджаев (Команджаев, 1999). Историю калмыцкого народа на протяжении длительного исторического времени – со времени их появления в степях Северного Прикаспия во второй трети XVII в. до времени ликвидации Калмыцкого ханства – исследует В.Т. Тепкеев (Тепкеев, 2014). В его монографии «Аюка-хан и его время» прослежена и показана роль этой выдающейся исторической личности в формировании и развитии государственности у волжских калмыков (Тепкеев, 2018). Именно при этом талантливом государственном деятеле Калмыцкое ханство достигло наивысшего расцвета и стало играть заметную роль в международных делах в Восточной Европе и Центральной Азии. Изучение исторических форм и содержание процесса становления и развития института местного самоуправления калмыков в контексте государственно-правовых процессов Российского государства XIX – начала XX вв. стали предметом внимания ученого из ЮНЦ РАН И.В. Лиджиевой (Лиджиева, 2016). Собственно вопросы управления калмыцким народом рассматриваются в работах и статьях К.Н. Максимова, А.Н. Команджаева, И.В. Лиджиевой, М.С. Горяева, Е.Ш. Музраевой, О.Н. Абеевой, Е.А. Команджаева и др. Анализ калмыцкой историографии по проблематике исследования был бы неполным без учета и оценки трехтомного научного труда «История Калмыкии с древнейших времен до наших дней» (2009). В этом фундаментальном научном труде представлена всеобъемлющая история калмыцкого (ойратского) народа на протяжении длительного исторического времени, в том числе исследованы сущностные характеристики кочевой цивилизации этноса, государственности калмыцкого народа в контексте разнообразных связей с Российской империей, народами азиатского ареала (История Калмыкии..., 2009). Главы из коллективного научного труда «История Калмыкии с древнейших времен до наших дней», монографические работы и статьи калмыцких ученых, вышедшие в XXI в., посвященные истории кочевого периода калмыцкого народа, составляют серьезный массив научной литературы. Считаю, что есть настоятельная необходимость их глубокого анализа и осмысления.

РЕЗУЛЬТАТЫ

По проблематике кочевого калмыцкого общества, как видно из представленного нами историографического обзора, только в новый российский период вышло немало монографий и статей калмыцких авторов. Монографическая работа М. Батмаева

«Социально-политический строй и хозяйство калмыков в XVII–XVIII веках» является итогом многолетних исследований ученого и своеобразным обобщением ранее вышедших в свет научных публикаций. Автор, рассматривая историю калмыцкого народа до 1771 г. с точки зрения сложившихся политических отношений между Российской империей и Калмыцким ханством, приходит к выводу, что царскому правительству к середине XVIII в. удалось ликвидировать относительную самостоятельность кочевого государственного образования калмыков и подчинить их безусловному исполнению общероссийских законов. Исследователь подробно проанализировал политические, социальные и хозяйственные изменения, произошедшие в Калмыцком ханстве, имевшие в целом негативные последствия для номадов, в результате которых калмыцкая элита приняла роковое решение об откочёвке в Джунгарию. В своей работе ученый, всесторонне изучив комплекс социальных отношений в калмыцком обществе в XVII–XVIII вв., оспорил утверждение известного ученого-кочевниковеда Н. Крадина о том, что «социальные отношения в калмыцком обществе в XVIII в., как и в XVII в., носили отчетливо выраженный феодальный характер, хотя и с пережитками дофеодального, патриархально-родового строя», и что «феодальная собственность на землю по-прежнему составляла основу общественных отношений у калмыков» (Крадин, 1992: 151, 164). По словам М. Батмаева, калмыцкое общество в указанный период правильнее было называть не классовым, а сословным, т.е. состоящим из сословий и сословных групп. С данным выводом калмыцкого историка согласна исследователь Н. Мацакова: «в XIX в. калмыцкое общество носило сословный характер и было социально стратифицированным, т.е. состоящим из нескольких сословий, иерархия которых выражалась в неравенстве их положения и привилегий» (2011: 28).

Кроме того, М. Батмаев является автором и другой известной работы – «Семья и брак в традициях калмыков», где ученый исследовал семейные ценности калмыцкого кочевого общества в XVII–XIX вв., рассмотрел влияние на них традиционных обычаев калмыцкого народа. Автор представил более или менее полное описание семейной и общественной жизни калмыков в кочевнический период. Институт семьи и брака у калмыков практически не подвергся влиянию новых веяний, связанных с их вхождением в состав российского государства, и строился на основе многовековых традиций. Господствующей формой семьи у калмыков была моногамная семья, состоявшая из представителей трех поколений: родителей (отца и матери), детей (семей их сыновей) и внуков. Калмыкам было присуще только единоженство; многоженство практически не бытовало в калмыцком обществе, хотя такие случаи и встречались в основном из-за бездетности семейных пар или у мужчин из знатного рода. Во главе «большой семьи» стоял ее глава – отец, в случае его дряхлости или смерти всем хозяйством и общественной жизнью руководил старший сын. Мать в основном занималась домашним хозяйством. Наследниками всего имевшегося имущества считались только жены и сыновья. У калмыков встречались случаи умыкания невест, основной их причиной являлись бедность жениха или несогласие на брак со стороны родственников невесты. Более подробно об умыкании невест говорится в статье В. Батырова «Брак умыканием у калмыков в первой половине XIX в.» (Батыров, 2013).

История Калмыцкого ханства детально рассматривается в трудах известных ученых – А.В. Цюрюмова, В.И. Колесника и Е.В. Доржиевой.

А.В. Цюрюмов в своей работе «Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений» подробно проанализировал процесс становления калмыцкой государственности, проходивший в условиях одновременной интеграции калмыков в состав Российского государства. Автору удалось достаточно четко раскрыть место и роль калмыков в истории многонациональной империи. Взаимоотношения Калмыцкого ханства с Российской империей рассматриваются в русле национальной политики России, которая, как считает автор, способствовала политической и экономической интеграции этноса в систему государства. Комплексный анализ политического и социально-экономического развития калмыцкого общества в середине XVIII в. позволил автору выявить основные причины и характер откочевки в 1771 г. некоторой части калмыцкого народа на историческую родину – в Джунгарию.

Среди работ, исследующих откочевку калмыков в последней четверти XVIII в., заслуживает внимания и научной дискуссии исследование В.И. Колесника «Последнее великое кочевье: Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках». Историк ввел в научный оборот значительное число новых исторических источников, проанализировал и пересмотрел ранее бытовавшую в исторической науке методологическую концепцию. Он пришел к закономерному выводу, что вхождение калмыков в начале XVII века в Российскую империю и откочевка значительной части калмыцкого населения в 1771 г. в Китай – это единый исторический процесс с двуедиными этапами развития кочевой цивилизации калмыков. Согласно сделанным им выводам, ойраты принадлежали к обществам с так называемым традиционным типом воспроизводства населения, главными характеристиками которого являлись высокие рождаемость и смертность. По представлению автора, благополучная социальная обстановка обеспечивала быстрый прирост населения, неблагоприятная – сокращение численности населения. Демографический прирост в обществе создавал социальную проблему, и управление кочевым социумом становилось неэффективным. В этих условиях борьба за власть приняла открытый характер и вылилась в политический кризис. Династические распри внутри калмыцкого общества перерастали в часто возникавшие междоусобные войны. Они, по большому счету, не расшатывали единство империи, но определенным образом влияли на боеспособность и готовность калмыцкой армии к защите южных рубежей российского государства, в чем царская администрация в тех исторических условиях крайне нуждалась. Российское правительство, как считает В. Колесник, продолжало воспринимать Калмыцкое ханство как особое политическое образование в составе империи и не стремилось упразднить его. Интересы России ограничивались лишь реформированием государственных институтов в Калмыцком ханстве с целью уменьшения негативных социальных последствий демографического роста и укрепления позиций ханской власти. Тем не менее калмыцкая элита восприняла управленческие решения царской администрации как наступление на национальный суверенитет, поскольку радикальные, на их взгляд, преобразования пугали своей новизной и тем, что предложения по реформированию двусторонних отношений исходили от иноземной власти, а не от них самих, что вызывало неприятие у знати, а также

калмыцких простолюдинов. По мнению автора, к решительным действиям «торгоутской» элиты по откочевке своих соплеменников в пределы прежнего отечества подтолкнула весть о гибели Джунгарского ханства и затаенная надежда занять его место в евразийском пространстве. Автор в своей монографии обобщил все имеющиеся данные о последней в истории евразийских номадов трансконтинентальной миграции – переселении «ойратов-торгоутов» на Волгу и обратно в Центральную Азию. По существу, как считает историк, это была последняя крупная миграция кочевников в истории человечества.

В калмыцкой историографии историю откочевки калмыков в 1771 г. исследовала также Е.В. Дорджиева. Автор пришла к противоположному от оценки В. Колесника выводу: основной причиной откочевки калмыцкого населения в Джунгарию стало стремление национальной элиты сохранить традиционные формы хозяйствования, на которых основывались ханская власть и привилегии владельцев, желание оставить за собой исконные территории кочевания. Дело в том, что набиравший силу в тот период активный процесс колонизации Нижнего Поволжья, земель, где обитали калмыки, сопровождался сокращением территории их кочевий, распространением у номадов под влиянием соседнего оседлого населения земледельческих работ, попытками перевести кочевников на оседлый образ жизни. К тому же ускоренное развитие товарно-денежных отношений, ставшее новым явлением в экономике Калмыцкого ханства, коренным образом подрывало устои традиционного кочевого общества. Трудно не согласиться с автором, полагавшим, что «откочевка» имела целый ряд негативных последствий для оставшихся в пределах российского государства калмыков и в целом для Калмыцкого ханства. В результате «откочевки» прервался процесс сложения калмыцкой народности, упала военная активность калмыков, сократились территории их кочевий, наметилось резкое падение общего поголовья скота, уменьшились размеры внутренней торговли, остановилось развитие новых видов деятельности, понесла урон национальная культура. Последствия «откочевки» для оставшейся части калмыцкого народа были исключительно тяжелы. По мнению Е. Дорджиевой, проведенные правительством административные преобразования после ухода части калмыков в значительной степени ухудшили положение оставшейся части этноса в составе Российской империи.

В ряду перспективных исследований по истории кочевого калмыцкого народа находятся монографические работы и статьи проф. К.Н. Максимова. В своих работах автор старается избегать догматизации исторических фактов и событий. Их бесспорным достоинством являются академическая фундаментальность, научность, системность, последовательность, солидная источниковая база, введенная им в научный оборот. Ученый имеет свой собственный взгляд на события калмыцкой истории, дает им личную оценку, как и на выводы, сделанные другими исследователями. Изучая Калмыцкое ханство, К. Максимов согласен с проф. В. Трепавловым, который считает «Калмыцкое ханство автономной частью Московского государства (как архаичной имперской системы)», но в то же время он полагает, что «применять понятие российского подданства для калмыков XVII–начала XVIII вв. неправомерно» (Трепавлов, 2008: 58).

Существенное значение для дальнейшего развития историографии по кочевой цивилизации имеют исследования А. Н. Команджаева, наиболее полно его основные

идеи отражены в работе «Хозяйство и социальные отношения в конце XIX– начале XX вв.: исторический опыт и современность». Автор на основе многочисленных статистических данных из документальных источников представил реальное состояние и динамику развития различных отраслей животноводства и других хозяйственных занятий калмыков. В монографии исследователь, вопреки устоявшейся официальной точке зрения в советской историографии о несущественной роли зоны пастбищного животноводства в аграрной эволюции России конца XIX– начала XX вв. в Нижнем Поволжье, в том числе и Калмыкии, убедительно показал, что животноводство региона приносило немалую прибыль в чистом виде. Калмыкия по объему товарного производства и масштабам животноводческой отрасли уступала в царской империи лишь области Войска Донского.

А.Н. Команджаев также исследовал происходившие в регионе демографические процессы, характер которых всецело зависел от внутренней и внешнеполитической ситуации, складывавшейся в Российской империи. Особое внимание он обратил на определение хозяйственной роли русско-украинской переселенческой деревни в Калмыкии.

В постсоветский период в национальной историографии придается особое значение изучению различных проблем кочевнической истории калмыков, политики российского государства по управлению инородцами, роли и места Российской империи в судьбах кочевых народов. Активно и плодотворно по этому направлению исторической науки работают ученые нового поколения историков, относительно недавно вступившие на исследовательскую стезю. Их искания и разработки связаны с переосмыслением и сменой научных парадигм в отечественной науке, выработкой и становлением новых методологических подходов в изучении истории калмыцкого народа. Современными методологическими подходами, новыми документальными свидетельствами отмечены монографические труды и статьи В.Т. Тепкеева. Исследуя историю кочевого периода калмыцкого народа, он привлекает ранее неизвестные архивные материалы, эпистолярное наследие калмыцких тайшей, составленное на старокалмыцкой, монгольской и татарской письменности. Автор в широком историческом контексте рассматривает военно-политические связи калмыков с соседними государствами и народами: ногаями, башкирами, донскими и яицкими казаками, народами Северного Кавказа, Джунгарией, Тибетом, среднеазиатскими ханствами, Персией, Крымским ханством, Украиной и Польшей. Касаясь русско-калмыцких отношений в исследуемый им период, В. Тепкеев приходит к закономерному выводу: «с самого начала царское правительство пыталось поставить калмыков в подчиненное положение, что вызывало естественное отторжение со стороны последних <...>. Москва не желала видеть калмыцких тайшей в качестве равноправных партнеров международных отношений» (Тепкеев, 2014: 410). Такое утверждение автора базируется на скрупулезном анализе национальной политики Российского государства в XVII–XVIII вв. по отношению к калмыкам и другим инородцам. Он исследует проблему русско-калмыцких отношений в диалектическом единстве: подробно анализирует не только национальную политику царского правительства, но и ответную реакцию калмыцкого народа на действия центральной власти по ограничению его суверенных прав, закрепленных в ранее подписанных двусторонних шертях. Ученый по-новому оценивает этапы и концепцию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства.

В советской историографии официально было признано считать точкой отсчета присоединения калмыцкого народа дату первого заключенного договора в Москве одним из калмыцких послов в начале XVII в. Однако заключенные договоры начального периода, по его мнению, отнюдь не означают окончательный факт присоединения калмыцкого народа к российскому государству. В большей степени они лишь отражали намерения сторон наладить союзнические отношения между собой, определить территории кочевания и обитания кочевых калмыков. На основе новых исторических источников и тщательно проведенного анализа ученый выявляет характерные особенности процесса присоединения калмыков и других народов к Российскому государству. Оценка данного процесса В. Тепкеевым несколько отличается от официальной точки зрения, господствовавшей во времена СССР. Она находится в русле наметившейся в последнее время в отечественной историографии тенденции на пересмотр целого ряда проблем и аспектов межгосударственных и внутригосударственных отношений в XVII – XVIII вв. Эти отношения только на первый взгляд кажутся понятными и простыми. Рассматривая их, исследователь разделяет мнение В. Трепавлова о том, что «отношение подчинения и подданства русская сторона и ее партнеры зачастую воспринимали совершенно по-разному» (Трепавлов, 2007: 6–7). Для полного понимания сути проблемы, как считает калмыцкий историк, необходимо раскрыть точную суть отношений «подчинения и подданства», выяснить, как воспринимали (понимали) факт вхождения (присоединения) обе контактирующие стороны (Российское государство и вошедшие в нее народы). Безусловно, требуется более глубокое изучение данной научной проблемы, и мы согласны с исследователем, что это позволит с объективных позиций рассмотреть в целом сложные и противоречивые русско-калмыцкие отношения в XVII–XVIII вв.

В работе «Аюка-хан и его время» автор В. Тепкеев через личность легендарного национального правителя достаточно полно и объективно раскрыл роль калмыков в Кавказской политике России в начале XVIII века в период военных действий во времена Астраханского, Булавинского и башкирских восстаний. Он подробно исследовал военно-политические связи калмыков с соседними народами, показал героическое участие калмыков в защите южных границ от набегов враждебных кочевников с целью сохранения мира и спокойствия в регионе. Особое внимание автор уделил периоду ханства Аюки накануне его смерти в 1724 г. В Калмыцком ханстве обострились конфликты и междоусобицы, которые затронули, по словам В. Тепкеева, самый главный вопрос – вопрос о верховной власти. Именно обострившиеся междоусобные распри за власть в совокупности с колонизаторской политикой царского правительства привели, на взгляд исследователя, к уходу части калмыков в Джунгарию и, следовательно, ослаблению Калмыцкого ханства как особой национально-территориальной единицы, понижению роли кочевого Калмыцкого ханства во внутренних делах империи и в международных отношениях.

Истории становления и развития Калмыцкого ханства, вопросам его национально-государственного статуса посвящена значительная часть монографии проф. К. Максимова «Калмыкия в национальной политике, системе власти управления России (XVII–XX вв.)». Калмыцкое ханство, по мнению ученого, в начале второй половины XVII века было признано властями России как этнополитическое образование в статусе политической автономии. С укреплением абсолютизма в России

и дальнейшей централизацией государственного управления Калмыцкое ханство постепенно вводится в общероссийскую систему административно-территориального управления с унификацией ее управленческих структур, правового статуса сословий. В связи с откочевкой значительной части калмыков в пределы прежнего Отечества и последовавшей ликвидацией административной автономии калмыков в последней четверти XVIII в., Калмыкия превращается в особую административно-территориальную единицу Астраханской губернии. Уже к 1800 г. калмыки окончательно утрачивают национально-государственный суверенитет, не имеют своей системы государственного управления и подпадают под полный контроль российских властей. К середине XIX в. система управления Калмыкии постепенно встраивается в систему общего административного управления России. Тем не менее в первой половине XIX в. российское правительство вновь возвращается к вопросам организации управления кочевниками Юга России, в том числе калмыцким народом. Рядом законодательных актов была разработана и введена в действие на долгое время, вплоть до государственного переворота 1917 года, система управления калмыками. В государственном строе калмыков стала превалировать (отложилась) политическая линия, реализовавшаяся по отношению ко всем инородцам, вошедшим в структуру единой российской государственности. Как отмечает К.Н. Максимов, введение системы приставства стало одним из существенных преобразований в распространении на калмыцкое население действующего порядка российского административного (государственного) управления (Максимов, 2002: 57). Система попечительства, по его мнению, была направлена на унификацию структуры органов власти и управления в национальных регионах, а также на сокращение привилегий и прав национальной элиты. Административно-территориальные преобразования имперских властей привели, на взгляд К. Максимова, к разобщению этноса (2002: 509-510) и, по мнению М. Горяева и А. Команджаева, к окончательной интеграции Калмыцкой степи в общероссийское пространство: «После ухода значительной части калмыков в Китай... Российское руководство законодательно оформляет контроль над внутренней жизнью кочевников-калмыков без применения силы, постепенно интегрируя Калмыцкую степь в политическое и правовое поле Российской империи» (2015: 26).

И.В. Лиджиева в монографии «Местное самоуправление калмыков в XIX – начале XX вв. (историко-этнографический аспект)», вышедшей в 2016 г., расширила изучаемый круг проблематики управления в территориях, населенных калмыками, осветила довольно подробно вопросы формирования местных органов власти, детально остановилась на различных аспектах его функционирования, в частности, финансово-хозяйственной деятельности как главной составляющей основы института местного самоуправления. Исследователю удалось в достаточной степени показать и рассмотреть влияние кочевого образа жизни на формирование института местного самоуправления в калмыцких территориях. На основе кропотливого и вдумчивого анализа процесса формирования и деятельности местных органов власти в Калмыцкой степи ученый приходит к закономерному выводу: «Исследование проблемы становления и развития института местного самоуправления Калмыкии в XIX–начале XX вв. позволяет констатировать, что данный процесс прошел длительный этап, сопряженный со значительными трудностями, и привел к установлению

демократических ценностей на низовом уровне. Созданные в Калмыцкой степи местные органы власти воплотили в себе национальные особенности и традиции калмыцкого народа, а также способствовали проявлению инициативы населения в решении вопросов местного значения. Можно с полным основанием сказать, что на протяжении XIX – начала XX вв. в Калмыцкой степи сложилась специфическая система местного самоуправления, представляющая собой положительный исторический опыт» (Лиджиева, 2016: 316).

Исследование И.В. Лиджиевой отличается объективностью, новизной и самостоятельностью подхода к исследованию деятельности органов местного самоуправления в Калмыцкой степи Астраханской губернии, Большедербетовском улусе Ставропольской губернии и на территории кочевий калмыков в Области Войска Донского. Солидный научный труд, написанный с глубоким знанием предмета исследования, представляет собой новый шаг в изучении социально-политической и этнической истории калмыцкого народа, традиции государственности и власти в предсоветский период.

Фундаментальное академическое издание «История Калмыкии с древнейших времен до наших дней», вышедшее в 2009 г., написано при широком привлечении отечественных ученых, оно охватывает широкий диапазон проблем ойратской (калмыцкой) истории на протяжении длительного исторического времени. Рассматривая историю калмыцкого народа в новое и новейшее время, ученые смогли дать объективную оценку сложным общественно-политическим и социально-экономическим процессам, протекавшим в кочевнических образованиях калмыков в XII–XIX вв. Авторы смогли на основе солидного фактического материала показать движение калмыцкого общества от феодально-кочевого к капиталистическому с сохранением кочевого способа хозяйствования, проследить генезис национальной государственности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершая историографический обзор, отметим появление только за последние 20 лет большого количества работ, исследующих, в частности, особенности формирования кочевой государственности калмыков в период их нахождения в Центральной Азии, процесс включения калмыцкого этноса в состав России, военную историю калмыков, развитие их кочевого хозяйства на протяжении длительного исторического времени, историю Калмыцкого ханства в составе России, систему управления калмыками в послеяюковский период и так далее. Написаны монографии, научные статьи, в которых сделаны серьезные попытки охарактеризовать систему власти российского государства в преломлении к калмыкам, рассмотреть в целом русско-калмыцкие отношения в XVII–XIX вв. Если говорить о внутренней политике России по отношению к калмыкам, то она, с одной стороны, решительно повлияла на традиционное устройство калмыцкого кочевого общества. С другой стороны, носившая противоречивый характер социально-экономическая и политическая интеграция калмыков в составе российского государства имела и широкий спектр позитивных результатов. Калмыцкое население приобретало российское

подданство со всеми ее привилегиями, получало гарантированную защиту от посягательств иностранных государств, а привнесенная извне оседлость постепенно стала вытеснять преобладавший у степняков кочевой образ жизни.

Таким образом, исследовательская литература постсоветского периода, посвященная изучению кочевого калмыцкого общества, используя плюрализм подходов, существенно расширила рамки изучения проблемы. В 2000-е гг. впервые вводятся в научный оборот недоступные прежде источники, начинают разрабатываться не затрагиваемые прежде исторической наукой темы. Анализ национальной историографии показывает необходимость более взвешенного и объективного подхода к историческим событиям прошлого, государственной политике царской и советской администрации по отношению к инородческим народам. Их глубокое и детальное изучение, безусловно, чрезвычайно важно для проведения на современном этапе продуманной государственной национальной политики в регионах и корректировки геополитических интересов Российской Федерации на азиатско-тихоокеанском пространстве.

Литература

- Батмаев, М.М. (2002). *Социально-политический строй и хозяйство калмыков в XVII–XVIII вв.* Элиста: АПП «Джангар».
- Батмаев, М.М. (2008). *Семья и брак в традициях калмыков.* Элиста: ГУ изд. дом «Герел».
- Батыров, В.В. (2013). Брак умыканием у калмыков в первой половине XIX в. *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*, 4, 10–12.
- Горяев, М.С., Команджаев, А.Н. (2015). Политика российского государства по управлению кочевыми народами в первой половине XIX века (на примере калмыков). *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*, 4, 26–29.
- Дорджиева, Е.В. (2002). *Исход калмыков в Китай в 1771 г.* Ростов н/Д: изд-во СКНЦ ВШ.
- История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. (2009).* (Т.1.). Элиста: ГУ «Издательский дом «Герел».
- Колесник, В.И. (2003). *Последнее великое кочевье: Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках.* М.: Вост. Литература.
- Команджаев, А.Н. (1999). *Хозяйство и социальные отношения в конце XIX– начале XX вв.: исторический опыт и современность.* Монография. Элиста: Калм гос. ун-т.
- Крадин, Н.Н. (1992). *Кочевые общества: (Проблемы формационной характеристики).* Владивосток: Дальнаука.
- Лиджиева, И.В. (2016). *Местное самоуправление калмыков в XIX в.–начале XX вв. (историко-этнографический аспект).* Элиста: КалмНЦ РАН.
- Максимов, К.Н. (2002). *Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII–XX вв.).* М.: Наука.
- Мацакова, Н.П. (2011). Общественный строй калмыков в XIX веке: историографический анализ. *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*, 2, 25–28.
- Тепкеев, В.Т. (2014). *Калмыки в Северном Прикаспии во второй трети XVII века: проблемы политических взаимоотношений.* Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар».

Тепкеев, В.Т. (2018). *Аюка-хан и его время*. Элиста: КалМНЦ РАН.

Трепавлов, В.В. (2007). «Белый царь»: образ монарха и представление о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М.: Восточная литература.

Трепавлов, В.В. (2008). Калмыки и Россия в XVII–XVIII вв.: подданные, вассалы или союзники? *Калмыки в многонациональной России: опыт четырех столетий*. Элиста: ЗАОр «НПП “Джангар”», 58–70.

Цюрюмов, А.В. (2007). *Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений*. Элиста: ЗАО «НПП “Джангар”».

Эрдниев, У.Э. (1985). *Калмыки: историко-этнографические очерки*. 3-е изд., перераб. и доп. Элиста: Калмыцкое книжное издательство.

References

Batmaev, M.M. (2002). *The socio-political system and the economy of the Kalmyks in the XVII–XVIII centuries*. Elista (in Russian).

Batmaev, M.M. (2008). *Family and marriage in the tradition of Kalmyks*. Elista (in Russian).

Batyrov, V.V. (2013). Marriage by kidnapping of Kalmyks in the first half of the XIX century. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences*, 4, 10–12 (in Russian).

Goryaev, M.S, Komandzhaev, A.N. (2015). The policy of the Russian state on the management of nomadic peoples in the first half of the 19th century (on the example of Kalmyks). *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences*, 4, 26–29. (in Russian)

Dordzhieva, E.V. (2002). *The exodus of Kalmyks to China in 1771*. Rostov n/D: izd-vo SKNCz VSh (in Russian).

The history of Kalmykia from ancient times to the present day: in 3 v. (2009). Elista: GU «Izdatel'skij dom «Gerel», V. 1 (in Russian).

Kolesnik, V.I. (2003). *The Last Great Nomad: The Transition of Kalmyks from Central Asia to Eastern Europe and Back in the 17th and 18th centuries*. М.: Vost. lit. (in Russian).

Komandzhaev, A.N. (1999). *The economy and social relations in the late XIX – early XX centuries: historical experience and modernity*. Elista: Kalm gos. un-t. (in Russian).

Kradin, N.N. (1992). *Nomadic societies: (Problems of formation characteristics)*. Vladivostok: Dalnauka (in Russian).

Lidzhieva, I.V. (2016). *Local self-government of the Kalmyks in the 19th and early 20th centuries (historical and ethnographic aspect)*. Elista: KalmSC RAS (in Russian).

Maksimov, K.N. (2002). *Kalmykia in national politics, the system of power and administration of Russia (XVII–XX centuries)*. М.: Nauka (in Russian).

Matsakova, N.P. (2011). Kalmyk social system in the 19th century: historiographic analysis. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences*, 2, 25–28 (in Russian).

Тепкеев, В.Т. (2014). *Kalmyks in the Northern Caspian in the second third of the 17th century: problems of political relations*. Elista: ЗАОр «НПП “Джангар”» (in Russian).

Тепкеев, В.Т. (2018). *Ayuka Khan and his time*. Elista: KalmSC RAS (in Russian).

Трепавлов, В.В. (2007). “The White Tsar”: the image of the monarch and the idea of citizenship among the peoples of Russia of the XV–XVIII centuries. М.: Oriental literature (in Russian).

Trepavlov, V.V. (2008). Kalmyks and Russia in the XVII-XVIII centuries: subjects, vassals or allies? *Kalmyks in multinational Russia: the experience of four centuries*. Elista: ZAO «NPP ‘Dzhangar’», 58–70 (in Russian).

Tsyuryumov, A.V. (2007). Kalmyk Khanate within Russia: Problems of Political Relations. Elista: ZAO «NPP ‘Dzhangar’».

Erdniev U.E. (1985). Kalmyks: historical and ethnographic essays. 3rd ed., revised. and add. Elista: Kalmyk Book Publishing House (in Russian).

УДК 94(517)

АЯЛГУУТ АМАН СОЁЛЫН ЭХ СУРВАЛЖ ДАХЬ ЦУУР, ХӨӨМЭЙН ДУУРСЛЫН ТУХАЙД

Л. Хэрлэн

Ph.D

Монгол Улсын их сургууль, Улан-Батор, Монголиа

E-mail: kerlen@yahoo.com

Товч хураангуй

Монгол, Хятадын аман болон бичгийн сурвалж бичгүүд дэх монголчуудын дуу хөгжим, түүний дотор цуурын талаар олон тооны мэдээ баримт байдгийн нэг нь Хятадын Жинь, Хан улсын үед тэмдэглэгдсэн гэх “Түн гэрийн хатагтайн “нүүдэлчдийн цуурын арван найман аялгуу” буюу “Цуурын магтдуу” юм. Цуур хөгжмийг өгүүлэхийн эрхтэнээс ангид төсөөлөх аргагүй бөгөөд түүний өнгө дуурьслын гол онцлог нь чухам л үүнд оршдог. Учир нь хүн хөгжим хийхээс өмнө хөгжмийн ая эгшгийг дууриан аялаж улмаар өөрийн өгүүлэхийн эрхтэнээ хөгжим болгон, ашиглаж байсны нотолгоо нь монгол хөөмэй болон исгэрэх урлагт тод ажиглагддаг. Тэгвэл цуур хөгжим хөөмэй, исгэрээ хоёрын аль алиных нь элементийг аялгууныхаа бүтцэд хадгалсан байдаг бөгөөд цуурыг цуурдах арга нь исгэрээн дээр үндэслэж байдаг юм. Өнөөдөр ч хүртэл цуур хөгжмийг хэзээ хаана татах, ямар дэг жаягтай байсан нь бас л сонирхууштай. Багахан хурим найр, янаг амрагийн дуу, хөгжмийн хавсрагад хэрэглэдэггүй харин овооны их тахилга, далайц ихтэй найр наадамд л гол төлөв хэрэглэгддэг онцлогтой. Эл уламжлал одоог хүртэл бараг эртний хэлбэрээр хадгалан бидэнд өв уламжлагдаж ирсэнд бахархууштай. Мөн цааш уламжлан авч хадгалж хөгжүүлэх хэрэгтэй байгаа бөгөөд судлагдахууны эх хэрэглэгдэхүүн хэвээр нээлттэй байгаа билээ.

Түлхүүр үг

“Цуурын магтдуу”, монгол дуу хөгжим, сурвалж бичиг, цуур, хөөмэй, дуурьсал, эгшиглэгээ

UDC 94(517)

TSUUR AND KHUMEI IN THE SOURCES OF ORAL CULTURE

Kherlen L.

Ph.D

National University of Mongolia, Ulaanbaatar, Mongolia

E-mail: kerlen@yahoo.com

Annotation

There are many sources of Mongolian music in Mongolian and Chinese oral and written sources, including the Tsuur. ” Echoes cannot be imagined without the organ of speech, and this is the main feature of their color imitation. This is because the evidence that a person used to imitate the sound of music before making music and then used his or her speech organs as music can be clearly seen in Mongolian throat singing and whistling. The percussion music retains elements of both the harmonica and the whistle in the structure of the melody, and the percussion method is based on the whistle. Even today, it is interesting to see when and where the percussion was played and in what order. It is not used for small weddings, love affairs, or music, but is usually used only for large ovoo rituals and large-scale festivals. We are proud that this tradition has been preserved in an almost ancient form and passed down to us. It also needs to be preserved and developed, and the source material is still open.

Keywords

“Praise of the Tsuur”, Mongolian music, source script, Tsuur, khumei, imitation, vowel

УДИРТГАЛ

Эртний Хүннү гүрний үед цуур нилээд өргөн тархаж, монголчуудын уламжлалт хал¹ хөгжмийн зэмсэг аман соёлд холбоотойгоор баримтжуулжээ гэж үзэж болохоор байна. Хятадын түүхэн сурвалж бичиг баримтад цууртай холбоотой “Шиаогийн магт дуу” гэж байх ба “Хятадын Чүн-чиүгийн үеийн Жинь улсын Чэн Гүн шиаогийн хөгжмийг сонсож нэг бадаг “Шиаогийн магтдуу” бичив” гэсэн байдаг байна. Үүнийг Өвөрмонголын Их сургуулийн урлаг судлалын ухааны доктор, професор Э.Гэрэлт бичихдээ: “Цуурын магтдуу” нь Хятадын Жинь² (Хятадын хөгжмийн зэмсэг 2005: 56) улсын үед тэмдэглэгдсэн 2660 гаруй жилийн түүхтэй³ гэсэн бол Шинжааны Их сургуулийн доктор, профессор Фү.Мэргэжих цуурын талаар бичсэн хэд хэдэн өгүүллээ “Шинжааны монголчууд модон цуур гэх үлээх төрлийн хөгжимдүүр лүгээс ялгахуйн тулд “хоолойн цуур” гэж дуудан дассан байдаг гээд “газар нутгийн байршлын хувьд хоёр өөрөөр нэрлэгдсэн хэдий ч дуу хөгжмийн нэршлийн дүрмийн үүднээс Монгол улсын хөөмэйн язгуур нэрээр “хөөмэй” гэж нэрлэх нь зүйтэй юм” (Мэргэжих, 1997: 409) гэж тэмдэглэжээ. Тэрээр цааш цуурыг хоолойн, модон гэж ангилахдаа модон цууртаа хөгжмийн зэмсгийг заасан бол хоолойн цуураа “монгол дууны хоршил дуулах арга” гэж нэрлээд алтайн цуур нь монгол хөгжимдүүрийн өвөг үүслийн эх гэж бичсэн байна.

Шиаогийн талаар чухам аль үед юуг тодорхойлон бичсэн, аялгуут аман соёлд хэрхэн холбогдох эсэх талаар тодотгох үүднээс судлаачдын тэмдэглэлийг чухалчилж харьцуулан авч үзье. Чухам “шиао” гэж юу вэ? Өвөрмонголын их сургуулийн доктор, професор Фү. Мэргэжих шиаог “цуур” (Мэргэжих, 1986; 1988) гэж тэмдэглэсэн байдаг бол урлаг судлаач, хэл шинжээч Ж.Бадраа шиаог нэгэн төрөл үлээвэр хөгжмийн зэмсэг бишгүүртэй, нөгөө нэг нь чавхдаст хуурын нэр төрөлд хамааруулан тайлбарлажээ. Тэрээр: “Шиао гэдэг нэртэй нэгэн зүйл үлээвэр хөгжмийн зэмсгийг Солонгост хучин гэж байсан гэж Еберхард мэдээлсэн. Шиао чухамдаа сумны зэв гэсэн утгатай. Энэ нь Хүннүгийн “дуут сумыг” аргагүй санагдуулж байна. Магадгүй бас шиао нь хятад бус умар зүгийн гаралтай хөгжмийн зэмсэг байсан байж болно. Шиаогийн монгол нэр бишгүүр “хисгэр-исгэр” гэдэг үгтэй холбоотой. Монголын цуур гэдэг үг дан ганц үлээвэр хөгжмийн нэр биш, мөн чавхдас хөгжмийн зэмсгийн нэр байсан. Жишээлбэл, саяхан болтол одоогийн Баянхонгор аймгийн ард олны хэрэглэж байсан янгирын шөрмөсөөр хийсэн зургаан чавхдастай жижигхэн ятгыг “шөрмөсөн цуур” гэдэг байжээ. Бас А.Д. Руднев “Дорнод монголын аман аялгууны хэрэглэгдэхүүн” гэдэг номдоо жастуу аялгуугаар: “шоор гэж хоёр чавхдастай хийл, хоороос ялгаатай нь нум нь чавхдасныхаа хоорондуур ордоггүй, чавхдсыг нь чөрмөсөөр биш хялгасаар хийдэг. Тан Улсын Хятадад бас хоёр ихэр хөгжмийн зэмсэг бийбаагийн загвараар үйлдээд “да хулэй, шиао хулэй” буюу их хуур, бага хуур гэж нэрлэжээ” гэжээ (Бадраа, 1998: 92-93) .

¹“хал” гэж Ж.Бадраа, Г.Бадрахын зохиолуудад байх нь хуучны эртний гэсэн утгыг агуулах бөгөөд одоо бараг хэрэглээнээс гарах дөхсөн халагдаж өнгөрсөн гэдгээр тэмдэглэгдсэн болов уу.

²“Хятадын Жинь улс нь МЭ 265-МЭ 420 оны үед оршин тогтнож байсан улс” хэмээн тайлбарлажээ. “; “Монгол дуу хөгжмийн судлал” Шинжян, 1997, 70, 92, 161, 190, 341.

³Гэрэлт Э. Хөөмэйн урлагийн үүсэл, тархалт хөгжилтийн тухай миний үзэлт Өвөрмонголын Их сургуулийн Эрдэм шинжилгээний хуралд тавьсан илтгэл, 2003.

ХЭРЭГЛЭГДЭХҮҮН, АРГА

Дээрх Ж. Бадраа гуайн нэр тайлбарын шоорын тухайд гэвэл цуурын нэр төрөлд хамаатуулан үзэх нь зүйтэй болов уу. Жостын аялгуу гэдэг нь “Өвөр монголын Хянган аймгийн Дөрвөд бэйсийн хошууны Жостын чуулганы аман аялгуу”¹ -нд багтах бөгөөд уугуул нутгийн ша-тан аялгуутны хэллэгээр “ц” авиаг “ш”-ээр дуудаж (цамц-шамш, цагаан-шагаан, цус-шут, цуу-шуу гэх зэргээр) нэрлэдэгээс үзвэл шоор гэдэг нь үндсэндээ цуурыг нэрлэж байгаа нэр томъёо юм. Мөн Өвөр монголчуудын зарим нутаг хорчин, шинжианы зарим угсаатан хөөмэйг хоолойн цуур гэж нэрлэдэг. Харин монголчуудын дунд модон цуур, хөөрөгт цуур, хотон бишгүүр зэрэг зэмсэг нь үлээвэр хөгжмийн нэгэн төрөлд хамруулах, шөрмөсөн цуур, туг цоор, ихэл цуурууд нь тов-шуур, утсан, нумт хөгжмийн төрлүүдэд хамаарагдах цуурын нэр нэрлэгээ бүхий олон хөгжмийн зэмсэг бий. Эгшиглэх арга барил, дуурьсал, нэр төрлийн хувьд цуур нь хүний өгүүлэхийн эрхтэнтэй шүтэлцэн хөөмэйтэй холбогдох учир дээрхи зарим цуурын нэрс бүхий хөгжмүүдтэй шууд холбогдохгүй болов уу. Учир нь цуур хөгжмийг монгол ардын хөгжмийн өгүүлэхүйн эрхтэнтэй шүтэлцээт урлаг мөн уриа дуудлагын ая аялгууны аймагт хамруулан, хүний өгүүлэхийн эрхтэн хөгжмийн зэмсгийн үүргийг гүйцэтгэх хөөмэй төст авиан дээр хөгжмийн зэмсэгтэй хавсран хөгжмийн эгшиг үүсгэх, “хөгжим үүсгэх” үзэгдлийг буй болгодоогоороо цуурын онцлог гайхамшиг нь тодорхойлогдоно. Мөн хоолойн цуур гэж ая аялгууны нэгэн хэлбэр өвөрлөгч нарын дунд байдгийг найрын дууны төрөлд хамаатуулан авч үзэх боломжтой.

Харин Еберхардын тайлбар дахь “дуут сум, сумын зэв, умардын Хүннү нарын хөгжмийн зэмсэг” гэсэн нь нэлээд сонирхол төрүүлсэн юм. Энэ нь “цуур”-ыг эгшиглэгээний талаас нь хөөмэйн аялгуутай илүүтэй хамруулан үзвэл зохилтой мэт санагдаж байна.

ХЭЛЭЛЦҮҮЛЭГ

Хятадын түүхэн бичигт тэмдэглэгдсэн шиаог юу гэж тайлбарласныг иш татан авч үзье.

Хятад хэлний толь бичигт: *нэг дэх утга нь:*

– хүнээс гарах дуу авиа, исгэрэх, хархирах

– адгуусан амьтнаас гарах авиа, барс урхирах, арслан хүрхрэх, адуу унгалдах, шувуу жиргэх

– байгалийн чимээ, салхины исгэрээ техникийн дуу чимээ, машин, онгоцноос гарах хүнгэнээ (Хятадын одоо үеийн толь бичиг, 1978: 1273) гэж тайлбарласан бол,

Хоёр дахь утга нь: “Ху-гийн нэгэн зүйл үлээвэр хөгжмийн зэмсэг, эрт үед олон хулсыг зэрэгцүүлэн үлээдэг байсан бол одоо үед ганцаар нь үлээх болсон” (Хятадын одоо үеийн толь бичиг, 1978: 1268) гэжээ. Бас хятадын толь бичгүүдэд “шиао”-г “хуу жиа” гэх агаад энэ нь “модон цоор” гэж тэмдэглэсэн нь бий.

Дээрхи шиаогийн талаарх утга тайлбар нь нэг талаар хүн, адгуус, байгаль, техникээс гарах ямарваа хүнгэнэн, исгэрэх дуу чимээ, авиаг нэрлэсэн гэж тайлбарлагдаж байгаа нь Еберхардын: “шиао чухамдаа “сумны зэв” гэсэн утгатай, Хүннүгийн “дуут сумыг” арга буюу санагдуулж байна” гэдэг тайлбартай утга нэг байгаа

¹Хэл шинжлэлийн ухааны доктор /Sc.D/ Г.Гантогтохын тайлбар, 2005:11:22-нд.

нь сонирхолтой. Магадгүй хүн ан агнах гэж ангаа отон сууж, андаа нум сум тавих агшинд гарсан нумнаас гарах чимээ, авианаас хөгжмийн эгшиг үүсгэх анхны санаа авч улмаар чадхдаст болон утаст хөгжмийн үүслийн эхлэл бий болсон гэдэгтэй нэгэн адилаар аливаа байгалийн юм уу амьтны исгэрэх дуу чимээнээс цуур үүссэн байж болох талтай.

Эрдэмтэд урлагийн үүслийг “хүн анд гарах, анхныхаа анг агнасан сэтгэлээ илэрхийлэн гаргахдаа янз бүрийн хөдөлгөөн хийх болсноор бүжиг, отог омгийнхоо гал манан шөнөжин суух зуураа ая аялгуу гиншин дуугарах болсноор дуу үүссэн, аливаа байгаль, эд зүйлс, амьтнаас гарах дуу чимээг үлгэрлэн хүн анх хөгжмийн зэмсэг үүссэн” гэх тухай олон эрдэмтдийн саналуудтай цуурын үүслийг адилтган үзэж болох талтай. Тухайлбал: Оросын сэтгэгч Г.В.Плеханов “Хаяггүй захидлууд” гэдэг бүтээлдээ, урлагийн үүсэл хүний биет үйл ажиллагаатай шууд холбоотой: “Эртний хүмүүс галаа тойрон бүжиглэж байгаа хөдөлгөөн нь ан агнахад хэрэглэсэн үйл хөдлөлөө дахин давтаж, түүгээрээ баясаж буйн илэрхийлэл болдог байна. Энэ бол хөдөлмөрийн хөдөлгөөн нь урлаг болон илэрч буй хэлбэр мөн. Өнөөдөр ч энэ байдал бидний дунд үргэлжилсээр байна. Жишээ нь өнөөдөр эскимосчууд далайн хавыг хэрхэн агнадгийг харцгаа л даа” (Плеханов, 1956: 93) гэсэн бол “байгалийн сонин сайхан дуу авиаг дууриаж хүн хөгжмийн эх сурвалжийг үүсгэхдээ мод, чулуу, хулс, зэгс зэргийг хөгжмийн зэмсэг болгон ашиглаж анхны болхи бүдүүн хийцтэй бүрээ, цуур, бишгүүр, аман хил үйлдэж байсан цагаасаа өөрсдийн гар доор байгаа хэрэгсэл болох нэгэнт боловсорсон өгүүлэхийнхээ эрхтэнг ашиглаж байсан” (Бадраа, 1998: 42) гэсэнээс ишлэл татаж тодотгож болох байна.

Эндээс үзвэл аялгуут аман соёлын зүйлс нь байгалийн салхи шуурганы исгэрээн, гол мөрний шуугиан мэт байгалийн дуу чимээг үлгэрлэн, шувуудын жиргээ, ховших, хүүхэд уйлах болон хүн малын явдлыг дүрслэн дууриаж, тэдгээр дуу авиаг орлуулах аливаа байгалийн эд зүйлийг ашиглах болсноор эх үүсвэр нь тавигджээ. Тэгэхдээ хүн, байгаль орчиноо ухамсарлан харьцаж эхэлсэн харьцааны үр дүнд тухайлбал хүн байгалийн гоо сайхныг ухаарч түүнээ урлахуйн аргаар илэрхийлэх гэсэн үйл ажиллагааны бүтээгдэхүүн, байгалийн гоо сайхныг ухаарахдаа байгалийг бишрэн шүтэх шүтлэгээс ангижраагүй байсан эрт цагт, энэ бүл хөгжмийн зэмсгийн анхны бүтээврүүд буй болжээ гэж үзэж болох байна.

Хөгжмийн анхны хэлбэр гэж болох зарим төрөл хөгжмийн зэмсэг монгол анчдын дунд бий. Энэ нь анчин анг дуудахдаа зөвхөн анг агнах төдийд бус ангаа ажиг, ангаа аргадах эргэл мөргөлийн хэлбэрээр ч хэрэглэдэг байсан урам юм. Тэгэхдээ аливаа ан гөрөөсний дууг дууриан чимээлэхдээ анчин хүн нэг бол дан ганц өгүүлэхийнхээ эрхтнээр үйлдэх, эсхүүл өөр биет материаллаг зүйлийг өгүүлэхийн эрхтэнтэйгээ хослуулан хэрэглэх гэсэн хоёр зүйлийн аргыг хэрэглэдэг байсан байдаг. Тухайлбал: “ан автай холбоотой чоно хандгайн уриа, амьтны дуу хоолойг дууриан бархирах, архирах, шогшрох, шившүүрдэх ан агнуурын уриа дуудлагын зан үйл” (Гантогтох, 2007: 147) анчид, бөө мөргөлийн аливаа зан үйлд хадгалагдан үлджээ. Энэ талаар зарим нэг баримтыг товч дурьдвал: ”янгирыг агнахдаа “агирдаг”, аргал угалз, сарлагийг “бөлбөөлдөг”, бор гөрөөсийг урихдаа “шившүүрдэх”, чоныг урихдаа “улих”, үнэгийг дуудахдаа “шовшрох”, бугыг дуудахдаа “урам ” гэж үйс хуйлж хийсэн нэгэн зүйл бүдүүн борог материаллаг бүтээвэрийг үлээвэр хөгжмийн зэмсэг мэт болгон

урамддаг. Ийм төрлийн хэрэгслийг “шовшуур”¹ гэж нэрлэн түүнийгээ үлээхдээ “шовшуурдах” гэдэг байв. Энэ нь анг дуудах ая дуу үүсгэх нь уг ангийн дууг яг дууриан гаргах гэсэн гол зорилготой бөгөөд үүнийгээ ч чадамгай эзэмшсэн хүмүүс нь монгол анчид, малчид байсан нь тодорхой. Энэ бүх монголчуудын хөгжмийн эхийн уламжлал хөгжим хөөмэйтэй хосолсон хэлбэрээр цуурт хадгалагдан үлджээ.

Бугын урамдах дуурьслыг үлгэрлэж чадах хэрэгслийг хийсэн анчны урам нь буга намнахад хэрэглэдэг нэгэн зүйл соруул хөгжмийн зэмсэг лугаа зүйлийг үйлдэхдээ хус модыг хөндийлж ухан соруул гаргах буюу эсвэл хус модны үйсийг (холтосыг) хуйлан дуран авай мэт сунган сорж татах үйлдлээр ашигладаг эл зэмсгийг анчны урам хэмээн нэрлэх бөгөөд алтайн урианхайчууд, анчид элбэг хэрэглэх ба мөн хонины шагайт чөмгөөр ч урам хийж хэрэглэдэг уламжлал байна. Энэхүү хялбар дөт нэгэн төрөл хөгжмийн зэмсэг хөгжим үүсэж бий болох хөгжлийн явцад эгшиг авиа нь уриа дуудлагын хэлбэртэй байснаа хөгжмийн хөгжлийн явцад улам боловсронгуй болж цуур гэх биеэ даасан хөгжмийн зэмсгийн төрлийг бий болгосон байж болох байна. Цуурыг өнөөдөр уриа дуудлагын ая аялгуу, өгүүлэхүйн шүтэлцээт хөгжмийн зэмсэгт хамруулан үзэхийн хувьд хөгжлийн явцдаа хөөмэйн эгшиг авиаг хамсруулан хүний өгүүлэх эрхтнийг дээд зэргээр хөгжүүлэн баяжуулах явц эрт үеэс монголчуудын дунд боловсорсон гэж үзэх үндэслэл байгааг харуулж байна.

Бидэнд зөвхөн хөгжмийн нэр төрлөөс гадна “Шиаогийн магтуу”-нд тэмдэглэсэн: “гундагууны тунгалагаар жидугууныг тодруулан, шандууны цээлхэнийг жидуун дур найржухуй” гэсэн эртний монгол хөгжмийн тэмдэглэгээгээр бичигдсэн тэмдэглэл нь тэр үеийн хөөмэйн дуугарах багтаамж, хөг аялгуу өнөөдрийн хөөмэйн үндсэн хөг хөглөгөөтэй ижил болон ялгаатай талуудыг харьцуулан гаргах сонирхол төрүүлсэн юм. Эх зохиолдоо:

*“...Уран эгшиг улаан уруулаас үүсэж
Уяраан дуун цагаан шүднээс гармуй
Цуурай ану тунгалаг бөгөөд эевэргүү
Цог ану цэлгэр бөгөөд дүрэлжүүн
Гундагууны тунгалагаар жидугууныг тодруулан
Шандууны цээлхэнийг жидуун дур найржухуй
Шилжих үүлийг агаар мандал дур дэгдээгээд
Ширүүн салхийг түмэн газраас хуруйлмуй
Шимт бодьгалийн туйлын эгшиг буй за
Ширхэг хулсны дуун бус ажгуу
Тийнхүү дууныг зэмсэг дур түшихгүй
Эд хэрэглэл дор найдахгүй
Дөхөм дөт биеэсээ авч
Сэтгэлийг зарж, амьсгал хэрэглэж
Уруул хөдөлгөөвөөс аялгуу болж
Ам нээвээс дуун үүсэж
Юмыг үзэн бодис дур ягтлан
Дуун аяар исгэрэл дагаж
Бялар бишгүүрээс яруу тунгалаг
Ятга ширхэгээс уяхан цээлхэн*

¹Шовшуур гэж казак ард түмний цуур хийдэг модлог ургамалын нэр /сыбызки/.

*Хүрхрэн шуугих салхи үүсэж
Янцгаан үүрсэх дуун гарах ану
Ар газрын хөлөг морьд
Нутаг юугаа мөрөөсөж
Хүйтэн салхинаа
Умарш хандан үүрсэх мэт...
“...Хун галуу өндөр дуунаар ганганан
Олон шувууд говь цөл дур жиргэх адил
Тийнхүү дүрсийг үзээд дуун үүсэж
Хэрэг тур игтэлж аялгуу бүтээмүй”
гэжээ (Мэргэжих, 1988: 4; Эрдэнэчимэг, 2002: 98).*

Энэхүү түүхэн тэмдэглэлээс “Хүрхрэн шуугих салхи үүсэж, янцгаан үүрсэх дуун гарах ану ар газрын хөлөг морьд нутаг юугаа мөрөөсөж, хүйтэн салхинаа умарш хандан үүрсэх мэт” гэсэн нь Еберхардын “Магадгүй бас шиао нь хятад бус умар зүгийн гаралтай хөгжмийн зэмсэг байсан байж болно” гэдэгтэй таарч байх төдийгүй Хятадын хойд нутгаар нутагладаг үндэстний дунд нэлээд түгээмэл хэрэглэгдэж байсан “**шиао**” хэмээх хөгжмийн зэмсгийн дуурьслын талаар өгүүлсэн нь бидний сонирхолыг татсан юм.

“Шиаогийн магт дуу”-нд тэмдэглэснийг дэлгэрүүлэн тайлбарлавал: “Уран эгшиг улаан уруулаас үүсэж, уяраан дуун цагаан шүднээс гармуй, ширхэг хулсны дуун бус ажгуу, цуурай ану тунгалаг бөгөөд ээвэргүү, цог ану цэлгэр бөгөөд дүрэлжүүн” гэсэн нь хүний өгүүлэхүйн эрхтэнээс гарч буй эгшиг авиа, хүн уруулаар үлээж эгшиг үүсгэхийг нэрлэж байна. Дараа хулсны дуу мэт тунгалаг, цоглог, цэлгэр гэдэг нь бишгүүр, цоор, цуурыг хулсаар үйлдэж аялгуу гаргадаг гэдэгтэй санаа нэг аливаа үлээвэр хөгжмийн эгшиглэгээ мэт ая аялгуутай гэж тодорхойлжээ. Цааш нь “дууныг зэмсэг дур түшихгүй, эд хэрэглэл дор найдахгүй” гэсэн нь тэрхүү дуу эгшиглэгээг гаргахдаа ямар нэгэн хөгжмийн зэмсэг, эд хэрэглэлээр гаргахгүй гэжээ. Энэ нь: “дөхөм дөт биеэсээ авч, сэтгэлийг зарж, амьсгал хэрэглэж уруул хөдөлгөвөөс аялгуу болж, ам нээвээс дуун үүсэж, юмыг үзэн бодис дур ягтлан, дуун аяар исгэрэл дагаж, бялар бишгүүрээс яруу тунгалаг, ятга ширхэгээс уяхан цээлхэн” гэсэн нь аялгууг бие, сэтгэл, амьсгаагаар үйлдэх агаад уруул ам нээж дуун исгэрэл үүсгэж тэрхүү дуу нь бялар, бишгүүр, ятга зэргээс яруу тунгалаг цээлхэн гэжээ.

ҮР ДҮН

Дээрхээс ажиглан үзвэл өгүүлэгдэж буй зүйл нь одоо бидний мэдэх цуур хөгжмийн нэгэн төрөл эсвэл тэр хөгжмийн бүтэц, хэлбэр биш харин хүний өгүүлүүрээр үүсэх эгшиглэгээний талаар бичжээ. Тэгэхдээ цуур болоод хөөмэйлэх үйл явцтай ойролцоо хүн өөрөө хөгжмийн зэмсэг болж яруу тунгалаг ая аялгуу үүсгэх гэсэн ойлголтыг өгч байна. Тиймээс дээр өгүүлсэн Хан улсын бичигт тэмдэглэсэн Хүннү нарын хөгжим гэдэгт гардаг хэл хоолой руу матарч орон ая аялгуу үүсгэдэг, энд өгүүлэгдэж байгаа ямар нэгэн зэмсэг, эд хэрэглэлд найдахгүйгээр ая аялгуу үүсгэдэг зэргээс үндэслэн хөөмэйн аялгуу үүсгэдэг гэдэг нэгэн санаа гарч болох байна.

Нөгөө талаар Хүннү нарын дунд уриа дуудлагын ая аялгуутай холбоотойгоор түүхэн тэмдэглэлүүдэд бичигдсэн хулсны навч ороон үлээх, чулуугаар цуур татах

зэрэг нь хөөмэй төст эгшиглэгээ үүсгэдэг байсан гэх санаа гарч ирж байна. Энэ нь хөөмэй болоод цуурын эгшиглэгээний талаар бүр эрт Хүннүтэй холбоотой түүхэн сурвалжуудад тэмдэглэгдэн үлдсэнийг харуулж байна. Өнөөдөр бидний ойлгож ирсэн цуур хөгжим нь хөөмэйн урлагтай холбоотой харилцан уялдан уламжилж ирсэн эх суурь нь Хүннүгийн үеэс эхлэлтэй байжээ гэж ойлгогдож байна.

Мөн “Шиаогийн магтуу” зохиолд: “*гундагууны тунгалагаар жидугууныг тодруулан, шандууны цээлхэнийг жидуун дур найржухуй*” гэсэн эгшиглэгээний дуурьслыг тэмдэглэсэн нь бий.

Монголчууд дуун илэрхийлэх эгшгийн утгыг илэрхийлэх, ялгах тусгай нэрээр томъёолсон нь бий. Тухайлбал: гундагуун-гундуун, гидагуун-гидуун, жидагуун-жидуун, юдагуун-юудуун” (Цэвэл, 1966: 166) гэж таван эгшигтийн зарчимд хамааруулан “жидагун-идэт дуун, гүндэгүн-хүнгэнэх дуун, шандагун-цангинах дуун, юдагун-жингэнэх дуун, гиодагун-гингэнэх (цуурын дуу) гэдэг гээд улаан (гал), шар (шороо), цагаан (төмөр), хар (ус), хөх (модон) өнгө махбодын таван эгшигт тулгуурласан” (Бадраа, 2005: 58) хэмээн тайлбарлажээ.

Юань улсын, тухайлбал Хувилайн хаанчлалын үед ордонд олон төрлийн хөгжмийн зэмсгүүд хэрэглэгдэж байсан ба дуу хөгжмийн нийт аялгыг таван эгшигт хувааж тодорхой нэр зааж:

“Нэгдүгээрт “гүндээхүн”¹ (Цэвэл, 1966: 166) буюу туйлын нам, туйлын булингар.

Хоёрдугаарт “сандахун” буюу дэд нам, дэд булингар.

Гуравдугаарт “гидахуун” буюу өндөр нам тунгалаг булингар.

Дөрөвдүгээрт “жидаахуун” (Цэвэл, 1966: 240) буюу дэд өндөр, дэд тунгалаг.

Тавдугаарт “юудагуун” буюу туйлын өндөр, туйлын тунгалаг гэх мэтээр нийт 12 хөг байх бөгөөд түүний зургаа нь “Арга” хөг, зургаа нь “Билиг” хөг болно (Дашдорж, Цоодол, 1971: 28) гэж томъёолон нэрлэж, аргыг “бодис”, билгийг, “сэтгэл” болгож идеалист сургаалаар томъёолон тайлбарласан зүйл энэтхэгийн гүн ухааны номд бий гэж Дамдинсүрэн багш “Зуун билэг”-ийнхээ 486-р талд тайлбарласан тухай ч бий.

Энэхүү эртний дорно дахины эгшиг тэмдэглэгээг өрнийн хөгжмийн онолын судлагдахуунтай харьцуулан тодорхойлж болох авч өнөөдөр баттай судлагдсан судлагаа хараахан боловсроогүй байгаа юм. Гэсэн хэдий ч эх зохиолд гарч байгаа эгшиглэгээний дуурьслын тэмдэглэгээнээс цуурын дуу /гиодагун-гингэнэх/ хэмээх тайлбар нэг талаар таарч байгаа бөгөөд нөгөө талаар нам, өндөр, булингар тунгалаг гэх мэт эдүүгээчлэн тайлбарласан тайлбараар хэд хэдэн эгшгийн дуурьслыг найруулан эгшиглүүлэх гэсэн шууд утгаар авч үзэх боломжтой мэт санагдана. Учир нь өнөөдөр хөөмэйн суурь эгшиг дээр суурилж цуурддаг уламжлал хадгалагдаж ирсэн бөгөөд бас хоолойн цоор хэмээх өвөрлөгч монголчуудын дунд хөөмэй төст эгшиглэгээгээр суурилж уртын дуу дуулах уламжлал бий.

Үүнээс үндэслэн Монголчуудын Хүннү гүрний үеэс хөөмэй нь цуурын ая аялгуунд хадгалагдан өөрийн өнгө эгшиглэгээгээр дуурьсаж байсан төдийгүй тэр үеийн эгшиг тэмдэглэгээгээр бичиж үлджээ гэж хэлж болмоор байна.

¹“хуучирсан таван эгшгийн нэр” гэж тайлбарлажээ.

ДҮГНЭЛТ

Тэгэхээр дээрх “Шиаогийн магтуу” буюу “Цуурын магтуу” өгүүлэгдэх цуур нь Монголчуудын эртний өвөг Хүннүчүүдийн үед тэмдэглэж үлдээсэн тэр үед анхан хэлбэр нь ангийн зориулалттай байснаа цэргийн хөгжимд уриа дуудлагын хэлбэрээр хэрэглэгдэж байжээ. Сүүлд Их хаадын ордны хөгжимд бүртгэгдээгүй хэдий ч цэргийн хөгжмийн нэгэн хэлбэрээр бараг мартагдах шахсан хөгжмийн зэмсэг хэмээн тэмдэглэгдэн үлджээ. Дараа нь ард түмний дунд туульд зарим уул усны магтаалд дурьдагдан уламжилсан байна. Тэгэхдээ уриа дуудлагын шинжээ хадгалан хөөмэйн эгшиглэгээтэй цуг хавсарсан хэлбэрээр аялгуулсаар өнөөг хүрчээ гэсэн дүгнэлтэнд хүрч болох байна.

Ном зүй

- Бадраа, Ж. (1998). *Монгол ардын хөгжим*. УБ.
 Бадраа, Ж. (2005). *Ардын билиг ухааны оньс*. УБ.
 Гантогтох, Г. (2007). *Монгол зан үйлийн аман яруу найргийн уламжлал*. УБ.
 Дашдорж Д., Цоодол С. (1971). *Ардын дуу хөгжмийн суу билэгтнүүд*. УБ.
 Мэргэжих Фү. (1986). *Хоолойн цуурын нууц. Талын дуулал сэтгүүл*. Хөх хот, № 6.
 Мэргэжих Фү. (1988). Цоорын үзэгдэл болон цоорын хөгжим. *Шанхайн хөгжмийн дээд сургуулийн эрдэм шинжилгээний сэтгүүл*, № 2.
 Плеханов Г.В. (1956). *Письма без адреса*. М.
Хятадын хөгжмийн зэмсэг. 2005
Хятадын одоо үеийн толь бичиг (1978). Шинжян, № 1.
 Цэвэл Я. (1966). *Монгол хэлний товч тайлбар толь*. УБ.
 Эрдэнэчимэг, Л. (2002). *Гүн гэрийн хатагтайн нүүдэлчдийн цуурын арван найман аялгуу*. УБ: Адмон.

References

- Badraa, Zh. (1998). *Mongolian folk music*. UB. (in Mongolian).
 Badraa, Zh. (2005). *The secret of folk wisdom*. UB. (in Mongolian).
 Gantogtokh, G. (2007). *Mongolian ritual oral poetry tradition*. UB. (in Mongolian).
 Dashdorj D., Tsoodol S. (1971). *Spiritual geniuses of folk music*. UB. (in Mongolian).
 Mergezhikh Fu. (1986). The secret of the throat Tsur. *Steppe hymn magazine*. Hohhot, 6. (in Mongolian).
 Mergezhikh Fu. (1988). Tsur phenomenon and music. *Scientific Journal of Shanghai Conservatory of Music*, 2. (in Mongolian).
 Plekhanov G.V (1956). *Letter without address*. M. (in Russian).
Chinese musical instruments. 2005. (in Mongolian).
Modern Chinese Dictionary (1978). Xinjiang, 1. (in Mongolian).
 Tsevel Ya. (1966). *Concise Mongolian Dictionary*. UB. (in Mongolian).
 Erdenechimeg, L. (2002). *Eighteen melodies on the Tsur for nomads*. UB: Admon. (in Mongolian).

УДК 94(470) “1238/1480”

МОБИЛЬНОСТЬ И ОГРАНИЧЕННАЯ (НИЗКАЯ) МОБИЛЬНОСТЬ В МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ

Диттмар Шорковиц

доктор исторических наук, профессор, старший научный сотрудник
Институт социальной антропологии им. Макса Планка, Берлин, Германия
Email: schorkowitz@eth.mpg.de

Аннотация

Перевод выполнен по изданию Schorkowitz D. (2020). Mobility and immobility in the Mongol empire. *Mongolovedenie*. Vol. 12. 3. 430-445. Автор благодарен редакции журнала “Nomadic civilization: historical research” за перевод и приглашение представить свою точку зрения. В тексте сохранена пунктуация переводчика.

Ключевые слова

мобильность, Монгольская империя, кочевничество, пространство, культура, торговля

Перевод

Омакаева Эллара Уляевна

ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова»
Элиста, ул. Пушкина, д. 11.
E-mail: elomakaeva@mail.ru

Доржинова Замира Бадмаевна

ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова»
Элиста, ул. Пушкина, д. 11.
E-mail: english@kalmsu.ru

UDC 94(470) “1238/1480”

MOBILITY AND IMMOBILITY IN THE MONGOL EMPIRE

Dittmar Schorkowitz

Ph.D., Dr. Phil. Habil., senior researcher

Max Planck Institute for Social Anthropology, Department of Law & Anthropology, Berlin,
German E-mail: schorkowitz@eth.mpg.de

Annotation

The translation has been done from the edition: Schorkowitz D. (2020). Mobility and immobility in the Mongol empire. *Mongolovedenie*. Vol. 12. 3. 430-445. The author is grateful to the editor of the journal “Nomadic civilization: historical research” for the translation and the invitation to present his point of view. The translator’s punctuation is retained in the text.

Keywords

---

mobility, Mongol Empire, nomadism, space, culture, trade.

Translation

Ellara U. Omakaeva

Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov. Pushkin str., Elista, Russia.

E-mail: elomakaeva@mail.ru

Zamira B. Dorzhinova

Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov. Pushkin str., Elista, Russia,

E-mail: english@kalmsu.ru

ВВЕДЕНИЕ

Мобильность в монгольских обществах и в меньшей степени ограниченная мобильность всегда были в центре социальных и исторических исследований, учитывая кочевой образ жизни и политическое вторжение монголов в различные части Азии и Европы. Монгольская империя, в частности, постоянно привлекала внимание в результате своей скорости расширения и создания *Рах Монголика* (примерно 1270–1360 гг.) за относительно короткий период времени¹. В течение XIII–XIV вв. монголы не только основали раннее монгольское государство (Kradler, 1968; 1969; 1978; Franke, 1978; Khazanov 1981; Kradin, 1995a; 1995b), но и всего за несколько десятилетий распространили свою гегемонию на Китай, Среднюю Азию, Персию, Кавказ, Восточную Европу и Сибирь – в культурном отношении очень разные области, которые теперь стали тесно взаимосвязаны (Boyle, 1971²; 1997; Genghis Khan, 1997; Spuler, 1943; 1985; Rossabi, 2009; Allsen, 1983; 2001; Weiers, 2004; Jackson, 2005).

Если мы можем назвать это историей успеха в построении средневековой империи, то мобильность, как «способность людей, идей и артефактов перемещаться или быть перемещенными как в пространстве, так и в обществе» (Biran, 2018: 136), несомненно, сыграла решающую роль. Вопрос в том, как измерить мобильность и каковы ее конкретные проявления? Прежде чем обратиться к эпистемологическим областям трансфера культуры и торговли с доставкой товаров на дальние расстояния, для определения возможностей и ограничений мобильности я перечислю здесь несколько тем, посвященных средневековому монгольскому миру, как хорошо известных, так и менее знакомых, связанных с мобильностью в более широком смысле.

В первой части статьи диалектика мобильности и неподвижности будет обсуждаться как «социальная и культурная мобильность» с точки зрения карьерного роста, лояльности, интеграции, этнической принадлежности, происхождения, генеалогии, брака и религии.

Вторая часть статьи будет посвящена «пространственной мобильности» с точки зрения выплаты дани и военной службы, культурного трансфера и идеи путешествий, контроля за передвижением и перемещением населения, а также в отношении потока и ограничения товаров.

¹О концепции *Рах Монголика* и монгольском мировом господстве см. Клаус Сагастер, “Herrschaftsideologie und Friedensgedanke bei den Mongolen”, *Central Asiatic Journal* 17, no. 2-4 (1973): 223-42 и приведенные там ссылки. О недавней переоценке этой концепции см. Никола ди Космо, “Черноморская эмпория и Монгольская империя: переоценка *Рах Монголика*”, *Journal of the Economic and Social History of the Orient*, 53 (2010): 83-108. Выражаю благодарность проф. Карениной Кольмар-Пауленц за эти сведения.

²Здесь я использую классическую работу Бойля, хотя есть новый перевод на английский: Рашид аль-Дин, Рашидуддин Фазлулла «Джами»ут-таварих» (Сборник хроник): История монголов, пер. Уилер Макинтош Тэкстон (Cambridge, MA: Harvard Univ., Dept. of Near Eastern Languages and Civilizations, 1998-1999).

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Социальная и культурная мобильность в Монгольской империи.

Социальную мобильность можно определить, как «перемещение во времени отдельных лиц, семей или других социальных единиц между позициями, имеющими различное преимущество в системе социальной стратификации» (Müller&Pollak, 2015), включая классовую принадлежность, статусные группы, родственные связи и социальное происхождение; таким образом, она предоставляет нам аналитический инструмент, который можно применить не только к настоящему, но и к обществам далекого прошлого.

Значимость социальной и пространственной мобильности для позднего средневековья в Европе должным образом уже признана (Herlihy, 1973), и она еще более важна для расширяющейся Монгольской империи с ее сравнительно более слабыми институциональными границами и более высокой степенью культурного разнообразия.

Один из первых хорошо известных примеров карьерного продвижения и преданности описан в «Тайной истории» за 1206 год, когда Тэмуджин был провозглашен каганом всех монголов.

Поскольку Монгольская империя все еще находилась на ранней стадии формирования государства, Чингисхан коренным образом реформировал военную организацию. Оценивая своих врагов и союзников, он сказал: «Тем, кто встал на мою сторону, когда я создавал нашу империю, я выражу свою признательность и, сформировав отряды из тысячи человек, я назначу их тысячными командирами» (Rachewiltz, 2006: 133–134).

Помимо лояльности, другими критериями отбора были профессионализм и лидерство в вопросах ведения войны, в то время как этническая принадлежность оценивалась гораздо ниже, даже ниже семейных и родственных связей. Военная реформа Чингисхана включала в себя реорганизацию его бывшей личной гвардии или телохранителей хишигтен (кешиг) в один тюмен (то есть 10000 человек), выбранный из 95 минганов (то есть 1000 человек), куда отбирались сыновья его командиров и простые люди на основе их боевых навыков. И он четко дал понять своим вновь назначенным командирам, как выбирать людей для военной службы: «Когда будут набираться стражники для нас и сыновья командиров тюменов, минганов и сотен или сыновья обычных людей пойдут к нам на службу, будут приняты те, кто способен воевать и хорошо выглядит, кто будет сочтен подходящим для службы на нашей стороне» (Rachewiltz, 2006: 152–153). Хишигтен был авангардом полиэтнического состава войска и превосходил обычные войска; он был разделен на три группы: привилегированный ночной дозор (kebtegül, всего один минган), лучники, или носители колчана (хорчин, также один минган) и дневной дозор (тургаут, восемь минганов).

Замечательная карьера Чормакана-Корчи, высокопоставленного офицера из второй группы, свидетельствует о возможной социальной мобильности. Будучи из клана Сунуд (Сонид, Сёнид, Сюнит) монголов Отеген (Отегет), он был впервые награжден Чингисханом после осады Ургенча в 1221 году. Впоследствии, в 1229 г.,

Угедей-хан отправил его в Персию, где он прославился завоеванием Азербайджана, Грузии и Армении в 1230-х гг., хотя сам он не был членом правящей династии Борджи-гидов (Haenisch, 1948: 33, 77-79, 104-11, 131-39; Pelliot, 1960: 31-32, 85-86; Hesse, 1982: 113-116; Schorkowitz, 1992: 60-66; Atwood, 2004: 348-354).

Те же критерии отбора применялись в административной и культурной сферах в Монгольской империи, актуализируя единый принцип «интеграции через различие». Есть множество примеров, когда «способные и хорошо выглядящие» пробивались в высший эшелон имперской элиты независимо от этнической или классовой принадлежности. Знаменитый судья (*yeke jarquci*) Шиги Кутуку (1180-1260), ответственный за составление монгольского кодекса «Яса», берущего начало с 1206 г., был татарским ребенком благородного происхождения, усыновленного семьей Темуджина около 1182-1183 гг., став, таким образом, или сводным братом (согласно Тайной истории), или, что более вероятно, пасынком (*örgömel düüi*) Чингисхана (согласно Рашид ад-Дину).

Шиги Кутуку, как и многие татарские аристократы, изучал уйгурскую письменность по приказу Чингисхана; скорее всего, его обучал Тата Тунга, найманский дарга, который поступил на службу к Чингисхану и ввел письменность для официальных целей после поражения тюркоязычных (возможно, монголизированных) уйгуров в 1204 г. (Ratchnevsky, 1965: 87-88, fn. 2, 90-91, 96; Rachewiltz, 2006: 58, 134-135).

Биография Шиги Кутуку более подробно описана еще одним выдающимся приверженцем империи, можно сказать, его современником, великим историком и государственным деятелем Рашид ад-Дином (1247-1318), который сам является примером реализованных возможностей социальной мобильности. Родившись в еврейской семье Хамадана на северо-западе Персии, он обратился в ислам в возрасте тридцати лет и поступил на службу при дворе Ильханидов в качестве врача, став влиятельным советником Абака-хана (1265-1282 гг.), а затем визирем Махмуда Газана (1295-1304) и Улдзейту (1304-1316 гг.).

Рашид ад-Дину приписывают разработку и осуществление реформ Газан-хана на основе «иранских традиций централизованной феодальной формы правления [и] необходимости справедливой налоговой политики» (Petrushevsky, 1970: 151; Rashīd ad-Dīn, 2010). Несмотря на все это, часто говорят, что монголы смогли завоевать мир верхом на лошади, но что «им нельзя управлять с лошади» (Vira, 2000: 131), как было сказано Угедей-хану. Это явно наводит на мысль об ограниченной мобильности.

ОБСУЖДЕНИЕ

Основная стратегия монголов фактически ограничивалась добычей ресурсов и взиманием налогов с крестьян, городских жителей и торговцев. Однако для достижения этой цели их правители оказались достаточно гибкими, что позволило адаптироваться к местному опыту, интегрировать культурные методы и опыт правления регионом и при необходимости изменить свою официальную веру на христианство, буддизм или ислам. Но тем самым монгольская элита также претерпела различные формы культурных изменений. Динамика монгольской экспансии и завоеваний следовала нескольким простым правилам, не столько изобретенным,

сколько разработанным Чингисханом и его преемниками в то время, когда экономический рост и инфраструктура в Евразии достигли уровня, не имеющего себе равных в более ранних империях, таких как Сюнну (Xiongnu) или Жужаньский каганат (Rouran).

Как и в случае с предыдущими степными империями, местные правители могли либо согласиться на требование о капитуляции, либо столкнуться с порабощением и разрушением. Тем, кто сдавался вовремя, предлагали должности, в то время как тех, кто слишком поздно заявлял о верноподданности, часто считали ненадежными и размещали на передовой на поле боя. Затем они первыми напали на своих соседей, а когда монгольское командование решило двинуться дальше, то наступила ситуация, которой местные правители обычно стремились избежать любой ценой, предлагая взамен союз. Но даже тогда они были обязаны предоставлять войска, лошадей, еду и услуги монгольской армии и собирать налоги для хана, но это бремя было компенсировано лишь частично разграблением и военными трофеями (монг. *Sauqa*), которые они могли взять для себя.

Влияние этой динамики снежного кома часто приводится в качестве объяснения стремительного движения империи от монгольских до венгерских равнин в течение чуть более трех десятилетий, и это справедливо. Действительно, завоевание все новых территорий и их последующая эксплуатация победоносными вспомогательными войсками были решающим фактором в успехе империи, а также в ее окончательном крахе. Однако истоки слишком далеко зашедшей имперской политики нельзя объяснить только территориальной экспансией.

Обострение противоречий между ядром и периферией, между культурной преемственностью и изменениями, а также ослабление устойчивости давно проверенных интеграционных стратегий породили собственные ограничения. Эта динамика очень хорошо задокументирована в исторических записях Тайной истории, Алтан Тобчи и Эрденийн Тобчи. Например, ойраты, которые в 1201 г. все еще входили в противоборствующий лагерь Джамухи, но были среди тех немногих, кто своевременно подчинился, являются тому примером. Они поступили на службу в 1207 г., внесли значительный вклад в раннее строительство империи и получили привилегированное место среди подчиненных народов.

Воздавая должное военным заслугам и такому сотрудничеству, Чингисхан сделал своим родственником Кудуку Беки, самого выдающегося ойратского аристократа. Он отдал Кулукан, дочь своего старшего сына Джучи, старшему сыну Кудука Беки, Тёрёлчи, чей младший брат Иналчи получил в жены другую дочь Чечейген (Rachewiltz, 2006: 62–64, 163–65; Bawden, 1955; Sayang Sečen, 1956; Zhao, 2008: 129–131; Biran, 2018: 144).

Благодаря этим брачным союзам, которые распространились на другие линии борджигинцев в следующих поколениях, ойраты получили высочайший статус. В Монгольской империи теперь они составляли левое, или «восточное крыло», *je'ün qar* (произносится как *zun qar*, отсюда *Zungharia*), в самой западной части империи. После крушения монгольской династии Юань в 1368 г. ойраты по-прежнему оставались сильнейшим игроком и одними из первых участвовали в феодальной войне: после смерти хагана Эльбега Нигулесугчи в 1399 г. Тогон тайши (Цорос) объявил себя хаганом всех монголов, а ойраты образовали независимое, но недолго просуществовавшее ханство (1401–1404).

Это говорит нам о многом в монгольской модели инклюзивной этнической принадлежности и интеграции по различию (в отличие от принципа интеграции по сходству, типичного для современного государства) (Schlee, 2013), также подчеркиваются некоторые такие ограничения, как исключительное происхождение и политика родства. Хотя различные группы и отдельные лица могли достичь высоких постов в имперской иерархии благодаря заслугам и наградам, принадлежность к линии чингизидов – предпочтительно по крови, в противном случае через брак – оставалась важным условием для обретения политической власти.

Это было названо «принципом Чингизида», который подразумевал, что «только потомки Чингисхана мужского пола имели право называть себя ханами» (Miyawaki, 1992: 266; Sinor, 2010). Однако это, в конечном итоге, привело к ожесточенным войнам за престолонаследие и к очень «творческому» использованию генеалогий. Следовательно, «принцип Чингизида» со временем утратил свою функциональность и был постепенно заменен «божественным» узакониванием и аутентификацией Далай-ламы после повторного распространения тибетского буддизма в конце XVI в. среди западных монголов (Ahmad, 1970; Elverskog, 2008: 105–107, 120–121; Miyawaki, 1992).

Брачные союзы, фиктивное родство (анданар), полигиния, адаптация и слияние или разделение кланов были принципами, широко практиковавшимися в социальной организации кочевников для поддержания социальной и политической мобильности. Однако то, что хорошо работало на коллективной основе для предоставления убежища и пристанища вдовам, сиротам в результате войны или беженцам, часто становилось контрпродуктивным в применении к обществу в целом в имперском контексте. Многоженство привело к неясным притязаниям на власть и спровоцировало борьбу за престол среди конкурирующих родов. Брачные союзы, хотя и часто использовались в качестве средства для укрепления связей конкурирующих государств, часто превращались в источник интриг и конфликтов между участвующими сторонами (Schorkowitz, 1993).

РЕЗУЛЬТАТЫ

Пространственная и экономическая мобильность в Монгольской империи.

Если мы обратимся теперь к пространственной и экономической мобильности, связь между экспансией и завоеванием, с одной стороны, и местным управлением и сбором дани, с другой, вполне очевидна. Для того чтобы править, монголам пришлось ввести на своих периферийных территориях систему сдержек и противовесов (контрольно-балансовую систему). Чтобы облагать налогом местное население, требовались сборщики налогов и счетчики. А для общения с иностранными державами в Азии и Европе было необходимо знание иностранных языков и дипломатических соглашений. Короче говоря, монголы были достаточно гибки и способны комбинировать и рекомбинировать принципы своей политической организации с институтами, практиками и изобретениями покоренных народов. Они не только адаптировались к оседлым цивилизациям и учились у них, но также нанимали иностранных экспертов, когда это было необходимо, и переселяли население и военнопленных для своих собственных целей, как это случилось с фермерами из Средней

Азии и Китая, немецкими мастерами из Трансильвании или плотниками и ювелирами из России (Rashīd al-Dīn, 2010: 69–70; Rubruck, 1990: 144–146, 182; Carpine, 1989: 305–312, 316–319, 324–325, 331; Carpini, 1930: 220–24, 229, 236, 239–40, 253–54, 262; Robinson, 2009: 31, 44, 50). В результате «Пакс Монголика» создала возможности для интенсивной передачи культурных знаний, для распространения идеи путешествий и увеличения потока товаров, в чем могли участвовать все части империи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, империя выступала в качестве посредника в поставках «культурных товаров» из Китая, Центральной Азии и Персии для крайне амбициозной элиты, существенным образом формируя культурную идентичность в Западной Евразии и, в частности, в Азиатской Славии (Allsen, 2001: 191; 2009: 144–145; Schorkowitz, 2012; 2014).

Улус Джучи, например, известный также как Золотая Орда и расположенный к северо-западу от Чагатайского ханства, определил кипчакский язык как *lingua franca* своих недавно покоренных подданных, а также волжских болгар и, в некоторой степени, также Руси. Уйгурское письмо, введенное в имперскую бюрократию Чингисханом, было широко распространено до исламизации Золотой Орды, когда оно было заменено арабским письмом. Официальная переписка и указы, известные как ярлыки, были переводами с монгольского на кипчакский язык, которые были записаны уйгурским письмом.

Монголы ввели систему снабжения и почтовые дороги с сетью станций, которая позволила итальянскому путешественнику Плано Карпини преодолеть 3000 миль за 105 дней, привилегии тархана (*tarханliq*), которые служили наградой за службу и инструментом для создания элиты и, наконец, что не менее важно, должности баскака и даруги в Золотой Орде: первый являлся управляющим административно-территориальной единицы, а второй – сборщиком налогов или командиром (Vasary, 1976; 1978; 1987; Heywood, 2001; Golden, 2001; Vira, 2000: 133).

Основываясь на этих нововведениях и их стратегиях трансконтинентального правления и интеграции, монголы также определили на долгое время условия торговли «коммерческими товарами» вдоль «шелковых путей и дорог специй».

С окончанием территориальной экспансии в середине тринадцатого века, падением доходов от облагаемого высокими налогами населения и истощением финансовых резервов из-за непрерывного финансирования военной свиты, торговля на большие расстояния между Азией, Африкой и Европой становилась все более и более важной для чингизидских элит, которые изначально проявляли большой интерес к свободному потоку товаров и получению прибыли. С этой целью они гарантировали безопасное передвижение иностранцев и караванов по своим территориям, а также поддержание коммуникаций и инфраструктуры, и тем самым значительно улучшили условия передвижения в пределах Монгольской империи¹.

¹Об активизации торговли в этой трансконтинентальной империи см., в частности, Томас Т. Аллсен, Товар и обмен в Монгольской империи: Культурная история исламского текстиля (Cambridge: Cambridge University Press, 1997). Я благодарю Каренину Колльмар-Пауленц за то, что она напомнила мне об этом выдающемся произведении.

Однако к XIV в. некогда симбиотические отношения между ханом и купцом превратились во взаимозависимые отношения, в которых первый обеспечивал защиту, а второй финансировал многочисленные стычки представителей чингизидских линий, которые боролись за торговые поступления и контроль над торговлей на Кавказе и в Средней Азии (Endicott-West, 1989; Ciocîltan, 2012). Азиатские торговые доходы и торговый контроль. Религиозная принадлежность теперь стала критерием исключения из привилегированного выбора и, следовательно, установления более высоких тарифов на торговлю.

Это открыло путь к исламизации Золотой Орды, которая расширила Шелковый путь от Ургенча до Сарая, до Танаиса (Азов) и Каффы (Феодосия). Набеги Джанибека на генуэзские и венецианские торговые поселения в Крыму в 1343 г., а также разрушение Тамерланом торговых центров в Сарае, Астрахани и Танаисе в 1395 г. являются яркими примерами этих конфликтов. Потеря торговли на дальние расстояния обычно приводит к быстрому краху центральной власти, что проливает дополнительный свет на ограничения мобильности в *Rax Mongolica*.

Литература

Ahmad, Zahiruddin, (1970). *Sino-Tibetan Relations in the Seventeenth Century*. Rome: Instituto Italiano per il medio ed estremo Oriente

Allsen, Thomas, T. (1983). Prelude to the Western Campaigns: Mongol Military Operations in the Volga-Ural Region, 1217-1237. *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. Wiesbaden, Otto Harrassowitz Verlag, (3), 5–24.

Allsen, Thomas, T. (2001). *Culture and Conquest in Mongol Eurasia*. Cambridge: Cambridge University Press.

Allsen, Thomas, T. (2009). Mongols as Vectors for Cultural Transmission. *The Cambridge History of Inner Asia: The Chinggisid Age*, ed. Nicola Di Cosmo, Allen Frank, and Peter Benjamin Golden. Cambridge: Cambridge University Press

Atwood, C. P. (2004). Military of the Mongol Empire. *Encyclopedia of Mongolia and the Mongol empire*. New York: Facts on file. 457.

Bawden, Ch. R. (1955). *The Mongol Chronicle Altan Tobči: Text, Translation and Critical Notes*. Gottinger Asiatische Forschungen, Bd. 5. Wiesbaden: Harrassowitz, 205.

Bira, Sh. (2000). The Mongol Empire in the Thirteenth and Fourteenth Centuries: East-West Relations. *The Silk Roads: Highways of Culture and Commerce*, ed. Vadime Elisseeff. New York: Berghahn, 131.

Biran, M. (2018). Mobility, empire and cross-cultural contacts in Mongol Eurasia (MONGOL). *Medieval Worlds*, 8: 136.

Boyle, J. A. (1971). Rashīd al-Dīn, *The successors of Genghis Khan*. Translated by John Andrew Boyle. (Persian Heritage Series), New York, London, Columbia University Press, 372.

Boyle, J. A. (1997). Juvaini, *Genghis Khan: The History of the World Conqueror by 'Ala-ad-Din 'Ata-Malik Juvaini*, trans. by John Andrew Boyle, Manchester: Manchester University Press, 763.

Carpine, Giovanni di Pian di (1989). *Storia dei Mongoli*, edizione critica del testo latino a cura di Enrico Menestò, traduzione italiana a cura di Maria Christiana Lungarotti, e note di Paolo Daffinà, introduzione di Luciano Petech. Spoleto: Centro italiano di studi sull'alto medioevo.

Carpini, Johann de Plano (1930). *Geschichte der Mongolen und Reisebericht, 1245–1247*, trans. Friedrich Risch. Leipzig: Eduard Pfeiffer

- Ciociltan, Virgil (2012). *The Mongols and the Black Sea Trade in the Thirteenth and Fourteenth Centuries*, trans. Samuel Willcocks. Leiden: Brill.
- Elverskog, Johan (2008). *Our Great Qing: The Mongols, Buddhism and the State in Late Imperial China*. Honolulu: University of Hawai'i Press.
- Endicott-West, Elizabeth (1989). Merchant Associations in Yüan China: The Ortoy. *Asia Major* 3rd Series 2, no 2: 127–154
- Franke, H. (1978). From tribal chieftain to universal emperor and god: the legitimation of the Yuan Dynasty. Munich: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften.
- Genghis Khan: The History of the World Conqueror (1997), translated and edited by Ata-Malik Juvaini and J. A. Boyle. Seattle, WA: Washington University Press, 763.
- Golden, Peter Benjamin (2001). Some Notes on the *comitatus* in Medieval Eurasia with Special Reference to the Khazars, *Russian History/Histoire Russe* 28, no. 1: 153–170
- Heywood, Colin (2001). Yarligh. *The Encyclopedia of Islam* 9: 288–290.
- Haenisch, E. (1948). *Die Geheime Geschichte der Mongolen*. Leipzig: Otto Harrassowitz.
- Herlihy, D. (1973). Three patterns of social mobility in medieval history. *The Journal of Interdisciplinary History*, 3(4), 623–647.
- Hesse, K. (1982). *Abstammung, Weiderecht und Abgabe: zum Problem der konsanguinal-politischen Organisation der Mongolen des 13. bis zum 17. Jahrhundert*. Berlin: Reimer.
- Jackson, Peter (2005). *The Mongols and the West, 1221–1410*. Harlow: Pearson Education.
- Khazanov, A. M. (1981). The early state among the Eurasian nomads. *The study of the state*, 35, 155.
- Krader, L. (1968). *Formation of the State*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall
- Krader, L. (1969). Mongols: the governed and the governors. *Recueils de la Société Jean Bodin pour l'Histoire Comparative des Institutions*, 22, 512–526.
- Krader, L. (1978). The Origin of the State among the Nomads of Asia. *The Early State*, (32), 93–107.
- Kradin, N.N. (1995). The origins of the state among the pastoral nomads. In *Ethnohistorische Wege und Lehrjahre eines Philosophen: Festschrift für Lawrence Krader zum 75. Geburtstag*, ed. Dittmar Schorkowitz. Frankfurt am Main: Peter Lang, 163–177.
- Kradin, N.N. (1995). The Transformation of political systems from chiefdom to state: Mongolian example 1180 (?)–1206. In *Alternative pathways to early state*, 136–143.
- Miyawaki, J. (1992). The Chinggisid Principle in Russia. *Russian History Russe*. Vol. 19. N. 1–4.
- Müller, W., & Pollak, R. (2015). Mobility, social. *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*, vol. 15, ed. James D. Wright. Amsterdam: Elsevier, 2015.
- Pelliot, P. (1960). *Notes critiques d'histoire Kalmouke*. Texte, tableaux genealogiques (Oeuvres posthumes de Paul Pelliot. VI.). Paris: Adrien Maisonneuve.
- Petrushevsky, I. (1970). Rashīd al-Dīn's conception of the state. *Central Asiatic Journal*, 14 (1/3), 148–162.
- Rachewiltz, Igor de (2006). *The Secret history of the Mongols: a Mongolian epic chronicle of the thirteenth century* / transl. with a hist. a. philol. comment. by Igor de Rachewiltz. 2nd impr. with corr. Leiden; Boston: Brill, 646.
- Rashīd ad-Dīn. *The New Encyclopædia Britannica* (2010). Micropædia: Ready Reference, 15. ed., vol. 9. Chicago: Encyclopædia Britannica, 946.
- Ratchnevsky, P. (1965). Šigi-qutuqu, ein mongolischer Gefolgsmann im 12.-13. Jahrhundert. *Central Asiatic Journal*, 10, no. 2, 87–120.
- Robinson, David M. (2009). *Empire's Twilight: Northeast Asia Under the Mongols*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

- Rossabi, M. (2009). *Khubilai Khan: His life and times*. Berkeley: Univ of California Press.
- Rubruck, William of (1990). *The Mission of Friar William of Rubruck: His Journey to the Court of the Great Khan Möngke, 1253–1255*, trans. Peter Jackson. London: Hakluyt Society.
- Sayang Sečen (1956). *Erdeni-yin Tobči: Mongolian Chronicle*. Cambridge: Harvard University Press.
- Sinica Franciscana I, Itinera et relationes fratrum minorum saeculi XIII et XIV* (1929). Wyngaert A. van den (ed.). *Ad Claras Aquas* (Quaracchi-Firenze), 147-332.
- Sinor, Denis (2010). The Acquisition, the Legitimation, the Confirmation and the Limitations of Political Power in Medieval Inner Asia. *Representing Power in Ancient Inner Asia: Legitimacy, Transmission and the Sacred*, ed. Isabelle Charleux, Grégory Delaplace, Roberte Hamayon, and Scott Pearce. Bellingham: Western Washington University Press, 37–60.
- Spuler, B. (1943). *Die Goldene Horde. Die Mongolen in Rußland, 1223–1502*. Leipzig: Harrassowitz, 100.
- Spuler, B. (1985). *Die Mongolen in Iran: Politik, Verwaltung und Kultur der Ilchanzeit 1220-1350*. Brill.
- Schlee, Günther (2013). *Ruling over Ethnic and religious Differences: A Comparative Essay on Empires* (Max Planck Institute for Social Anthropology Working Paper No. 143). Halle/Saale: Max Planck Institute for Social Anthropology.
- Schorkowitz, D. (1992). *Die soziale und politische Organisation bei den Kalmücken (Oiraten) und Prozesse der Akkulturation vom 17. Jahrhundert bis zur Mitte des 19. Jahrhunderts: Ethnohistorische Untersuchungen über die mongolischen Völkerschaften*. Frankfurt am Main: Peter Lang.
- Schorkowitz, Dittmar (1993). Konsanguinal-politische Organisation und Grenzen der Souveränität bei den Kalmücken-Oiraten. *Altaica Berolinensia: The Concept of Sovereignty in the Altaic World*, ed. Barbara Kellner-Heinkele. Wiesbaden: Harrassowitz, 229–239.
- Schorkowitz, Dittmar (2012). Cultural Contact and Cultural Transfer in Medieval Western Eurasia, *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 40, no. 3: 84–94
- Schorkowitz, Dittmar (2014). Akkulturation und Kulturtransfer in der Slavia Asiatica. *Akkulturation im Mittelalter*, ed. Reinhard Härtel. Sigmaringen: Jan Thorbecke Verlag, 137–163.
- Vasary, István (1976). The Golden Horde Term *daruga* and Its Survival in Russia, *Acta Orientalia Hungarica* 30: 187–197
- Vasary, István (1978). The Origin of the Institution *basqaqs*. *Acta Orientalia Hungarica* 32: 201–206.
- Vasary, István (1987). Bemerkungen zum uighurischen Schrifttum in der Goldenen Horde und bei den Timuriden. *Ural-Altäische Jahrbücher* 7: 115–126.
- Weiers, Michael (2004) *Geschichte der Mongolen*. Stuttgart: Kohlhammer.
- Zhao, George Qingzhi (2008). *Marriage as Political Strategy and Cultural Expression: Mongolian Royal Marriages from World Empire to Yuan Dynasty*. New York: Peter Lang, 39, 319.

«Nomadic civilization: historical research» (возрастная категория 16+) предоставляет возможность научному сообществу публиковать новейшие оригинальные результаты своих исследований в области кочевниковедения, привлекает внимание ученых, включая специалистов из смежных областей, а также преподавателей и аспирантов вузов, к перспективным и актуальным направлениям современной науки.

Журнал «Nomadic civilization: historical research»
включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Учредитель/Издатель:

ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет
им. Б.Б. Городовикова» (КалмГУ)

Адрес редакции:

358000, Республика Калмыкия, г. Элиста,
ул. им. А.С. Пушкина, 11.

Главный редактор:

Екатерина Николаевна Бадмаева
E-mail: istkalm@yandex.ru

Научный редактор: Э.У. Омакаева

Переводчик: Э.У. Омакаева

Компьютерная верстка: Т.Е. Хахулин

Дата загрузки: 31 марта 2021 г.

 **Мнение редколлегии журнала
может не совпадать с мнением авторов**